проф. Г. И. Челпановъ.

ПСИХОЛОГІЯ

ОСНОВНОЙ КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ МОСКОВСК. УНИВЕРСИТЕТѢ въ 1908-9 г.

подъ редакціей студентовъ Г. О. ГОРДОНА и Н. А. РЫБНИКОВА.

Изданіе О-ва взаимопомощи студентовъ филологовъ подъ наблюденіемъ члена правленія А. Ф. Изюмова.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. И. ЛЮБИМОВА, Покровка, домъ № 4.
1909 г.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ПСИХОЛОГІИ КЪ ФИЛОСОФІИ.

Лекція 1-ая.

Въ настоящей лекціи я разсмотрю вопросъ,правильное разрѣшеніе котораго имѣетъ существенное значеніе для судьбы психологіи:я разумѣю вопросъ объ отношеніи психологіи къ философіи,и именно вопросъ о томъ,находится ли психологія въ какой-либо зависимости отъ философіи или нѣтъ.

Какъ извѣстно,психологія составляла нѣкогда неотъемлемую часть философіи или метафизики.Это происходило оттого, что психологія считалась наукой о природѣ души.Задача психологіи заключалась въ изученіи природы души.Типичнымъ представителемъ такой психологіи въ новѣйшей философіи является Гербартъ.

Въ основу своихъ психологическихъ изслѣдованій онъ кладетъ метафизическое опредѣленіе души. По его мнѣнію,душа представляетъ собою абсолютно простое существо,которое из самосохраненія вступаетъ въ борьбу съ другими простыми существами, съ такъ называемыми р е а л і я м и.Изъ этой борьбы возникаютъ представленія,взаимодѣйствіе которыхъ даетъ различныя душевныя состоянія,напримѣръ,чувства,волю и т.п.Исходя изъ этихъ предположеній о свойствахъ души,-предположеній, какъ это легко видѣть,имѣющихъ с п е к у л я т и в н ы й характеръ, Гербартъ старался вывести д е-

д у к т и в н о законы душевныхъ явленій. У него, напримѣръ, объясненіе ассоціаціи идей, воспріятія пространства и т. п, находится въ зависимости отъ взгляда на природу души.

Въ психологіи такого типа объясненіе законовъ душевных явленій находилось въ зависимости отъ взглядовъ на природу души. Въ ней философскія теоріи являлись необходимымъ предположеніемъ психологическихъ построеній. Безъ философскаго ученія о душѣ нельзя было приступить къ объясненію законовъ душевныхъ явленій. Законы же душевныхъ явленій выводились дедуктивно изъ принциповъ, которые лежали въ основѣ ученій о душѣ.

Отрицательное отношеніе къ зависимости психологіи отъ философскихъ теорій мы находимъ уже въ нѣмецкой философіи XVIII вѣка, но въ послѣднее время признаніе зависимости психологіи отъ философіи встрѣчаетъ особенно сильное противодѣйствіе.

Въ настоящее время очень многіе утверждаютъ, что, каких бы взглядовъ на природу души мы ни держались, это не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія на наше объясненіе законовъ душевныхъ явленій. Будемъ ли мы стоять на матеріалистической, спиритуалистической или иной какой-нибудь точкѣ зрѣнія, мы все равно должны будемъ разсматривать душевныя явленія только лишь какъ душевныя явленія. Наши чувства, мысли, волевые процессы могутъ быть изучаемы сами по себѣ, но

не какъ п р о я в л е н і я какой-либо души. Философское разсмотрѣніе души, поэтому, для психологіи, какъ науки о душевныхъ явленіяхъ, оказывается совершенно излишнимъ. Мало того, природу психическихъ явленій можно изучать и въ томъ случаѣ, если мы совсѣмъ не признаемъ существованія души. Такимъ образомъ возникаетъ пресловутая п с и х о л о г і я б е з ъ д у ш и, т.е. психологія безъ допущенія гипотезы души.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ стремленіемъ - устранить душу изъ психологіи - находится тенденція современной научной мысли по мѣрѣ возможности устранять всевозможныя г и п о т е з ы. Разъ гипотеза души не допускается, то ясно, что изученіе психологіи сводится къ изученію только психическихъ явленій, задача психологіи сводится къ простому о п и с а н і ю психическихъ явленій. Психологія должна только описывать психическія явленія въ томъ видѣ, какъ они совершаются въ дѣйствительности, не пользуясь никакими гипотезами. Вообще философскія теоріи не должны быть допускаемы въ психологіи, такъ какъ онѣ созидаютъ презумпцію, которая оказываетъ вредное вліяніе на чисто эмпирическое изученіе душевныхъ явленій, а потому для успѣшной разработки психологіи с о в е р ш е н н о е о т д ѣ л е н і е ея о т ъ ф и л о с о ф і и я в л я е т с я н е о б х о д и м ы м ъ т р е б о в а н і е м ъ.

Вотъ два противоположныхъ взгляда на отношеніе между философіей и психологіей.

Итакъ, должна ли оставаться прежняя связь психологіи съ философіей, или же психологія, подобно другимъ наукамъ, должна порвать связь съ нею? Какъ извѣстно, первоначально всѣ науки находились въ связи съ философіей, но постепенно онѣ отдѣлились отъ нея и стали развиваться самостоятельно. Отъ философіи отдѣлилась сначала математика, затѣмъ физика и физіологія, и только психологія почему-то остается въ связи съ ней, только она почему-то до сихъ поръ считается философской наукой. Поэтому вполнѣ естественнымъ является вопросъ, не должна ли традиціонная связь психологіи съ философіей быть порвана, быть признана неестественной и даже вредной?

Спорность вопроса о связи между психологіей и философіей въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ того, что терминъ философія употреблялся въ неопредѣленномъ смыслѣ, и самая связь эта понималась очень различно. Поэтому намъ слѣдуетъ расчленить вопросъ и разсмотрѣть, что слѣдуетъ понимать подъ философіей и что слѣдуетъ понимать подъ связью психологіи съ философіей.

Подъ философіей можно понимать прежде всего метафизику. Тогда подъ связью психологіи съ философіей можно будетъ понимать требованіе, что для построенія законовъ

душевной жизни необходимо предварительно построить метафизическую теорію о природѣ души, т.е. предварительно рѣшить вопросъ, существуетъ ли душа, ес ли она что-либо матеріальное, ес ли она субстанція и т.п.

Подъ философіей можно понимать т е о р і ю п о з н а н і я Въ задачи теоріи познанія, какъ извѣстно, входитъ изслѣдованіе основныхъ понятій науки. При отождествленіи философіи съ теоріей познанія связь между философіей и теоріей познанія можетъ пониматься такимъ образомъ, что для построенія законовъ психологіи необходимымъ предположеніемъ является изслѣдованіе нѣкоторыхъ понятій, лежащихъ въ основѣ психологіи, напримѣръ, понятій субстанціи, причины, воздѣйствія, понятія различія между физическими и психическими явленіями и т.п.

Наконецъ связь между психологіей и философіей можетъ быть понимаема такимъ образомъ, что ф и л о с о ф і я с л у ж и т ъ д л я з а в е р ш е н і я п о с т р о е н і й п с и х о л о г і и, т.е. что результаты обобщеній психологіи могутъ быть положены въ основу н а у к и о д у х ѣ, которая подобно натурфилософіи не есть наука эмпирическая, а есть наука философская. Въ этомъ смыслѣ психологія доставляетъ матеріалъ для построеній философіи; она является вспомогательной наукой по отношенію къ философіи.

Разсмотримъ сначала утвержденіе, что философскія пред-

посылки могутъ быть совершенно устранены изъ изученія законовъ душевной жизни, что психологія, какъ наука, должна совершенно игнорировать понятіе д у ш и , что ея задача должна сводиться къ простому о п и с а н і ю и к л а с с и ф и к а ц і и душевныхъ явленій. При такомъ пониманіи психологія превращается въ чисто эмпирическую науку; она не пользуется никакими философскими понятіями. Съ такимъ пониманіемъ задачъ психологіи нельзя согласиться. Многим кажется, что нѣтъ ничего проще, чѣмъ установленіе факта, чѣм о п и с а н і е того или иного явленія, что описаніе может осуществляться, если только мы пожелаемъ изобразить то, что является предметомъ непосредственнаго воспріятія. Но это неправильно. О п и с а н і е или к л а с с и ф и к а ц і я д у ш е в н ы х ъ я в л е н і й н е м о ж е т ъ о с у щ е с т в л я т ь с я б е з ъ к а к и х ъ-л и б о т е о р і й или в о о б щ е к а к и х ъ-л и б о р у к о в о д я щ и х ъ и д е й . Въ самомъ дѣлѣ, описаніе не можетъ никогда представлять простого изображенія явленій. Для того, чтобы произвести описаніе какого-либо явленія, мы въ большей или меньшей мѣрѣ измѣняемъ его. Мы у п р о щ а е м ъ его, р а з л а г а е м ъ на составныя части, мы а н а л и з и р у е м ъ его. Для того, чтобы произвести описаніе, мы должны обратить вниманіе на какую-нибудь существенную сторону явленія. Чтобы отличить, что въ явленіи

существенно,для этого нужна какая-либо теорія или какая-нибудь руководящая идея.Въ еще большей мѣрѣ это справедливо относительно классификацій.Для того,чтобы расположить предметы въ какомъ-либо порядкѣ,для этого нужно,чтобы мы руководились какимъ-либо соображеніемъ,отличая тотъ признакъ, который мы кладемъ въ основу классификаціи.Это показывает, что простое описаніе и классификація психологическихъ фактовъ невозможны.

Всякое описаніе предполагаетъ необходимо о б ъ я с н е н і е.Для объясненія необходимо выходить за предѣлы того,что дано въ непосредственномъ воспріятіи,т.е.при изученіи психическихъ явленій мы должны выходить за предѣлы непосредственно воспринимаемыхъ психическихъ процессовъ, а это,какъ мы увидимъ ниже, предполагаетъ употребленіе какихъ-либо понятій философски обработанныхъ

Возможно ли вообще устранить понятіе души?Можно ли считать выраженіе"психологія безъ души"правильнымъ?Это выраженіе при тщательномъ анализѣ приходится считать просто ложнымъ.Понятіе души есть такое понятіе,которое мы необходимо примышляемъ,когда мы думаемъ о тѣхъ или иныхъ психическихъ явленіяхъ.Въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ описывать какія бы то ни было психическія явленія,не примышляя понятія души,субъекта.Даже описаніе такого процесса, какъ,напримѣръ,сужденіе,уже предполагаетъ допущеніе

какого-либо субъекта,который является активнымъ въ соб - ственномъ смыслѣ слова,

Душа нами мыслится какъ какое-то е д и н с т в о, въ которомъ представленія находятся,которое содержитъ въ себѣ представленія,которое комбинируетъ и связываетъ.Она мыслится нами какъ с р е д а ,въ которой находятся духовныя явленія.

Кажется,что понятіе души можетъ быть совершенно устранено по той причинѣ,что оно есть к о л л е к т и в н о е понятіе - понятіе о существѣ состоящемъ изъ ряда элементовъ или душевныхъ атомовъ. это несправедливо.Душа не состоитъ изъ душевныхъ атомовъ,потому что душевные атомы не имѣютъ реальнаго существованія.Душевные атомы суть просто абстракціи.Мы о нихъ самихъ не можемъ думать безъ того,чтобы не думать о душѣ,о личности,которой присущи эти атомы.Представленіе о душѣ,о личности всегда п р е д в а р я е т ъ представленіе о различныхъ элементахъ,которые служатъ для созиданія представленія о нашемъ "я". Если понятіе души есть понятіе необходимое для мышленія отдѣльныхъ элементовъ,то нельзя сказать,чтобы оно с к л а д ы в а л о с ь изъ какихъ-либо элементовъ.

Если же понятіе души неустранимо,если это понятіе по необходимости предваряетъ изученіе душевныхъ явленій,то ясно,что психологія является также ученіемъ о д у ш ѣ,

въ которой совершаются душевныя явленія, а не только о я в л е н і я х ъ,которыя осуществляются безъ души.Конечно,такое понятіе души не предполагаетъ непремѣнно, что она есть нѣчто т р а н с ц е н д е н т н о е;она можетъ быть имманентна духовнымъ явленіямъ,но все же это есть понятіе души.

Изъ этого можно видѣть,что выраженіе п с и х о л о г і я б е з ъ д у ш и есть выраженіе,которое способно ввести въ заблужденіе.Психологія,какъ наука о душевныхъ явленіяхъ,всегда есть въ то же время наука о душѣ.

Еще яснѣе связь психологіи съ т е о р і е й п о з н а н і я.

Утвержденіе,что психологи-эмпирики при изслѣдованіи психическихъ явленій только описываютъ психическіе процессы, неправильно,потому что въ большинствѣ случаевъ они всегда дѣлаютъ попытки о б ъ я с н и т ь ихъ,и это объясненіе часто можетъ быть осуществлено только лишь при помощи гносеологически обработанныхъ понятій.Возьмемъ для примѣра понятіе п р о с т р а н с т в е н н о й п р о е к ц і и. Если это чисто-психологическое понятіе подвергнется изслѣдованію безъ предварительнаго гносеологическаго анализа,то проекція будетъ мыслиться какъ физическое перенесеніе во внѣ,т.е.будетъ мыслиться аналогичной физическому процессу,и даже изслѣдователи будутъ искать нервы, по ко-

торымъ ощущенія от мозга къ периферіи и т.п.

Положимъ далѣе, что нужно рѣшить вопросъ о томъ, з а к о н о м ѣ р н ы ли психическія явленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ закономѣрными являются физическіе процессы. Это, какъ извѣстно, необходимо для рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Его нельзя рѣшить простымъ наблюденіемъ смѣны психическихъ явленій. Его можно рѣшить только въ томъ случаѣ, если мы предварительно рѣшимъ вопросъ объ отношеніи психическихъ явленій къ физическимъ, а этотъ послѣдній является предметомъ теоріи познанія. Тотъ, кто не разсмотрѣлъ съ гносеологической точки зрѣнія вопроса объ отношеніи между психическими и физическими явленіями, говоря о л о к а л и з а ц і и п р е д с т а в л е н і й, будетъ употреблять такой ложный способъ выраженія, какъ "представленія складываются въ клѣткахъ головного мозга" и т.п.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что существуетъ какое-то чистое описаніе безъ предварительнаго гносеологическаго анализа тѣхъ основныхъ понятій, которыя служатъ для объясненія психическихъ явленій.

Что философскія понятія при изслѣдованіи душевныхъ явленій неустранимы- это можно показать на слѣдующихъ примѣрахъ: для Вундта, напр., психологія есть наука только о душевныхъ явленіяхъ. Но такъ какъ духу онъ приписываетъ свойства активности, то при объясненіи душевныхъ явленій онъ по-

стоянно пользуется именно этимъ понятіемъ. Объясненіе апперцепціи, вниманія, воли основывается у него на признаніи активности духа. Рибо, который сильнѣе всѣхъ отстаивалъ независимость психологіи отъ философіи, въ своей критикѣ теоріи эмоцій Джемса-Ланге становится на монистическую точку зрѣнія, ибо только благодаря ей онъ можетъ показать, что тѣлесное выраженіе аффектовъ не есть причина самихъ аффектовъ.. "По моему мнѣнію,- говоритъ онъ,- было бы весьма важно устранить изъ этого вопроса всякое понятіе о причинѣ и дѣйствіи и замѣнить это дуалистическое положеніе представленіемъ м о н и с т и ч е с к и м ъ". По мнѣнію Рибо, психическое и физическое есть одно и то же явленіе, выраженное на двухъ языкахъ. Эмпирическая теорія у Рибо опровергается при помощи положенія, имѣющаго несомнѣнно философскій характеръ, ибо какъ можно иначе назвать положеніе, по которому и духовное и матеріальное явленіе суть двѣ стороны одной и той же вещи. Вѣдь въ непосредственномъ опытѣ мы не можемъ усмотрѣть этого тождества. Изъ этого ясно, что философскія понятія являются необходимымъ предположеніем изученія законовъ душевной жизни.

Если нѣкоторые говорятъ, что въ основѣ психологіи долженъ лежать ч и с т ы й о п ы т ъ, то на первый взгляд кажется, что этимъ требованіемъ устраняется необходимость въ какой бы то ни было философіи. Но это несправедливо.

Для того,чтобы признать,что въ основу психологіи долженъ быть положенъ чистый опытъ,необходима философская рефлексія,необходима теорія познанія,чтобы выяснить,почему чистый опытъ называется чистымъ.Вѣдь понятіе чистаго опыта нуждается въ философскомъ оправданіи,оно не есть продуктъ непосредственнаго воспріятія.Это понятіе должно пройти горнило философской рефлек іи,прежде чѣмъ мы можемъ положить его въ основу изученія психологіи. Отрицатели значенія философіи для психологіи допускаютъ
Они пользуются терминами и понятіями,которые получились вслѣдствіе гносеологическаго анализа,т.е.послѣ того,какъ почва расчищена посредствомъ философіи,а затѣмъ начинаютъ утверждать,что философія не нужна для психологіи.

Итакъ,при изслѣдованіи психическихъ явленій нельзя ограничиваться только тѣмъ изученіемъ,которое можетъ доставлять непосредственный опытъ,необходимо употребленіе п о н я т і й,которыя являются предметомъ философскаго изученія.Въ этомъ смыслѣ ф и л о с о ф с к и о б р а б о т а н н ы я п о н я т і я я в л я ю т с я н е о б х о д и м о й о с н о в о й п с и х о л о г і и.

Наконецъ связь философіи съ психологіей является необходимой еще и въ томъ отношеніи,что п с и х о л о г і я д о л ж н а я в л я т ь с я о с н о в о й ф и л о с о ф і и,именно она должна способствовать построенію науки о

духѣ.

Подобно тому,какъ физика,химія и механика служатъ для выясненія основных свойствъ м а т е р і и,такимъ же образом и психологія способствуетъ выясненію основныхъ свойствъ д у х а.Съ точки зрѣнія философской весьма важнымъ представляется вопросъ,ес. ли духъ что-либо инертное,бездѣятельное,пассивное или,наоборотъ,онъ есть что-либо дѣятельное, оказываетъ дѣйствіе на матерію;отличается ли его дѣйствіе въ какомъ-либо отношеніи отъ дѣйствія физической энергіи и т.п.Наконецъ огромную важность представляетъ вопросъ о том, какова роль духа въ процессѣ мірового развитія.Это есть предметъ философіи духа.

Но всѣ эти вопросы объ основныхъ свойствахъ духа не могутъ быть рѣшены на чисто эмпирической почвѣ;они могутъ быть рѣшены только лишь при помощи с в е д е н і я въ о д н о ц ѣ л о е эмпирически добытаго матеріала,при чем это сведеніе не можетъ быть осуществлено безъ помощи обработанныхъ понятій.Для того,чтобы рѣшить вопросъ,ес. ли духъ субстанція,или онъ есть простая совокупность духовных явленій,нужно подвергнуть анализу понятія:сознанія,самосознанія,личности,отношенія духовныхъ явленій къ духовной субстанціи .Такимъ образомъ эмпирическое разсмотрѣніе природы душевныхъ явленій способствуетъ разрѣшенію философскаго вопроса о природѣ духа.

Мы къ этимъ вопросамъ приходимъ необходимо потому, что психологія, какъ наука, не можетъ довольствоваться только описаніемъ и объясненіемъ душевныхъ явленій, совсѣмъ не ставя вопроса о природѣ духа. Психологія, которая только описываетъ, воздерживаясь отъ всякихъ объясненій, представляетъ собою обрывки знаній, не сведенныхъ въ одно цѣлое. Такая психологія едва ли можетъ кого-либо удовлетворить. Умъ человѣческій по самой своей природѣ стремится къ философскому познанію дѣйствительности. Поэтому всякій психологъ стремится быть въ концѣ концовъ философомъ. Ни одинъ психологъ, дававшій обѣтъ воздержанія отъ объясненій, до сихъ поръ еще не сдерживалъ своего обѣщанія. Посредствомъ примѣра можно показать, что простымъ описаніемъ или даже объясненіемъ какого-либо ряда психическихъ явленій нельзя считать психологическое изслѣдованіе законченнымъ. Возьмемъ, напр., "измѣреніе" психическихъ явленій или "описаніе" зависимости психическихъ явленій отъ физическихъ. Можно ли сказать, что на этихъ описаніяхъ или этихъ измѣреніяхъ умъ человѣческій можетъ успокоиться? Рѣшительно нѣтъ. Произведя эти описанія или измѣренія, мы ставимъ вопросъ, отчего же психическія явленія могутъ быть измѣряемы? и на этотъ вопросъ отвѣчаемъ: "оттого, что психическія явленія имѣютъ физическую природу" или что нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ попытка о б ъ я с н и т ь приводитъ къ примѣненію гипотезъ относительно при-

роды душевныхъ явленій въ сравненіи съ природой матеріальныхъ явленій, а это вопросъ, само собою разумѣется, философскій. Если мы попытаемся объяснить причину постоянной связи между процессами психическими и физическими, то мы придемъ или къ монизму, или къ матеріализму. Вообще всякая попытка давать окончательныя объясненія душевныхъ явленій приводитъ къ постановкѣ вопроса о душѣ, о природѣ ея. При окончательномъ объясненіи мы наталкиваемся на вопросъ о матеріальности и нематеріальности духовныхъ явленій и т.п.

Такимъ образомъ эмпирическая психологія, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ, необходимо приводитъ къ философскому ученію о душѣ или къ философіи духа.

Но если, съ одной стороны, философія духа есть конечная цѣль психологіи, то, съ другой стороны, тѣ или другія философскія теоріи о душѣ необходимо оказываютъ воздѣйствіе на объясненіе тѣхъ или иныхъ психическихъ явленій. Такъ, напр., если психологъ признаетъ существованіе нематеріальной души, то онъ не будетъ думать, что воспоминанія хранятся въ формѣ какихъ-либо матеріальныхъ слѣдовъ. Если психологъ признаетъ, что душа есть нѣчто активное, то процессы воспроизведенія и ассоціаціи будутъ для него являться выраженіемъ активности духа. Наоборотъ, если психологъ отрицаетъ законность самаго понятія души, какъ активнаго принципа, то онъ всѣ психическія явленія будетъ объяснять посредствомъ простой ассоціаціи душевныхъ элементовъ, которые пассивно соединяются другъ съ

другомъ ,и т.п.Если кто-либо стоитъ на волюнтаристической точкѣ зрѣнія,то это происходитъ не только изъ соображеній эмпирическаго характера,но и потому,что волюнтаристическое объясненіе психическихъ явленій служитъ подтвержденіемъ различныхъ метафизическихъ теорій (напр.,у Паульсена и Вундта).

Указанное только что воздѣйствіе философскихъ теорій оказывается не какою-нибудь случайностью,а имѣетъ характер чего-то необходимаго.

Если я говорю о психологіи,которая дѣлается философіей, то изъ этого не слѣдуетъ, что я отрицаю чисто эмпирическую психологію.Можно признать право отдѣльнаго существованія экспериментальн психологіи криминальной психологіи, психологіи народовъ, психологіи животныхъ и т.п. Пусть представители этихъ видовъ психологіи описываютъ и объясняютъ психическія явленія въ своей области.Они соберутъ очень цѣнный матеріалъ, который можетъ представить огромную практическую важность.Но этого мало.Нужно этотъ матеріалъ систематизировать,свести къ единству.Нужно указать положеніе тѣхъ или иныхъ данныхъ въ общей системѣ психологическихъ знаній.Это уже есть задача той психологіи, которую мы назовемъ общей, теоретической или философской психологіей.

Необходимость такого различенія между частно-психоло-

гическими изслѣдованіями и общей психологіей ясна изъ предыдущаго, но его можно сдѣлать еще болѣе яснымъ при помощи слѣдующаго примѣра. Пусть кто-нибудь вполнѣ хорошо опишетъ явленія, связанныя съ глазомѣромъ, или пусть онъ объяснитъ какую-либо группу зрительныхъ иллюзій. Но этого для психологіи еще мало. Нужно показать мѣсто, которое эти описанные и объясненные факты занимаютъ въ проблемѣ воспріятія пространства, а затѣмъ нужно, въ свою очередь, указать, какое мѣсто занимаетъ сама эта проблема воспріятія пространства въ объясненіи основныхъ законовъ духовной жизни: есть ли это воспріятіе что-либо врожденное, осуществляется ли оно при помощи ассоціаціи или при помощи такъ называемой психической химіи и т. п. Это уже есть философская проблема.

Такимъ образомъ слѣдуетъ отличать частныя психологическія изслѣдованія, которыя производятся въ фи іологіи, психіатріи, въ зоологіи и т. п., отъ психологіи, приводящей въ систему эти отрывочныя знанія. Эту послѣднюю психологію слѣдуетъ считать психологіей въ собственномъ смыслѣ. Это именно и есть психологія теоретическая, общая или философская. Она изслѣдуетъ основные законы духа. Ее слѣдуетъ называть философской потому, что ея предметъ можетъ быть изслѣдуемъ только лишь при помощи философски обработанныхъ понятій.

Изъ этого слѣдуетъ, что психологія не должна отрѣшаться

отъ философіи; напротивъ, она должна стать въ болѣе тѣсную связь съ ней. Другими словами, психологія должна оставаться философской наукой, ибо ея связь съ философіей естественна и необходима.

2-я. Лекція.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Въ настоящей лекціи я имѣю цѣлью разсмотрѣть вопросъ о предметѣ психологіи. Положеніе психологіи въ ряду другихъ наукъ все еще остается неопредѣленнымъ потому, что невыясненъ вопросъ, каковъ предметъ ея въ отношеніи къ предмету естествознанія. Если сказать, что предметомъ психологіи является міръ психическій, коренннымъ образомъ отличающійся от міра физическаго и именно тѣмъ, что міръ физическій есть міръ "внѣшній" въ отличіе отъ міра психическаго, который является міромъ "внутреннимъ"; то получается такое представленіе, какъ если бы дѣло шло о двухъ мірахъ, отдѣленныхъ пространственно другъ отъ друга. Такое пониманіе нужно считать очень распространеннымъ. Очень многіе въ настоящее время думаютъ, что мысль совершается въ мозгу. Многіе, если и соглашаются съ тѣмъ, что это утвержденіе невѣрно, однако все же считаютъ вполнѣ законнымъ вопросъ: "а гдѣ же совершаются психическіе процессы"? и обыкновенно отвѣчаютъ на него такимъ образомъ, что они совершаются

гдѣ-то въ предѣлахъ нашего организма. Изъ такого отвѣта получается представленіе какого-то особеннаго внутренняго психическаго міра, мыслимаго по аналогіи съ физическимъ міромъ, но только меньшаго размѣра. Но дѣйствительно ли такъ нужно понимать отношеніе между явленіями физическими и психическими ? Не является ли такое толкованіе отношенія между явленіями физическими и психическими ложнымъ ? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо опредѣлить, что такое "психическій" въ отличіе отъ "физическаго", Моя задача заключается въ томъ, чтобы выяснить вопросъ, что мы называемъ "психическимъ" въ отличіе отъ "физическаго". Это я и называю вопросомъ о предметѣ психологіи.

Обыкновенно принято говорить, что между предметомъ психологіи и предметомъ наукъ о природѣ есть то существенное различіе, что предметъ психологіи познается путемъ особаго пріема, который называется с а м о н а б л ю д е н і е м ъ. Такой способъ выраженія нужно считать вполнѣ правильнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самонаблюденіе или внутреннее воспріятіе является исходнымъ пунктомъ познанія психическихъ явленій. Совершенно справедливо утвержденіе, что если бы мы даже объективно наблюдали проявленіе психической жизни, напр., у ребенка, у животныхъ, у душевно-больныхъ и т.п., то тѣмъ не менѣе эти проявленія могутъ сдѣлаться для насъ понятными только въ томъ слу-

чаѣ, если при истолкованiи ихъ мы воспользуемся тѣмъ,что намъ извѣстно изъ самонаблюденiя.Но терминологiя,которой мы пользуемся въ этомъ случаѣ,именно когда мы говоримъ, что мы воспринимаемъ,при помощи"внутренняго чувства","внутренняго опыта","внутренняго зрѣнiя,и т.п.,нуждается въ ближайшемъ разъясненiи,потому что попытка понимать процесс так наз внутренняго воспрiятiя по аналогiи съ процессомъ внѣшняго воспрiятiя можетъ привести къ ложному истолкованiю природы психическихъ процессовъ.Возникаетъ вопросъ.кк. можно было бы истолковать процессъ внутренняго зрѣнiя, самонаблюденiя.

Прежде всего кажется, что процессъ самонаблюденiя даже не можетъ осуществиться, что самое понятiе самонаблюденiя есть contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ,что долженъ наблюдать умъ въ процессѣ самонаблюденiя? Свою собственную дѣятельность.Но для того, чтобы наблюдать процессы,въ немъ самомъ происходящiе, умъ долженъ на время остановить свою дѣятельность,чтобы имѣть возможность заняться самонаблюденiемъ.Но если умъ прекратитъ свою дѣятельность, то что же въ такомъ случаѣ онъ будетъ наблюдать? Если умъ прiостановитъ свою дѣятельность, то и наблюдать ему будетъ нечего.Напримѣръ, я хочу наблюдать чувство гнѣва.Пока я испытываю это чувство, тогда я не могу его наблюдать,но какъ только я перестаю гнѣваться, тогда нечего наблюдать.Далѣе,

если процессъ внутренняго воспріятія понимать по аналогіи съ процессомъ внѣшняго воспріятія, то тотчас же возникаетъ вопросъ, при помощи какого органа осуществляется процессъ самонаблюденія или воспріятія внутреннихъ процессовъ? Вѣдь, если для воспріятія внѣшнихъ процессовъ необходимы органы, то точно такимъ же образомъ и для воспріятія внутреннихъ процессовъ должны существовать такіе же органы или же органъ. Такимъ образомъ кажется, что существованіе особаго органа необходимо для того, чтобы могло осуществиться воспріятіе. Но такъ какъ такого органа отыскать нельзя, то кажется, что и самый процессъ внутренняго воспріятія не можетъ осуществиться.

Но противъ этого возраженія слѣдуетъ сказать: какъ бы ни казался непонятнымъ процессъ самонаблюденія, одно можно утверждать съ полною увѣренностью, именно, что онъ возможенъ, возможенъ потому, что фактически мы познаемъ психическіе процессы. Слѣдовательно, сомнѣваться можно не въ осуществимости процесса самонаблюденія, а въ объясненіи этого процесса. Что мы можемъ воспринимать психическіе процессы, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; сомнѣніе можетъ возникать относительно того, какъ слѣдуетъ объяснить осуществленіе этого процесса. Объясненіе осуществимости процесса самонаблюденія находится въ самой тѣсной связи съ пониманіемъ предмета психологіи.

Выше было сказано, что предметомъ психологическаго изслѣдованія является то, что мы называемъ міромъ внутреннимъ въ отличіе отъ міра внѣшняго, который является предметомъ изслѣдованія естествознанія или наукъ о природѣ. При такомъ формулированіи отличія предмета психологіи от предмета естествознанія кажется, что между предметомъ естествознанія и предметомъ психологіи лежитъ цѣлая пропасть. Но на самомъ дѣлѣ отношеніе между предметомъ психологіи и предметомъ естествознанія таково, что о нихъ можно было бы выразиться, что между ними въ извѣстномъ смыслѣ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія. Это можно иллюстрировать при помощи слѣдующаго примѣра.

Предо мною находится домъ; онъ имѣетъ извѣстную величину, форму, цвѣтъ и т.п. и находится на извѣстномъ разстояніи отъ меня. Этотъ домъ есть вещь, предметъ внѣшняго воспріятія. Если я отвернусь отъ этого дома и не стану разсматривать его, но все же буду думать о немъ, то у меня будетъ то, что мы называемъ мысль о домѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ съ одной стороны домъ, какъ вещь, съ другой стороны домъ, какъ мысль. Домъ, какъ мысль, имѣетъ извѣстное содержаніе. Спрашивается, отличается ли это содержаніе отъ того содержанія, которое мы приписываемъ дому какъ вещи? Можно прямо сказать, что совершенно не отличается. Домъ, какъ вещь, мыслится мною какъ разъ съ тѣмъ самымъ содержа-

ніемъ, съ какимъ мыслится и домъ,какъ мысль.Но съ другой стороны несомнѣнно,что между домомъ,какъ вещь,и домомъ, какъ мысль,есть огромное различіе.Для всякаго очевидно,что они не одно и то же.Я могу не думать о домѣ, у меня может не быть мысли о домѣ,но тѣмъ не мѣн омъ будетъ существовать,и,наоборотъ, домъ можетъ уничтожиться въ то время, какъ мысль объ этомъ домѣ можетъ оставаться въ моемъ сознаніи.Изъ такой независимости одного отъ другого можно сдѣлать то заключеніе, что"вещи" и"мысли о вещахъ"не одно и то же,Однако несомнѣнно также и то,что между ними есть общее,заключающееся въ томъ,что мы ввсегда мыслимъ ихъ съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ.Все равно,думаю ли я о самой вещи или о мысли объ этой вещи я всегда мыслю ихъ съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ.Говорю ли я о домѣ или я говорю о своей мысли объ этомъ домѣ - содержаніе будетъ одно и то же.

Если такъ, то спрашивается, какимъ же образомъ я отличаю то и другое. Вѣдь если вещь и мысль о вещи имѣютъ одно и тоже содержаніе, то я долженъ былъ бы смѣшивать одно съ другимъ; я долженъ былъ бы не отличать, что я, напримѣръ, въ томъ или другомъ случаѣ имѣю дѣло съ домомъ-вещью или съ домомъ -мыслью;однако на самомъ дѣлѣ я ихъ отличаю другъ отъ друга.Нужно очень немного размышленія, чтобы видѣть, чѣмъ обусловливается это различеніе.Если бы я ска-

залъ, что это происходитъ отъ того, что мы одинъ разъ одно содержаніе с у б ъ е к т и в и р у е м ъ, а другой разъ о б ъ е к т и в и р у е м ъ, то могло бы показаться, что мы имѣемъ дѣло съ простой тавтологіей, потому что сказать, что содержаніе нами объективируется - это все равно, что сказать, что извѣстное содержаніе кажется намъ вещью. Объ извѣстномъ содержаніи сказать, что оно нами субъективируется - это все равно, что сказать, что извѣстное содержаніе кажется намъ мыслью. Поэтому наша ближайшая задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы показать, что значитъ, что мы то или другое содержаніе субъективируемъ, другими словами, ч ѣ м ъ о т л и ч а е т с я п р о ц е с с ъ с у б ъ е к т и в и р о в а н і я и з в ѣ с т н а г о с о д е р ж а н і я о т ъ п р о ц е с с а е г о о б ъ е к т и в и р о в а н і я. Различіе между этими двумя процессами станетъ для насъ яснымъ, если я скажу, что я одно и то же содержаніе одинъ разъ привожу въ связь съ какимъ-либо вещами внѣ меня, въ другой разъ, я то или другое содержаніе мыслю въ какой-либо связи съ моимъ "я". Напримѣръ, я въ классной комнатѣ показываю ученикамъ какой-либо минералъ. Это есть предметъ естествознанія. Я представляю себѣ эту вещь какъ независящую отъ моего "я". Я именно привожу ее въ связь съ вещами, находящимися внѣ моего "я". Я ухожу изъ этой комнаты, вещь остается въ этой комнатѣ. Я знаю, что

если я через нѣкоторое время возвращусь въ эту комнату,то я снова найду эту вещь въ этой комнатѣ. Я могу уѣхать изъ этого города, но у меня все же остается сознаніе, что эта вещь будетъ находиться въ этой комнатѣ. Другими словами - это содержаніе мыслится независимо отъ моего"я".Но положимъ я въ настоящее время предаюсь какому-нибудь размышленію.Вы спрашиваете меня, о чемъ я думаю? Я думаю о минералѣ въ классной комнатѣ. Какъ я мыслю объ этомъ содержаніи? Это содержаніе мнѣ уже представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ. Я замѣчаю, что есть какая-то связь между этимъ содержаніемъ и между представленіемъ моего "я".Я замѣчаю, что это содержаніе какъ будто бы не связано ни съ какимъ опредѣленномъ мѣстомъ. Мнѣ даже оно представляется передвигающимся вмѣстѣ съ моимъ"я".Во всякомъ случаѣ такъ или иначе связаннымъ съ моимъ"я".Я замѣчаю, что отъ меня зависитъ, будетъ и это содержаніе существовать,или нѣтъ.Это содержаніе можетъ забываться,ослабѣвать въ своей интенсивности или усиливаться- все это зависитъ отъ меня.Если такимъ образомъ это содержаніе не зависитъ ни отъ какого мѣста, то во всякомъ случаѣ оно какимъ-то образомъ связано съ представленіемъ моего"я".Этотъ примѣръ дѣлаетъ яснымъ, что мышленіе какого либо содержанія въ связи съ представленіемъ нашего"я"(свойства этого "я" мы разсмотримъ ниже) дѣлаютъ изъ этого содержанія мысль просто; но если

это содержаніе мыслится независимо отъ представленія нашего"я",а въ связи съ вещами,независящими отъ нашего "я" то мы имѣемъ дѣло съ содержаніемъ,которое дѣлаетъ вещь. Этотъ примѣръ показываетъ,что присоединеніе къ извѣстному содержанію представленія нашего"я" дѣлаетъ то или другое содержаніе субъективнымъ. Такимъ образомъ одно и то же содержаніе можетъ быть то предметомъ естествознанія, то предметомъ психологіи, въ зависимости отъ того, съ какой группой представленій оно находится въ связи.Изъ этого становится яснымъ, въ чемъ заключается предметъ психологіи въ отличіе отъ предмета естествознанія.Предметъ психологіи, поскольку это, по крайней мѣрѣ, касается представленій и ощущеній, тотъ же, что и предметъ естествознанія, съ той разницей, что онъ мыслится съ отличной точки зрѣнія.Точка же зрѣнія становится отличной вслѣдствіе того, что къ тому или другому ощущенію примышляется представленіе нашего "я".

Я долженъ обратить вниманіе на употребляемый мною терминъ:"примышляется то или другое представленіе нашего "я". Этимъ я хочу сказать, что то или иное содержаніе можетъ быть или физическимъ или психическимъ,т.е. быть предметомъ естествознанія или психологіи въ зависимости отъ того, приводится ли оно въ связь съ вещами внѣшняго міра или къ нему примышляется представленіе нашего "я".Нѣко-

рые психологи напр.Эббинггаузъ, Кюльпе x) и др.,обсуждая этотъ вопросъ,употребляютъ нѣсколько отличный отъ этого способъ выраженія.Именно они въ этомъ случаѣ употребляют понятіе зависимости отъ нашего тѣлеснаго"я". Они находятъ,что только тѣ переживанія являются предметом психологическаго изслѣдованія,которыя находятся въ зависимости отъ тѣлеснаго организма.Легко видѣть,что понятіе зависимости отличается отъ понятія простого примышленія нашего"я".

Какъ легко видѣть, это утвержденіе близко подходитъ къ тому взгляду на отношеніе между физическимъ и психическим, который въ послѣднее время защищали Махъ и Авенаріусъ xx). Къ отрицанію принципіальнаго различія между психическимъ и физическимъ Авенаріусъ пришелъ вслѣдствіе того, что онъ отвергалъ понятіе интроекціи,т.е.такое пониманіе,въ силу котораго психическія состоянія находятся гдѣ-то внутри нашего организма.Въ послѣднее время очень односторонне утверждалось, что отрицательное отношеніе къ интроекціи впервые было высказано Авенаріусомъ. Мнѣ кажется, что ненаучный характеръ этого понятія сдѣлался особенно яснымъ при постановкѣ проблемы пространствен-

x)Ebbinghaus.Grundzüge der Psychologie.1905.$ 1.Külpe. Grundriss der Psychologie. $1).

xx).Mach. Die Analyse der Emptindungen.Avenarius.Der menschliche Weltbegriff.

ной проекціи.

Какъ извѣстно, сущность этой проблемы заключается въ слѣдующемъ. Я вижу на горизонтѣ звѣзду. Такъ какъ ощущеніе звѣзды, повидимому, имѣетъ мѣсто у меня въ мозгу, то непонятно, отчего звѣзда кажется находящейся на горизонтѣ. Самое простое разрѣшеніе этого вопроса заключалось бы въ томъ, что ощущеніе какимъ-то образомъ переносится отъ мозга къ горизонту. Такое перенесеніе можно было бы назвать проекціей ощущеній. Пространственная проекція, такимъ образомъ, есть перенесеніе психическихъ состояній изъ мозга въ міръ, находяшійся внѣ насъ, въ міръ пространственный. Но противорѣчивость проекціи, понимаемой въ только что приведенномъ популярномъ смыслѣ, давно уже было отмѣчена и самое это понятіе было отброшено. Емѣстѣ съ этимъ необходимо падало и пониманіе пространственной отграниченности психическаго міра. Еъ самомъ дѣлѣ, если бы допустить, что міръ психическій и міръ физическій - два пространственно раздѣльныхъ міра, то никакъ нельзя было бы понять, какимъ образомъ при абсолютномъ различіи ихъ предметовъ былъ бы возможенъ переходъ изъ одного міра въ другой. Приходилось признать, что пространственная проекція есть противорѣчивое понятіе. Въ такомъ случаѣ, чтобъ объяснить, отчего ощущенія, повидимому, имѣющія мѣсто у насъ въ мозгу, на самомъ дѣлѣ кажутся находящимися внѣ насъ, нужно было допустить одно изъ двухъ: или ч т о в е с ь п р о с т р а н-

ственный міръ находится внутри мозга или что все содержаніе сознанія находится внѣ мозга

Для того, чтобы перемѣстить весь пространственный міръ въ мозгъ, какъ это сдѣлаъ Ибервегъ ,нужно было разсуждать слѣдующимъ образомъ.Ощущеніе не есть вещь,которая можетъ быть выброшена и которая можетъ существовать внѣ организма. Такая проекція за предѣлы организма,чтобы ощущеніе было тамъ, гдѣ нѣтъ души, невозможна.- Мы не относимъ нашихъ ощущеній внѣ насъ,но весь видимый міръ находится въ предѣлахъ нашего собственнаго тѣла.Вещи суть наши представленія.Онѣ протяженны,слѣдовательно,представленія протяженны.Представленія находятся въ душѣ.Слѣдовательно и душа протяженна.Если весь пространственный міръ находится у нас въ мозгу, то голова наша достигаетъ до звѣзднаго міра.При такомъ д пущеніи различіе между духовнымъ и матеріальным совершенно утра ивалось бы. Тогда всѣ процессы и духовные и матеріальные совершались бы въ предѣлахъ этого мозга, вмѣщающаго въ себѣ весь воспринимаемый міръ.

Или можно было бы поступить наоборот и сказать, что такъ какъ сознаваемое по существу не можетъ находиться въ предѣлахъ мозга, то оно находится внѣ мозга.Изъ такого допущенія вытекало слѣдующее. Съ точки зрѣнія этой теоріи на вопросъ, гдѣ наход тся ощущенія, мы можемъ отвѣ-

тить: тамъ, гдѣ они наъ представляются,т.е.,напр.,ощущеніе звѣзды находится на горизонтѣ;Представленіе церкви находится на разстояніи двухъ верстъ отъ меня.Всѣ представленія и всѣ ощущенія такимъ образомъ мы отнесемъ въ міръ, находящійся внѣ нашего мозга.И въ этомъ случаѣ различіе между матеріальными вещами и между представленіями утрачивается.Въ самомъ дѣлѣ, если признать,что все психическое находится внѣ мозга, тогда окажется, что пространственная локализація должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только лишь установленіемъ опредѣленнаго отношенія между содержаніемъ сознанія,Тогда окажется, что одни элементы сознанія находятся ближе , а другіе дальше.

Словомъ сказать,какъ только ставился вопросъ о пространственной проекціи,тотчасъ же его рѣшеніе приводило къ отрицанію принципіальнаго различія между духовнымъ и матеріальнымъ,что касается представленій и ощущеній.Какъ только принципіальное различіе устраняется, то тотчасъ же поднимается вопросъ, какъ же опредѣлить различіе между ними, а этотоъ вопросъ по необходимости приводитъ къ тому рѣшенію, которое нами было предложено выше.

Я разберу нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, что дѣйствительно то, что я назвалъ содержаніемъ, дѣлается предметомъ психологіи въ томъ случаѣ, когда оно приводится въ связь съ представленіемъ нашего "я".Я не буду говорить

о чувствахъ, влеченіяхъ, желаніяхъ и т.п.:ихъ тѣсная,неразрывная связь съ представленіемъ"я" вполнѣ очевидна.Эти состоянія такъ интимно связаны съ представленіемъ нашего "я",что имѣютъ всегда только субъективный характеръ.Предметный характеръ имъ никогда не можетъ быть присущъ:не можетъ быть объективныхъ чувствъ,объективныхъ желаній.Поэтому рѣчь можетъ идти только лишь объ ощущеніи,т.е.о тѣхъ элементахъ сознанія,которые такъ или иначе.имѣютъ отношеніе къ объективному міру.Возьмемъ крайніе случаи.Я испытываю сильное чувство.Мое сознаніе такъ поглощено переживаніемъ этого чувства,что ничто объективное не мыслится.Мыслится только наше"я".Тогда"я" представляетъ собой болѣе или менѣе чистый с у б ъ е к т ъ.Съ другой стороны,есть случаи,когда мы воспринимаемъ тѣ или иныя содержанія съ полнымъ забвеніемъ нашего"я".Напримѣръ,когда мы любуемся какимъ-нибудь пейзажемъ.Въ такомъ случаѣ принято говорить, что происходитъ сліяніе субъекта съ объектомъ.На самомъ дѣлѣ это есть то состояніе,когда мы воспринимаемъ,такъ сказать,чистый о б ъ е к т ъ. Я возьму ощущенія и покажу,кк. измѣняется ихъ характеръ въ зависимости отъ того, съ какой группой представленій мы приводимъ ихъ въ связь."Я слышу звукъ,который исходитъ изъ источника звука,находящагося вправо отъ меня".Въ этомъ случаѣ примышленіе моего субъекта едва ли можетъ подвергаться сомнѣнію. Если я скажу:"яр-

- - - - -

кій лучъ свѣта мнѣ непріятенъ", то и здѣсь указанное выше примышленіе не подвержено сомнѣнію и въ то же время не подвергается сомнѣнію чисто психологическій характеръ этихъ утвержденій. Для противоположенія разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ тотъ же цвѣтъ, который только что являлся предметомъ психологіи, можетъ быть предметомъ естествознанія. Это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если мы то или другое цвѣтовое содержаніе приписываемъ вещи, мыслимъ вещь, представляемъ себѣ извѣстную вещь окрашенной тѣмъ или инымъ цвѣтомъ, при чемъ совершенно не примышляемъ нашего "я". Мы думаемъ о вещи какъ о чемъ-то такомъ, что существуетъ совершенно независимо отъ нашего "я". Тогда содержаніе "цвѣтъ" пріобрѣтаетъ исключительно объективный характеръ и дѣлается предметомъ естествознанія. Мы говоримъ о вещахъ окрашенныхъ, мы говоримъ объ измѣненіи цвѣта вещей и т.п. Далѣе, въ какомъ случаѣ звуки, напр., могутъ быть предметомъ естествознанія? Здѣсь разсужденіе такое же, какъ и относительно содержанія "цвѣтъ". Звукъ можетъ сдѣлаться предметомъ естествознанія въ томъ случаѣ, когда мы представляемъ себѣ звучаніе вещей, когда мы звучаніе приписываемъ вещи какъ его свойство на ряду съ другими свойствами. Напр., мы представляемъ колоколъ звучащій, камертонъ звучащій и т.п. Только въ этомъ случаѣ звукъ дѣлается предметомъ естествознанія. Вообще же звукъ, какъ ощущеніе, всегда мыслится въ связи съ дѣятельностью слуховогоаппарата или другими словами, въ связи съ представленіемъ наше-

го физическаго"я".Когда я говорю:"я слышу звукъ",то примышленіе дѣятельности слухового аппарата несомнѣнно.

Возьмемъ примѣры посложнѣе."Лунный свѣтъ слабѣе свѣта солнца". Есть ли это предложеніе предметъ психологіи или физики?Конечно,и физика этотъ вопросъ можетъ занимать такъ же, какъ онъ можетъ занимать психолога,но не съ той точки зрѣнія,съ какой онъ занимаетъ психолога Вѣдь высказывая это положеніе,я могу думать,что оно является продуктомъ измѣренія при помощи такъ называемой нормальной свѣчи;тогда я буду думать объ относительной интенсивности свѣта,какъ о чемъ-то отъ меня независимомъ.Это будетъ просто что-то объективное.Но если я говорю объ интенсивности свѣта въ томъ смыслѣ,какъ если бы я хотѣлъ выразить,что на меня производитъ такое впечатлѣніе,что одинъ свѣтъ сильнѣе другого,то это будетъ положеніе психологическое.Разъ я говорю,что на меня"производитъ впечатлѣніе",то я этимъ хочу выразить,что въ этомъ случаѣ,мое"я" задѣто опредѣленнымъ образомъ.Если такъ,то ясно,что отношеніе къ моему"я",субъекту,имѣется. Если я скажу,что"звукъ проходитъ съ извѣстной скоростью", то я говорю о чемъ-то объективномъ,отъ меня независимомъ. Какъ только я говорю о звукѣ,что оно пріятно,что оно непріятно и т.п.,то сейчасъ же отношеніе къ моему"я" и его субъективный характеръ становится отчетливымъ.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что представленіе,ощущеніе, сужденіе пріобрѣтаютъ психологическій характеръ въ томъ слу-

чаѣ, когда они приводятся въ связь съ представленіемъ нашего "я", при чемъ это представленіе о нашемъ "я" есть частью представленіе о нашемъ физическомъ, частью о нашемъ психическомъ "я".

Теперь мы можемъ объяснить процессъ с а м о н а б л ю д е н і я послѣ того, какъ мы выяснили, въ какомъ пунктѣ предметъ естествознанія соприкасается съ предметомъ психологіи. Никакъ не слѣдуетъ думать, что есть какое-либо смотрѣніе внутрь. Этотъ образный способъ выраженія не долженъ нас вводить въ заблужденіе. Въ то же время слѣдуетъ отмѣтить, что не существуетъ никакого особеннаго органа для воспріятія предметовъ внутренняго опыта. Процессъ внутренняго воспріятія можетъ быть объясненъ безъ признанія какого бы то ни было органа. Воспроизведемъ аргументацію, приведенную нами выше. Если я воспринимаю какую-нибудь вещь, напр., столъ, и у меня въ сознаніи оказывается опредѣленное содержаніе, мысль о вещи, то это содержаніе совсѣмъ не отличается отъ того содержанія, которое у насъ бываетъ въ сознаніи въ то время, когда мы думаемъ, что у насъ есть представленіе стола. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ къ вышеуказанному содержанію присоединяется представленіе моего "я" и прежде всего представленіе моего физическаго "я". Именно, что я при желаніи имѣть только мысль о столѣ отворачиваюсь, что я закрываю глаза, что мое физическое "я" удаляется и т.п. Мнѣ кажется, что мое физическое "я" передвигается съ моими предста-

вленіями, словомъ сказать, содержаніе моего сознанія становится независимымъ отъ того комплекса, который можно назвать объективнымъ. Въ этомъ случаѣ представленіе дѣлается предметомъ самонаблюденія. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ отличается самонаблюденіе отъ наблюденія внѣшняго міра? Тѣмъ, что къ объективному содержанію примышляется еще представленіе о моемъ "я". Чтобы этотъ процессъ примышленія сдѣлался яснымъ, возьмемъ въ примѣръ внутреннее воспріятіе какого-либо чувства. Я испытываю чувство гнѣва. Это есть просто переживаніе. Но вотъ я хочу его изучить такъ, какъ его изучаетъ психологъ. Тогда я воспроизвожу его въ слабой формѣ, я вновь переживаю чувство гнѣва, я вновь воспроизвожу по возможности всѣ тѣ психическія состоянія, которыя сопровождаютъ это чувство. Когда я просто переживаю это чувство, то сознаніе о моемъ "я" возникаетъ въ неясной формѣ, когда же я воспринимаю чувство гнѣва съ той цѣлью, чтобы изучить его свойства, то въ моемъ сознаніи является представленіе аккомпаниментовъ этого чувства вмѣстѣ съ отчетливымъ представленіемъ моего "я". Я къ образу моего "я" примышляю состояніе гнѣва. Изъ этого примѣра ясно, что внутреннее воспріятіе какого-либо чувства состоитъ въ томъ, что мы представляемъ наше "я" переживающимъ извѣстное состояніе. Если бы я хотѣлъ выяснить, какимъ образомъ какое-либо ощущеніе дѣлается предметомъ самонаблюденія, то мнѣ пришлось бы повторить то, что мною было выше сказано относительно того, какъ какое-либо объек-

тивное содержаніе дѣлается психическимъ.

Такимъ образомъ разрѣшается парадоксъ, который приводилъ въ затрудненіе Огюста Конта, именно, какъ это "я" можетъ наблюдать самого себя. Вмѣстѣ съ этимъ становится понятнымъ, кк. мы отвѣтимъ на вопросъ, гдѣ же находятся психическіе процессы, ощущенія, представленія и т.п.- въ мозгу или гдѣ-нибудь внѣ мозга"Я нахожу, что просто нельзя ставить вопроса г д ѣ по отношенію къ ощущеніямъ. Вѣдь м ѣ с т о м о ж е т ъ п р и н а д л е ж а т ъ т о л ь к о о б ъ е к т и р о в а н н ы м ъ о щ у щ е н і я м ъ; мѣсто есть понятіе исключительной объективности и потому пытаться примѣнить его къ тому, что именно лишено этой объективности, значитъ допускать противорѣчивое утвержденіе. Звѣзда, какъ вещь, находится на горизонтѣ. Ощущеніе звѣзды нигдѣ не находится. Психическій процессъ ощущенія въ данномъ случаѣ есть установленіе отношенія между извѣстнымъ содержаніемъ и представленіемъ нашего "я". Можетъ ли этому отношенію принадлежать мѣсто, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его примѣняемъ къ объективному содержанію? Само собою разумѣется, что процессъ ощущенія, представленія и т.п. всегда будетъ казаться происходящимъ въ головѣ, потому что при рефлексіи, какъ уже было указано выше, мы примышляемъ дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ: глаза, уха, мозга и т.п.

При указанномъ мною объясненіи процесса внутренняго воспріятія падаетъ то понятіе, которое такъ часто приводило въ

затрудненіе мысль,когда хотѣли понять,что такое самонаблюденіе и употребляли понятіе"сознаніе сознанія",при чемъ это "сознаніе сознанія"повторяется безчисленное множество разъ Это происходитъ вслѣдствіе того,что при мышленіи о самонаблюденіи мы находимся какъ бы подъ вліяніемъ сравненія съ отражающимъ зеркаломъ,которое отражаетъ себя безчисленное множество разъ.Но это,разумѣется,неправильно.Процессъ настоящей умственной рефлексіи,самосознанія,"сознаніе сознанія"можетъ осуществиться только одинъ разъ,а если мы говоримъ о повторной рефлекціи,то мы имѣемъ дѣло только лишь съ символическими представленіями,т.е .вѣрнѣе сказать,оперируемъ просто съ метафорой.По обычному пониманію"я",воспринимающее себя,какъ бы повторяется безчисленное множество разъ,между тѣмъ на самомъ дѣлѣ сознаніе нашего"я",когда оно дѣлается объектомъ,предметомъ воспріятія,мыслится такъ же,какъ и вещь;второе"я" мыслится нами по аналогіи съ предметами внѣшняго міра.Въ этомъ смыслѣ самосознаніе имѣетъ совершенно характеръ объективнаго познанія.

Но,чтобы то рѣшеніе вопроса о предметѣ психологіи,которое мною было предложено выше,пріобрѣло убѣдительность,необходимо выяснить,что слѣдуетъ понимать подъ с у б ъ е к т о м ъ,который,какъ было сказано,примышляется къ тому или иному содержанію.Можно думать,что дѣло идетъ о субъектѣ чисто духовномъ,но съ другой стороны можно думать также,что дѣло идетъ о просто физическомъ субъектѣ.Что меня касает-

ся, то я думаю, что дѣло идетъ о субъектѣ въ широкомъ смыслѣ слова; мы его мыслимъ со столько же духовными свойствами, сколько и съ физическими. Представленіе нашего "я" составляется изъ представленія, по преимуществу, зрительнаго, нашего тѣла, различныхъ чувствъ, которыя группируются около представленія нашего тѣла. Наше "я" представляется намъ кк. что-то активное, способное перерабатывать содержаніе ощущеній. "Я" мыслится нами какъ нѣчто единое, центральный пунктъ всевозможныхъ переживаній, оно мыслится нами сохраняющимъ свое тождество и т.п.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что предметъ психологіи можетъ быть объясненъ безъ допущенія пространственной раздѣльности внутренняго и внѣшняго міра. Самый процессъ внутренняго воспріятія можетъ быть объясненъ безъ признанія какого-либо органа для этого воспріятія. Въ существованіи такого особеннаго органа никакой надобности не имѣется.

Кому-нибудь можетъ показаться, что я, говоря о предметѣ психологіи, ограничился только указаніемъ на общій корень происхожденія субъективныхъ и объективныхъ представленій и очень мало останавливался на вопросѣ о психическомъ субъектѣ и реальности этого послѣдняго, а это собственно и есть настоящій предметъ психологіи. Но по этому поводу я считаю необходимымъ замѣтить, что подробное разсмотрѣніе этого вопроса выходило бы за предѣлы поставленной мною зада-

чи. Какъ я только что сказалъ, я признаю реальность психическаго субъекта, признаю также его своеобразную природу. Признаніе такого субъекта является для меня исходнымъ пунктомъ. Я исхожу изъ признанія, что субъектъ активный, цѣлеполагающій, оцѣнивающій имѣется налицо. Моя задача заключалась только въ томъ, чтобы выяснить психологически процессъ внутренняго восприятія, самонаблюденія, объяснить различіе между предметом психологіи и предметомъ естествознанія, совершенно не касаясь вопроса о реальности духа и матеріи. Другими словами, я хотѣлъ установить чисто психологическую природу понятія предмета психологіи. Я исключилъ изъ своего разсмотрѣнія гносеологическую точку зрѣнія. Съ той точки зрѣнія, на какой я стою, можно притти также къ гносеологическому реализму, какъ и гносеологическому идеализму; можно притти къ позитивизму, так же, какъ и положить начало какой-либо метафизической системѣ, потому что моя задача, имѣющая чисто эмпирическій характеръ, заключалась въ томъ, чтобы указать, въ какомъ пунктѣ соприкасаются представленія о вещахъ съ представленіями-мыслями, составляющими предметъ психологіи.

-.-.-.-.

О МЕТОДѢ ПСИХОЛОГІИ.

3-я Лекція.

Мы остановились прошлый разъ на вопросѣ о методѣ психологіи. Мы видѣли, что терминъ методъ является по отношенію къ самонаблюденію искусственнымъ: правильнѣе было бы сказать, что самонаблюденіе есть не методъ, но способъ познанія психическихъ явленій.

Между самонаблюденіемъ и внѣшнимъ наблюденіемъ коренного различія не существуетъ; между ними есть точки соприкосновенія. Но по отношенію къ самонаблюденію у насъ возникаетъ сомнѣніе :- дѣйствительно ли оно можетъ считаться источникомъ психологическаго познанія, или же нѣтъ. Даже сторонники самонаблюденія указываютъ на его крупные недостатки. Этотъ терминъ вызываетъ прежде всего такого рода недоумѣніе: какъ собственно во внутреннемъ опытѣ можетъ быть осуществлено самонаблюденіе? Внѣшнее наблюденіе характеризуется тѣмъ, что мы направляемъ свое вниманіе на какой-нибудь предметъ и тщательно изучаемъ его, наблюдая въ теченіе продолжительнаго времени и разсматривая его при этомъ со всѣхъ сторонъ. Можетъ ли быть нѣчто подобное во внутреннемъ опытѣ? Конечно, нѣтъ. Въ тотъ моментъ, когда мы направляемъ свое вниманіе на какой-нибудь психическій процессъ, предмета уже нѣтъ на ли-

по, мы оперируемъ съ образами воспоминанія; непосредственно наблюдать явленіе мы не можемъ. Напримѣръ, если я вспоминаю о чувствѣ страха, или о чувствѣ гнѣва, которыя я переживалъ, то я оперирую именно съ образами воспоминанія. Поэтому правильнѣе было бы говорить не самонаблюденіе, а самовоспріятіе: терминъ "самонаблюденіе" какъ будто притязаетъ на то, чтобы быть поставленнымъ наряду съ внѣшнимъ наблюденіемъ, что фактически невозможно. Итакъ, замѣтимъ, что мы имѣемъ дѣло съ самовоспріятіемъ и потому такой способъ изслѣдованія несетъ всѣ недостатки, связанные съ оперированіемъ образами воспоминанія. Есть вещи, которыя мы не можемъ точно воспринять и воспроизвести и въ наше воспоминаніе мы всегда вносимъ нѣчто новое, не соотвѣтствующее дѣйствительности: нѣкоторыя части мы ослабляемъ, другія усиливаемъ.

Несомнѣнно методъ самонаблюденія, взятый самъ по себѣ, имѣетъ много недостатковъ. Но терминъ самонаблюденіе не можетъ быть истолкованъ только въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ иногда его противники. Я указывалъ въ пропедевтическомъ курсѣ на мнѣніе, будто самонаблюденіе предполагаетъ, что психологія должна строиться только на основаніи наблюденій надъ самимъ собой. Я указывалъ, что это неправильно: самонаблюденіе предполагаетъ и наблюденія надъ другими индивидами. Мы говорили о самонаблюденіи въ томъ смыслѣ, что переживанія другихъ постигаются нами лишь потому, что мы переводимъ ихъ на языкъ самонаблюденія. Выраженіе, принад-

лежащее одному психологу,"я ношу свою лабораторію съ самимъ собой",т.е.мысль,что онъ можетъ обойтись безъ всего другого кромѣ личнаго самонаблюденія,совершенно неправильна,потому что съ наблюденіемъ самого себя связаны тысячи индивидуальныхъ особенностей,не имѣющихъ цѣны,для науки,которая ищетъ вездѣ общаго.Такимъ образомъ самонаблюденію свойственны большіе недостатки, и оно нуждается въ пополненіи его объективнымъ наблюденіемъ.Самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими должны быть соединены и именно такой соединенный методъ самонаблюденія и объективнаго наблюденія и можетъ имѣть серьезное научное значеніе.Вамъ извѣстно,что въ настоящее время многими психологами предъявляется требованіе,чтобы психологія не довольствовалась однимъ самонаблюденіемъ,но чтобы она прибѣгала и къ эксперименту.Я указывалъ вамъ,что эти два способа изученія-самонаблюденіе и экспериментальное изслѣдованіе разсматриваются иными,какъ другъ другу совершенно противоположные.Но это не что иное, какъ простой предразсудокъ:здѣсь нѣтъ полной противоположности. Самонаблюденіе не исключаетъ эксперимента, и нельзя наоборотъ,при экспериментальномъ изслѣдованіи избавиться отъ необходимости пользоваться самонаблюденіемъ: одно съ другимъ тѣсно связано.Но нѣкоторая противоположность существуетъ,и потому отношеніе самонаблюденія къ эксперименту въ психологіи остается невыясненнымъ. Существуютъ два мнѣнія по этому вопросу.Многіе выдающіеся философы относятся

скептически къ экспериментальному направленію въ психологіи. Такъ Куно Фишеръ всѣ приборы, которыми пользуется экспериментальная психологія, называлъ дѣтскими игрушками. Если таково отношеніе Куно Фишера, то, конечно, онъ не остается безъ подражателей. У насъ въ Россіи тоже есть направленіе относящееся скептически къ эксперименту въ психологіи. Но есть и другое мнѣніе, -какъ будто даже превалирующее въ Россіи,- что кромѣ экспериментальной психологіи никакой другой не существуетъ. Что касается меня, то я считаю эти оба мнѣнія слишкомъ крайними. Экспериментальная психологія оказала важныя услуги общей психологіи, и не признавать въ настоящее время значенія экспериментальной психологіи, значитъ отодвигаться далеко назадъ. Экспериментальная психологія оказала важныя услуги, напримѣръ, педагогической психологіи, обогативъ ее такими данными, получить которыя безъ эксперимента было бы немыслимо.

Итакъ, для насъ представляется важнымъ выяснить теоретически, что такое экспериментъ и каково его значеніе, или, другими словами, понять смыслъ и сущность эксперимента. Что такое экспериментъ? Мы противополагаемъ его простому наблюденію. Если возникло како-нибудь явленіе, и я просто обратилъ на него вниманіе, то тѣмъ самымъ и произвелъ наблюденіе, напримѣръ, -надъ яркимъ свѣтомъ, послѣдовательными изображеніями и т.д. Явленіе возникло случайно, я мимоходомъ ознакомился съ фактомъ, произвелъ наблюденіе. Что касается

эксперимента, то изъ логики мы знаемъ,что сущность эксперимента заключается въ томъ,что къ тому или другому явленію мы относимся не пассивно ,и воспринимаемъ его не случайно,но,наоборотъ,относимся къ нему активно,способствуя возникновенію явленія и не только его возникновенію,но даже и видоизмѣненію условій,при которыхъ совершается явленіе,и благодаря этому мы имѣемъ возможность изучать природу этого явленія.Вотъ различіе между простымъ наблюденіемъ и экспериментомъ.

Я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на то,что въ естествознаніи и въ психологіи понятіе эксперимента употребляется въ двоякомъ смыслѣ.Если я употребляю усиліе, чтобы искуственно вызвать явленіе,-это будетъ эксперимент, но экспериментъ въ широкомъ смыслѣ слова.Но есть и болѣе узкое понятіе эксперимента.Если мы,изучая какое-нибудь явленіе,видоизмѣняемъ условія,способствующія возникновенію его,и на этомъ основаніи изучаемъ причинную связь,-это будетъ экспериментъ въ собственномъ смыслѣ слова.Напримѣръ: у меня возникаетъ вопросъ,боятся дѣти темноты или нѣтъ? Что же я дѣлаю для выясненія этого вопроса?Я затемняю мгновенно комнату и наблюдаю,есть ли у дѣтей чувство страха.Я пытаюсь вызвать извѣстное психическое состояніе.Будет это экспериментъ или нѣтъ?Многіе говорятъ нѣтъ,но безспорно здѣсь есть экспериментъ.Такое изслѣдованіе отличается отъ простого наблюденія.Если я случайно вижу выраженіе страха,

возникшаго безъ моего вмѣшательства,-это будетъ,конечно, только простое наблюденіе.Если же я своимъ вмѣшательствомъ вызываю его,это уже безспорно экспериментъ.Точно также,когда учитель въ школѣ предлагаетъ ученикамъ вопросы или задаетъ вопросы на экзаменѣ,-онъ производитъ своего рода эксперименть.

Въ естествознаніи и психологіи мы имѣемъ,обыкновенно,въ виду эксперементъ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова:мы видоизмѣняемъ условія,чтобы этимъ путемъ можно было изучить причины явленія.Чрезвычайно важно,чтобы мы знали условія и могли бы искусственно ихъ видоизмѣнять.Я позволю себѣ для примѣра иллюстрировать,такъ называемую,Мюллеровскую иллюзію.

Мы имѣемъ двѣ равныя параллельныя линіи,изъ которыхъ каждая ограничена двумя углами,направленными въ разныя стороны[x]. Вы видите,что нижняя линія кажется намъ длиннѣе верхней.Возникаетъ вопросъ,отчего это происходитъ? каковы причины иллюзіи" Мы можемъ сдѣлать всевозможныя предположенія Можетъ быть иллюзія происходитъ оттого,что линіи параллельны,находятся не рядомъ или оттого,что промежутки заполнены, наконецъ,оттого,что линіи ограничены углами,такъ что,если-бы онѣ были ограничены какой-нибудь другой фигурой,то иллюзіи,можетъ быть,и не было бы.Мы можемъ вызвать измѣненіе условій,которыя являются причинами иллюзіи,и посмотрѣть тогда,благодарячему она возникаетъ.Я предполагаю прежде

- - - - - - - - - - -

x) см. въ концѣ лекцій рис. 1.

всего,что иллюзія возникла оттого,что линіи параллельны; устраняю параллельность x),-иллюзія остается. Можетъ быть, она возникла оттого,что промежутки между углами заполнены. Устраняемъ линію:иллюзія остается. xx).Можетъ быть,если бы линіи были ограничены не углами,иллюзіи не было бы. Замѣнив углы дугами,видимъ,что иллюзія остается попрежнему xxx. Можетъ быть,наконецъ, если взять еще какую-нибудь фигуру,иллюзія исчезаетъ.Поставимъ вмѣсто дугъ полные круги:иллюзія остается xxxx).Можетъ быть она исчезнетъ,если мы возьмемъ вмѣсто двухъ угловъ по одному,но и здѣсь иллюзія не исчезаетъ xxxxx)

Я не рѣшилъ,конечно,вопроса,но показалъ только,какъ можно измѣнять условія,при которыхъ совершается психическое явленіе,какъ можно изслѣдовать психическое явленіе путемъ эксперимента.Это экспериментъ въ собственномъ смыслѣ слова,онъ конечно не законченъ,но вы можете все же видѣть,въ чемъ состоитъ сущность экспериментальнаго изслѣдованія.

Примемъ ли мы опредѣленіе эксперимента въ первомъ или во второмъ смыслѣ,т.е. поставимъ себѣ задачей вызвать искусственно явленіе или видоизмѣнить условія,при которых совершается психическое явленіе,-и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы увидимъ преимущества изученія при помощи экспе-

- - - - - - - - - - - - - - - -

x) см. рис. 2.
xx) см. рис. 3.
xxx) см. рис. 4.
xxxx) см. рис. 5.
xxxxx) см. рис. 6.

римента сравнительно съ пріемами простого наблюденія. Первое преимущество заключается въ слѣдующемъ: при простомъ наблюденіи мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ случайнымъ, не повторяющимся, которое мы не успѣваемъ даже разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ; экспериментъ даетъ возможность повторять явленіе, воспроизводить его, и тѣмъ самымъ всесторонне изучить. На примѣръ, какое-нибудь цвѣтовое или слуховое явленіе мы воспринимаемъ случайно, можетъ быть, разъ въ 10 лѣтъ, экспериментируя мы повторяемъ изучаемое явленіе и потому можемъ направлять вниманіе на особенно интересныя для насъ стороны.

Второе преимущество состоитъ въ томъ, что возможность воспроизвести явленіе, производя экпериментъ приближаетъ психологію въ извѣстномъ смыслѣ къ естествознанію. Въ самомъ дѣлѣ, натуралистъ можетъ всегда вернуться къ изучаемому предмету, который онъ изучалъ вчера, недѣлю, годъ тому назадъ, - для психолога же нѣтъ такой возможности безъ эксперимента. То обстоятельство, что мы можемъ, видоизмѣняя ус-условія возникновенія явленія, наблюдать измѣненіе самаго явленія, даетъ возможность установить въ данномъ явленіи причинное соотношеніе. Если бы мы не могли видоизмѣнять условій, мы не были бы въ состояніи установить причинную связь. Такимъ образомъ мы можемъ установить закономѣрность психическихъ явленій главнымъ образомъ благодаря экспери-

менту.Наконецъ, самое важное преимущество: въ экспериментѣ мы выходимъ за предѣлы индивидуальныхъ различій,тогда какъ производя изслѣдованія надъ собой, мы всегда склонны индивидуальныя психическія особенности истолковывать въ смыслѣ законовъ,т.е. приписывать имъ всеобщность.

Но что является наиболѣе существеннымъ и что дѣлаетъ эксперименты особенно цѣнными для науки - это возможность повторенія ихъ при одинаковыхъ условіяхъ.Это значитъ слѣдующее:я въ лабораторіи Вундта, Мюллера, Штумпфа произвожу изслѣдованія,описываю ихъ, вы въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани можете вызвать и изучить эти же явленія,провѣрить мои наблюденія.Это характерная,существенная особенность эксперимента,котор ая простому наблюденію несвойственна.Поэтому если встрѣчаются гдѣ-либо такіе эксперименты,которые не могутъ быть повторены,то мы вправѣ сказать,что это не наука,но фантазія.Такъ,напримѣръ, въ книгѣ"Экспериментальныя изслѣдованія о непосредственной передачѣ мыслей" указаны такіе эксперименты,которыхъ никто кромѣ автора не могъ бы повторить.Итакъ,экспериментъ позволяетъ указать условія явленія,повторить его.Это дѣлаетъ возможнымъ и провѣрку и контроль.Вотъ въ чемъ заключаются преимущества экспериментальнаго изслѣдованія.

Мы привыкли думать,что,если рѣчь идетъ объ экспериментѣ,то мы имѣемъ то же,что и въ физикѣ и химіи,т.е.что мы можемъ произвести точное измѣреніе,которое можетъ быть

выражено числомъ и тѣмъ самымъ подвергнуто количественному анализу, потому что физическія и химическія явленія доступны измѣренію. Спрашивается: можно ли въ психологіи примѣнять экспериментъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ въ физикѣ и химіи? могутъ ли психическія явленія быть такъ же точно измѣрены, какъ явленія физическія и химическія?

На этотъ вопросъ одного отвѣта въ настоящее время пока еще не существуетъ. Есть два отвѣта: одни говорятъ, что число можетъ быть приложено къ анализу психическихъ явленій, другіе отрицаютъ эту возможность. Кто интересуется этимъ вопросомъ тотъ долженъ во всякомъ случаѣ, такъ или иначе отвѣтить на вопросъ - измѣримы или нѣтъ психическія явленія, примѣнимъ ли въ области психологіи экспериментъ въ смыслѣ измѣренія явленій? Стоитъ только разсмотрѣть условія измѣренія въ области физическихъ явленій, чтобы стала ясна вся трудность этого вопроса.

Каковы условія измѣренія въ области физики, что значитъ измѣрить явленіе, вещь, предметъ? Измѣрить предметъ, измѣрить какую-нибудь величину значитъ сравнить ее съ какой-нибудь другой величиной, принятой нами за единицу, и показать, сколько разъ послѣдняя совмѣщается въ первой. Если мы это сдѣлаемъ, мы говоримъ, что произвели измѣреніе. Вотъ, напримѣръ, предъ нами стѣна; я беру извѣстную единицу длины, напримѣръ 1 метръ, и хочу опредѣлить, сколько разъ метръ совмѣщается въ стѣнѣ; опредѣливъ это, я говорю, что измѣрилъ длину стѣны

Таковъ процессъ измѣренія во всѣхъ областяхъ міра физическаго. Будемъ ли мы измѣрять количество свѣта съ помощью единицы, называемой нормальной свѣчой, количество - теплоты - калоріями, электричества - вольтами или амперами т.д., вездѣ мы ищемъ единицу опредѣленной величины, которая постоянно сохраняется, которой мы постоянно пользуемся, и которая вездѣ и повсюду, теперь и впослѣдствіи должна сохранять опредѣленную неизмѣнную величину.

Такимъ образомъ ясно, что если мы говоримъ, что психическія явленія могутъ быть измѣряемы, въ томъ же смыслѣ, какъ и явленія физическія, то мы должны указать, гдѣ та единица, при помощи которой мы могли бы измѣрять психическія явленія. Вопросъ этотъ, начиная уже съ 60-хъ г.г., философы ставили и многіе изъ нихъ отвѣчали на него отрицательно: въ мірѣ физическомъ такая единица всегда можетъ быть найдена, но въ психическомъ ея нѣтъ, и психическія явленія измѣрены быть не могутъ. На самомъ дѣлѣ укажите намъ такую единицу.? Есть данныя, заставляющія предполагать, что существуютъ единицы, аналогичныя физической и дающія возможность измѣрять психическія явленія. Я обращаю ваше вниманіе на одинъ примѣръ, иллюстрирующій примѣненіе одной такой единицы, я хочу указать вамъ вѣроятность существованія единицъ для измѣренія психическихъ явленій.

Астрономы, вѣроятно еще со временъ халдеи, дѣлятъ звѣзды по величинѣ на нѣсколько классовъ - на звѣзды первой ве-

личины, второй, третьей, чертвертой, ..., пятнадцатой величины и т.д. На простой глазъ мы отмѣчаемъ звѣзды шести величин. Спрашивается чѣмъ руководствуются астрономы, дѣля звѣзды по величинѣ? Это обстоятельство представляетъ огромную теоретическую важность.

Въ первой группѣ мы имѣемъ звѣзды одной величины, во второй - звѣзды нѣсколько большей величины и т.д. Надо замѣтить, однако, что хотя и принято говорить о величинѣ звѣздъ, но на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ различными степенями яркости: когда распредѣляютъ звѣзды по классамъ, ихъ дѣлятъ не по величинѣ, а именно по яркости; и въ обиходной жизни говорятъ - эта звѣзда болѣе яркая, чѣмъ другая. На какомъ же основанiи астрономы утверждаютъ, что данная звѣзда относится къ извѣстному классу, напримѣръ къ четвертому? Потому, что по своей яркости она похожа на звѣзды, отнесенныя въ 4-й классъ. Возникаетъ вопросъ, какое есть основанiе считать, что эта звѣзда относится къ 1-му классу, та - ко 2-му и т.д., какимъ способомъ можно отличать одинъ классъ отъ другого? Отвѣтъ ясенъ: если сравнивать звѣзды 1-го и 2-го класса, оказывается, что между ними есть нѣкоторое различiе; если сравнивать 2-й и 3-й классы констатируемъ - тоже, 3-й и 4-й опять тоже и т.д. Существеннымъ и интереснымъ является при этомъ, что разница между 1-мъ и 2-мъ классомъ считается одинаковой съ разницей между 2-мъ и 3-мъ и т.д. Эту разницу психологи на-

зываютъ разстояніемъ, дистанціей, ступенью, и говорятъ, что ступень отъ 1-го ко 2-му классу, ступень отъ 2-го къ 3-му и т.д. одинаковы. Если въ такомъ случаѣ разстояніе отъ 1-го класса до 2-го изобразить черезъ единицу, то разстояніе отъ 1-го до 3-яго должно быть изображено при помощи двухъ единицъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность примѣнить къ вычисленію яркости звѣздъ число, цифру, какъ примѣняемъ ихъ, напримѣръ, къ измѣренію стѣны, говоря, что ея длина равна 2 арш., 3 и т.д. Оказывается, слѣдовательно, что это дѣленіе звѣздъ на классы, которое мы производимъ, руководясь разницей въ нашихъ о щ у щ е н і я х ъ, -въ данномъ случаѣ это очень важно отмѣтить, -это дѣленіе, примѣняющееся практически съ давнихъ временъ и провѣренное съ помощью фотометрическаго изслѣдованія, совершенно правильно. Безспорно: опредѣленныя ступени существуютъ, но гдѣ же та единица, при помощи которой мы произвели измѣненіе? обратимъ пока вниманіе на то, что въ указанномъ случаѣ дистанціи могутъ быть равны другъ другу, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, и потому могутъ быть выражены съ помощью цифръ.

Чтобы устранить послѣднее сомнѣніе въ возможности измѣренія психическихъ явленій, обратимъ вниманіе на то, что процессъ измѣренія ихъ напоминаетъ процессъ измѣренія въ области пространства. Одно ощущеніе, взятое само по себѣ, измѣрено быть не можетъ; для того, чтобы измѣреніе ста-

ло возможнымъ,надо имѣть самое меньшее три ощущенія такъ же, какъ и въ пространственной области: и тамъ для измѣренія необходима наличность трехъ элементовъ.Такіе пространственные элементы,не могутъ быть измѣрены,но если взять по меньшей мѣрѣ три точки,то дистанціи или разстоянія между ними могутъ быть измѣрены.Ступени,существующія между ощущеніями(я привелъ примѣръ изъ области зрительныхъ ощущеній по - яркости то же справедливо и по отношенію къ другимъ ощущеніямъ), указываютъ, что ощущенія могутъ быть распредѣлены по степенямъ, а это значитъ, что они могутъ быть измѣряемы. Теперь мы и перейдемъ къ тѣмъ способамъ, при посредствѣ котор.м. б. измѣряемы психическія ощущенія.

Мы видѣли, что поиски за психической единицей, при помощи которой можно измѣрять психическія явленія, въ одной области увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Примѣръ изъ астрономіи показалъ, что ощущенія можно расположить по степенямъ, и дистанція ощущеній можетъ быть названа единицей измѣренія.Измѣреніе въ пространствѣ происходитъ такимъ же образомъ : мы отыскиваемъ разстояніе между точками, благодаря чему имѣемъ возможность измѣрить пространственныя отношенія. Я взялъ примѣръ измѣренія свѣтовой яркости .Но какъ можно измѣрять другія стороны ощущеній, не только яркость свѣта,но интенсивность звука, интенсивность или силу осязательнаго ощущенія и т.п.?

Чтобы измѣрять ощущенія существуютъ четыре метода,

обычно называемые психологическими методами,Это названіе далъ имъ впервые ихъ формулировавшій Фехнеръ .Для нашей цѣли нѣтъ надобности придерживаться этого термина,Мы назовемъ ихъ просто методами или способами измѣренія ощущеній.

Я хочу еще указать,что у насъ есть теоретическое основаніе допустить возможность измѣренія. Чего требуетъ измѣреніе?Оно требуетъ,чтобы единица была точна и опредѣленна. Если мы возьмемъ сужденіе,въ которомъ сравниваемъ два ощущенія,то внести въ нихъ опредѣленность мы не можемъ.Напримѣръ,во сколько разъ свѣтъ луны слабѣе свѣта солнца? Непосредственно мы можемъ получить на этотъ вопросъ лишь совершенно непреклонный отвѣтъ:- вообще свѣтъ солнца значительно сильнѣе свѣта луны.Но не очевидно ли, что выраженіе"значительно больше"настолько неопредѣленно, что подъ нимъ можно разумѣть и въ 10 разъ больше,и въ 20,100,1000 разъ и т.д.Наши ощущенія,когда мы оцѣниваемъ ихъ обычнымъ способомъ,непосредственно, носятъ неопредѣленный характеръ.Напримѣръ, какія -нибудь слуховыя ощущенія - отъ выстрѣла изъ пушки или игрушечнаго пистолета, различны по силѣ,но, насколько одно сильнѣе другого, точно опредѣлить мы не можемъ. Если возьмемъ свѣтъ электрической лампы и свѣчи - то же самое. Если бы мы были поставлены въ необходимость непосредственно опредѣлять отношеніе ощущеній, то для большинства ощущеній не существовало бы мѣры. Говорятъ, что мѣра существуетъ для опредѣленныхъ классовъ сужденій - когда

употребляются однозначные элементы.

1). Беремъ ощущеніе А и говоримъ, что оно равно ощущенію В. (А = В). Мы имѣемъ дѣло съ двумя элементами, между которыми существуетъ тождество.

2). Если я говорю, что А едва больше В, то это "едва больше "вноситъ понятіе тоже однозначное. Мы имѣемъ дѣло съ однозначными величинами, потому что эти ощущенія въ сущности имѣютъ однозначный характеръ. И я, и всякій другой оперируетъ здѣсь съ однозначными элементами, какъ и въ первомъ примѣрѣ. Далѣе, если я говорю: А едва меньше чѣмъ В, то мы опять имѣемъ дѣло съ однозначными величинами. Мы говоримъ, что однозначныя величины - А едва меньше В и А едва больше В - могутъ быть объединены въ одно понятіе, "едва замѣтное различіе". Такимъ образомъ мы имѣемъ для двухъ подобныхъ ощущеній два выраженія, обладающихъ однозначнымъ характеромъ.

3). Если намъ даются ощущенія А и В, мы можемъ найти среднее между ними С въ томъ смыслѣ, что разстояніе отъ А до С будетъ равно разстоянію отъ С до В. Ощущеніе С будетъ среднимъ между А и В, будетъ имѣть однозначный характеръ. Примѣненіе числа возможно для всѣхъ этихъ 3 случаевъ, т.е. когда наблюдается тождество, опредѣляется едва замѣтное различіе или устанавливается средина. Для нахожденія этого числа и прибѣгаютъ къ тѣмъ методамъ, о которыхъ я упоминалъ. Они носятъ слѣдующія техническія названія :

1. Методъ наименьшихъ измѣненій.

2. Методъ среднихъ ошибокъ.

3. Методъ среднихъ градацій.

4. Методъ ложныхъ и истинныхъ случаевъ.

При помощи перваго - метода наименьшихъ измѣненій - находятъ едва замѣтное различіе между ощущеніями. Я сейчасъ покажу вамъ, насколько эта проблема кажется простой и до какой степени она сложна въ дѣйствительности. Намъ дается какое-нибудь одно ощущеніе и говорится: найдите другое ощущеніе, которое отличалось бы отъ перваго, но едва замѣтно. Если дана линія AB надо найти другую, которая едва замѣтно отличалась бы отъ нея Самое простое взять двѣ равныя линіи и увеличить нѣсколько вторую.Эта прибавка и представитъ едва замѣтное различіе; Но задача эта на самомъ дѣлѣ не такъ проста.Въ самомъ дѣлѣ,мы должны отыскать е д в а з а м ѣ т н у ю разницу.Въ этомъ одномъ понятіи"едва замѣтная разница" содержится два понятія:1- едва начинаемъ замѣчать разницу и 2 - перестаемъ ее замѣчать. Чтобы могло быть опредѣлено это едва замѣтное различіе, разница между ощущеніями должна быть такова, чтобы сначала она едва замѣчалась, а затѣмъ переставала замѣчаться;напримѣръ,сперва такъ, чтобы она казалась едва замѣтно больше и затѣмъ перестала казаться больше,или, наоборотъ, представлялась едва замѣтно меньше, а затѣмъ переставала бы казаться меньше.Эти двѣ величины и надо отыскать. Если

вторая линія начинаетъ казаться больше,то мы отыскиваемъ разницу и отмѣчаемъ ее;пусть это будетъ α ;затѣмъ линія перестаетъ казаться больше;мы опять отмѣчаемъ разницу- β .Величины α и β складываемъ и дѣлимъ пополамъ $\frac{a+b}{2}$.Это и будетъ едва замѣтная разница С. Затѣмъ мы беремъ второй случай,когда линія начинаетъ и перестаетъ казаться меньше, и у насъ получается $\frac{a_1+b_1}{2}$.едва замѣтная разница С . Искомое едва замѣтное различіе будетъ $\frac{C+C_1}{2}$.

Приборъ, называемый глазомѣрнымъ аппаратомъ x) ,даетъ возможность измѣрять,опредѣлять величины по глазомѣру.На обратной его сторонѣ есть дѣленія,позволяющія опредѣлить, точно ли рѣшена данная задача. Я имѣю на одной сторонѣ данное разстояніе и говорю вамъ: дайте другое, ему равное Чтобы найти это второе, мы должны поступить слѣдующимъ образомъ. Намъ дано пространственное ощущеніе, мы должны найти 2-ое пространственное ощущеніе, которое едва замѣтно различалось бы отъ перваго, было бы, напримѣръ, едва замѣтно больше. Экспериментаторъ двигаетъ штифтъ, а до тѣхъ поръ,пока испытуемый не скажетъ, что вторая половина равна первой.Затѣмъ онъ дѣлаетъ дальнѣйшія прибавки, пока не получитъ отвѣтъ, что вторая половина начинаетъ казаться едва замѣтно больше; отмѣчаетъ полученную разницу :- пусть она равна 4иметрамъ.Затѣмъ, передвигая штифтъ назадъ, устанавливаетъ величину въ тотъ моментъ,когда разница переста-

- - - - - - - - - - -

x) См. рис. 7.

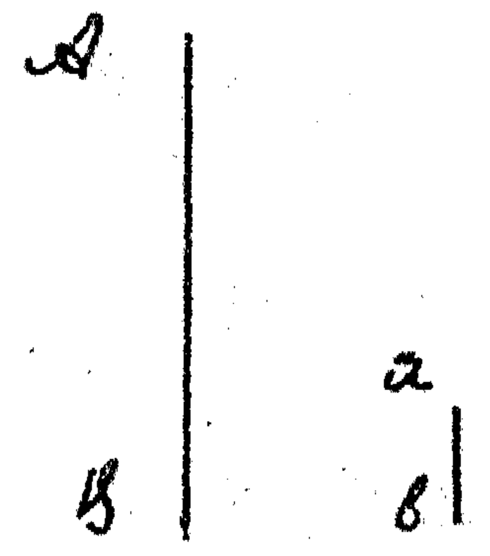
етъ казаться испытуемому замѣтной;положимъ она равна 2м-метрамъ. Складываемъ оба числа и дѣлимъ пополамъ $\frac{4mm + 2mm}{2}$.
Получаемъ то, что мы искали для величины"едва замѣтно больше".

Такъ же поступаютъ для опредѣленія величины"едва замѣтно меньше, затѣмъ складываемъ обѣ полученныя величины и дѣлимъ пополамъ; полученное среднее и выражаетъ собою то,что называется едва замѣтнымъ различіемъ, т.е. то, что мы называемъ равнозначной величиной. Я упростилъ здѣсь экспериментъ, который долженъ производиться сотни разъ, пока,наконецъ, мы получимъ среднее и сдѣлаемъ выводъ о наличности едва замѣтнаго различія.Вотъ способъ, съ помощью котораго отыскивается едва замѣтное различіе.

2-ой методъ, методъ среднихъ ошибокъ, правильнѣе было бы назвать методомъ уравненія,потому что въ немъ мы дѣлаемъ попытку для даннаго ощущенія найти другое , ему равное. Пользуюсь тѣмъ же приборомъ.Начинаю отъ дистанціи большей,чѣмъ сравниваемая, и двигаю, пока не получу отвѣта,что ощущенія равны;пусть у насъ будетъ ошибка въ 1 1/2 сантиметр. Начинаю съ меньшей дистанціи - ошибка въ 2 сан. Всегда,когда мы стараемся сдѣлать два ощущенія равными, между ними получается различіе или въ сторону большаго, или же меньшаго, потому что между ощущеніями всегда существуетъ едва замѣтное различіе. Мы не въ состояніи уравнять ощущенія и всегда получимъ ошибку, но ошибку болѣе

или менѣе опредѣленную. Если мы возьмемъ меньшую величину, то и ошибка будетъ меньше, но всегда будетъ приблизительно одинаковой. Слѣдовательно сужденіе имѣетъ однозначный характеръ, т.е. болѣе или менѣе опредѣленный. Здѣсь, конечно, мы не можемъ опредѣлить ошибку на основаніи 2 :- 3 измѣреній; надо сдѣлать много измѣреній, взять, на примѣръ, 100 цифръ, сложить ихъ, раздѣлить на 100, и тогда мы получимъ среднее ариѳметическое, являющееся показателемъ чувствительности нашего глаза къ воспріятію пространственныхъ различій.

3-й методъ, съ которымъ вы знакомы изъ прошлой лекціи, который астрономы употребляли безсознательно, а психологи теперь употребляютъ вполнѣ сознательно, есть методъ среднихъ градацій. Даются два ощущенія А и В, надо найти среднее ощущеніе С, т.е. такое ощущеніе, чтобы разстояніе отъ А къ С было равно разстоянію отъ С къ В. Возьмемъ пространственныя ощущенія, иллюстрируемыя линіями А В и а в найдемъ среднее между ними. Затѣмъ находимъ средину между большимъ и среднимъ и т.д. Въ концѣ концовъ мы получимъ рядъ градацій. У меня есть два цвѣтовыхъ ощущенія А и В, между ними надо вставить среднее, которое такъ же близко находилось бы къ А, какъ и къ В. Мы найдемъ величину, имѣющую полную однозначность. Возьмемъ ощущеніе тяжести. Беру 2 тяжести и предлагаю найти третью, среднюю между ни-



ми; затѣмъ найти среднюю между 2-й и 3-й и т.д. и распредѣлить всѣ по опредѣленнымъ ступенямъ. Надо замѣтить, что терминъ - методъ среднихъ градацій - неудаченъ мысль, положенная въ его основу, состоитъ въ слѣдующемъ : такъ располагать ощущенія, чтобы каждое изъ нихъ занимало среднее положеніе между двумя ему сосѣдними.

Перехожу къ послѣднему методу изслѣдованія, методу ложныхъ и истинныхъ случаевъ. Я предложилъ бы назвать его нѣсколько иначе : методомъ вѣрныхъ и ошибочныхъ случаевъ. Дѣло сводится къ слѣдующему: берутъ одно нормальное ощущеніе, напримѣръ линію въ 10 сантиметров. и нѣсколько других, мало отличающихся отъ перваго, напримѣръ : 10,3; 10,6; 10,9 и т.д. и предлагаютъ оцѣнить ихъ. Напримѣръ, рядъ линій: опредѣлить, которыя изъ нихъ больше или меньше. Сравненіе данной линіи съ другими мало отличающимися повторяется много разъ, но желательно, чтобы одинаковое число разъ надъ каждой парой, напримѣръ, по 100. Если бы я предложилъ сравнить линіи а — в и А ——— В, то разница въ ихъ величинѣ была бы ясна и всѣ 100 отвѣтовъ были бы истинными. Но если я возьму линіи, едва отличающіяся одна отъ другой, то трудно представить, сколько будетъ вѣрныхъ отвѣтовъ: столько же шансовъ дать вѣрный отвѣтъ, сколько и ложный. Это значитъ, что мы достигаемъ предѣла, когда между линіями есть едва замѣтное различіе. Я, конечно, очень упростилъ вопросъ, потому что,

теоретически еще не рѣшено, сколько должно быть истинныхъ и ложныхъ отвѣтовъ, чтобы заключить, что мы имѣемъ дѣло съ наименьшимъ различіемъ. Мнѣ кажется вѣроятнымъ отношеніе 50 %. Но это вопросъ большой сложности, который я въ данный моментъ разбирать не стану. Я хотѣлъ лишь обратить ваше вниманіе на то, что есть методы, съ помощью которыхъ можно измѣрять ощущенія, можно имѣть дѣло съ ощущеніями, какъ величинами однозначными. Дѣло обстоитъ, конечно, не вполнѣ такъ, какъ въ физикѣ и химіи, но во всякомъ случаѣ, разъ мы имѣемъ дѣлѣ съ однозначными величинами, мы можемъ ихъ измѣрять.

Такимъ образомъ, можно измѣрять психическія явленія, и экспериментъ даетъ здѣсь много пріобрѣтеній. Но не думайте, что экспериментъ примѣнимъ только тамъ, гдѣ можетъ быть приложено отношеніе количества. Экспериментированіе можетъ имѣть и чисто качественный характеръ.

-.-.-.-.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

4-ая Лекція.

Мы разсмотрѣли прошлый разъ значеніе экспериментальнаго метода изслѣдованія, вѣрнѣе - сущность экспериментальнаго метода. Мы видѣли, каково отношеніе эксперимента къ просто-

му наблюденію: простое наблюденіе есть такое изслѣдованіе психическихъ явленій, при которомъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, представлявшимися намъ совершенно случайно; если же мы наблюдаемъ явленія не случайно, а вызываемъ ихъ сами, мало того - не только вызываемъ, но имѣемъ возможность измѣнять условія, при которыхъ явленія совершаются, 1) мы изучаемъ явленія способомъ экспериментальнымъ. Когда мы вмѣшиваемся, вызываемъ извѣстные психическіе процессы, видоизмѣняемъ условія, при которыхъ, они совершаются, мы имѣемъ возможность изучить и узнать истинную природу психическихъ явленій.

Сегодня я хотѣлъ бы познакомить васъ съ общей классификаціей методовъ экспериментальнаго изслѣдованія. Я хотѣлъ бы это сдѣлать потому, что въ настоящее время судьба экспериментальной психологіи представляетъ собою проблему огромной важности: мы переживаемъ кризисъ въ психологіи, - передъ нами стоитъ вопросъ быть или не быть эксперименту въ психологіи, и какія есть основанія для того или другого рѣшенія вопроса. Чтобы рѣшить теоретически этотъ вопросъ, надо имѣть представленіе о томъ, что такое экспериментъ, каковы выгоды экспериментальнаго изслѣдованія. Я хотѣлъ бы познакомить васъ съ классификаціей экспериментальныхъ методовъ, принятыхъ въ экспериментальной психологіи, чтобы вы могли опредѣлить отношеніе экспериментальнаго изслѣдованія къ тому роду изслѣдованій, который только имѣетъ видъ экспериментальнаго, но не есть экспериментальное изслѣдо-

ваніе.Я хочу показать на примѣрахъ,какова сущность эксперимента,что вноситъ онъ въ психологію.Это чрезвычайно важно знать,чтобы можно было сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло,въ чемъ преимущества экспериментальнаго изслѣдованія передъ другими.Въ этомъ отношеніи въ современной психологіи,напримѣръ,у Вундта,принято дѣлить экспериментальные методы на 3 класса :

1 - Методъ раздраженій

2 - Методъ выраженій

3 - Методъ реакцій.

Съ помощью этой классификаціи,правда очень упрощенной, желаютъ выразить ту мысль,что всякій экспериментъ долженъ быть отнесенъ въ одинъ изъ этихъ классовъ:мы всегда имѣемъ дѣло или съ методомъ раздраженій,или съ методомъ выраженій, или съ методомъ реакцій.Правда могутъ быть еще методы,такъ сказать переходные,но въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ указанными тремя.

1. Методъ раздраженій сводится къ слѣдующему.Мы предлагаемъ испытуемому субъекту то или другое физическое раздраженіе, чтобы при его помощи вызвать то или другое психическое состояніе.Напримѣръ, я предлагаю субъекту какое-нибудь звуковое раздраженіе и вызываю въ немъ извѣстное психическое состояніе.Это раздраженіе я могу измѣнить и соотвѣтственно съ измѣненіемъ раздраженія могу вызвать измѣненіе психическаго состоянія субъекта.

-5-й

2-й методъ - методъ выраженій. Мы знаемъ, что психическія состоянія связаны съ извѣстными физическими выраженіями. Если человѣкъ находится въ состояніи напримѣръ, страха, у него появляются измѣненія мимики, такъ назыв. пантомимическія движенія и пр. Когда я вызываю эти измѣненія, они служатъ показателемъ извѣстнаго психическаго состоянія, переживаемаго субъектомъ.

3-й методъ - методъ реакцій. Когда человѣкъ воспринимаетъ благодаря раздраженію извѣстное впечатлѣніе, переживаетъ извѣстное душевное состояніе, онъ выражаетъ это при помощи движеній, называемыхъ движеніями реакціи.

Разсмотримъ теперь на примѣрѣ, что называется методом раздраженій. Моя цѣль заключается въ томъ, чтобы вы обратили вниманіе на сущность эксперимента, и примѣры являются въ данномъ случаѣ лишь иллюстраціей. Что значитъ методъ раздраженій? Мы предъявляемъ субъекту извѣстное физическое раздраженіе, видоизмѣняемъ его такъ или иначе и при помощи видоизмѣненія раздраженія измѣняемъ соотвѣтствующее психическое состояніе. Мы производимъ то, что называется экспериментомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Мы предъявляемъ всевозможныя физическія раздраженія, которыя вызываютъ извѣстныя ощущенія. Мы можемъ, напримѣръ, вызвать извѣстное пространственное ощущеніе. Я предъявляю вамъ линію, вы должны провести линію, равную первой - я предъявляю тѣмъ самымъ извѣстное раздраженіе, которое вызываетъ извѣстное психическое состояніе. Я могу предъявить раздраженіе и другого вида - то, что называется интер-

валомъ времени;вы должны произвести оцѣнку.Я предъявляю вамъ,напримѣръ, два интервала съ большой разницей и предлагаю,чтобы вы оцѣнили,который изъ нихъ больше.При этомъ,въ извѣстныхъ предѣлахъ оцѣнка можетъ оказаться неточной,но если мы возьмемъ интервалы съ большой разницей,то она становится правильной.Я имѣю,такимъ образомъ,возможность любой интервалъ,любое раздраженіе,которое я предъявляю,измѣнить въ тѣхъ предѣлахъ,которые для меня желательны,и вызвать соотвѣтствующее психическое состояніе.

Разсмотримъ еще одинъ экспериментъ,отчасти уже знакомый вамъ.У насъ есть двѣ равныхъ линіи,ограниченныя углами

;онѣ кажутся неравными:линія съ углами направленными вершинами внутрь,кажется длиннѣе.Важно выяснить,что вліяетъ на возникновеніе иллюзіи,каковы причины ея,что ее производитъ.Я начинаю видоизмѣнять раздраженіе и смотрю,какъ въ соотвѣтствіи съ этимъ видоизмѣняется иллюзія.Я предлагаю вамъ сдѣлать обѣ линіи равными.Если изслѣдовать,окажется,что вы сдѣлали ошибку,зависящую отъ того, что у насъ есть иллюзія.Какъ можно видоизмѣнять условія, чтобы опредѣлить,отъ чего зависитъ иллюзія? Мы беремъ углы и измѣняемъ ихъ величину,предполагая,что иллюзія зависитъ отъ величины угла.Будемъ увеличивать углы,начиная съ 10^{0} до 90^{0},и каждый разъ будемъ опредѣлять ошибку.Угламъ въ 10^{0} 20^{0} 30^{0} 40^{0} 50^{0} 60^{0} 70^{0} 80^{0} 90^{0} будутъ соотвѣтствовать ошибки въ 18 мм. 17. 17. 15. 14.11.8. 3. 0.

Такимъ образомъ по мѣрѣ увеличенія угла иллюзія уменьшается. Значитъ, есть связь между величиной угла и величиной иллюзіи. Видоизмѣняя условія явленія, мы имѣли возможность опредѣлить, по крайней мѣрѣ, одну изъ причинъ явленій и можемъ сказать, что съ помощью эксперимента мы изучаемъ природу даннаго явленія. Этотъ экспериментъ показываетъ важность экспериментальнаго изслѣдованія: то, что a priori изучить было нельзя, дѣлается яснымъ.

Характерная особенность разсматриваемаго метода заключается въ томъ, что каждый разъ, вызывая, или лучше сказать, предъявляя субъекту извѣстное раздраженіе, мы вызываемъ соотвѣтствующее ощущеніе, измѣняя раздраженіе, измѣняемъ соотвѣтствующее психическое состояніе и такимъ образомъ опредѣляемъ причины явленій, ихъ истинную природу.

Второй методъ имѣетъ характеръ физіологическій. Важно оцѣнить его значеніе. Онъ называется методомъ выраженій. Всякій психическій процессъ получаетъ физіологическое выраженіе во внутреннихъ или во внѣшнихъ органахъ. Переживая извѣстное чувство, мы замѣчаемъ, напримѣръ, что у насъ измѣняется дыханіе, измѣняется дѣятельность сердца, кровообращенія и т.д.; мы краснѣемъ, блѣднѣемъ, измѣняемся въ лицѣ, - особенно подъ вліяніемъ аффектовъ. Чтобы изучить природу аффектовъ, чувствъ, вообще психическихъ состояній, для насъ, можетъ быть, было бы цѣлесообразнѣе изучить физіологическія выраженія аффектовъ, чувств, тѣхъ или другихъ психическихъ состояній.

Если бы мы умѣли изучать проявленія, выраженія тѣхъ или другихъ психическихъ состояній, можетъ быть мы могли бы сдѣлать предположеніе относительно природы психическихъ состояній. Задача въ томъ, чтобы по физіологическимъ выраженіямъ построить теорію психическихъ процессовъ. Возможно это или нѣтъ ? Какія соображенія можно привести въ пользу того или другого отвѣта? Отложимъ на время этотъ вопросъ, а сейчасъ познакомимся съ тѣмъ, какъ экспериментально могутъ быть вызваны извѣстныя психическія состоянія въ ихъ выраженіяхъ.

Въ послѣднее время находятъ, что желательнѣе всего для психологіи именно изученіе чувствъ и аффектовъ, потому что они получаютъ самое отчетливое выраженіе. Методъ изслѣдованія заимствованъ изъ физіологіи, которая умѣетъ регистрировать, записывать измѣненія въ процессахъ дыханія, кровообращенія, дѣятельности сердца, пульса, измѣненія въ просвѣтѣ мелкихъ сосудовъ, вызываемыя измѣненіемъ самыхъ органовъ, напримѣръ, руки и т.д. Эти измѣненія возможно регистрировать. Но если мы умѣемъ регистрировать въ нормальномъ состояніи пульсъ, дѣятельность сердца и т.д., то мы можемъ точно также регистрировать ихъ и тогда, когда мы переживаемъ какое-нибудь чувство, напримѣръ, чувство страданія, удовольствія и т.д. Прежде чѣмъ перейти къ тому, какъ регистрируются чувства, познакомимся съ тѣмъ, какъ можно было бы отмѣтить эти физіологическія измѣненія. Какъ отмѣчается дыханіе? Для этого существуетъ особый приборъ, называемый кимографомъ, устройство его таково:[x)] Не касаясь де-

x) См. Рис. 8.

талей, остановлю ваше вниманіе на самомъ существенномъ.Приборъ имѣетъ трубку,содержащую воздухъ;если я буду сжимать ее, то пишущее остріе будетъ производить извѣстныя движенія вверх и внизъ.Ихъ можно произвести безчисленное множество,важно чтобы ихъ можно было запечатлѣть.Для этого употребляется приборъ ,называемый кимографическимъ барабаномъ.Если я сожму трубку,получается прямая;если я приведу въ движеніе барабанъ кимографа,то указанныя прямыя линіи будутъ изображаться въ формѣ кривыхъ линій.Имѣя это, я могу регистрировать дыхательныя движенія на этомъ приборѣ.Такимъ же образомъ можно записать движенія,которыя произведутъ пульсовую кривую.Обращаю ваше вниманіе на схематическій рисунокъ,поясняющій,какимъ образомъ она записывается x).Приспособленіе накладывается на то мѣсто,гдѣ находится пульсъ;отъ ударовъ пульса оно будетъ подниматься и опускаться и тѣмъ самымъ поднимать особый рычажокъ, который будетъ двигаться,а движущійся барабанъ будетъ воспринимать эти движенія въ видѣ волнъ,которыя могутъ измѣняться. Мы получаемъ волны опредѣленной вышины и длины,затѣмъ волны оказываются выше,на единицу времени волнъ приходится больше, затѣмъ волны становятся ниже и длиннѣе и въ извѣстное количество времени ихъ приходится меньше.Мы отмѣчаемъ такимъ способомъ пульсъ сильный,слабый,частый,медленный.Итакъ,есть возможность зарегистрировать пульсовую кривую.

Можно, далѣе,отмѣчать видоизмѣненія,которымъ подвергаются

- - - - - - - - - - -

x) См. Рис. 9.

мелкіе кровеносные сосуды.Объ этомъ я говорилъ уже въ курсѣ прошлаго года.Возьмемъ сосудъ,наполненый до-верху водой,и погрузимъ туда руку x).Къ сосуду придѣлана трубка,указывающая на уровень жидкости въ сосудѣ.Если вода наполняетъ сосудъ до верху,и рука остается неподвижной,легко представить,что произойдетъ,если объем руки станетъ увеличиваться:жидкость будетъ вытѣсняться.Такъ какъ единственнымъ мѣстомъ,по которому она можетъ итти, является трубка,то если объемъ руки будетъ уменьшаться,уровень жидкости въ трубкѣ будетъ понижаться.Такимъ образомъ,мы имѣемъ возможность изучать измѣненія,которыя совершаются въ объемѣ руки,-главнымъ образомъ въ объемѣ мышцъ.Кромѣ перваго,есть еще болѣе точный приборъ,называемый плетисмографомъ,на которомъ могутъ быть изучены эти измѣненія xx) Приборъ представляетъ трубку,съ гуттаперчевымъ рукавомъ.Испытуемый субъектъ долженъ вдвинуть въ этотъ рукавъ руку возможно дальше,чтобы рука была неподвижна,причемъ имѣется особое приспособленіе,не позволяющее рукѣ выйти изъ рукава ни на одинъ миллиметръ. Затѣмъ, въ оставшуюся часть прибора наливаютъ жидкость черезъ особый кранъ такъ, чтобы она доходила до трубки.Малѣйшее измѣненіе въ объемѣ руки будетъ отражаться на высотѣ жидкости.Трубка соединяется гуттаперчевой трубкой съ пищущимъ приборомъ,какъ и въ кимографѣ, давленіе передается по ней и пищущій приборъ приходитъ въ движеніе.

- - - - - - - - - - -

x) С. Рис. 10.

xx). См. Рис.11.

Такимъ образомъ отмѣчаются движенія дыхательныя, пульсовыя, измѣненія объема руки и т.д. На предъявленныхъ вамъ мною чертежахъ зарегистрированы движенія сердца, легкихъ, дыханія, пульса, объемныя движенія. x).

Все это пока имѣетъ интересъ исключительно физіологическій. Когда мы дышимъ, дыханіе можетъ измѣняться, эти измѣненія могутъ быть графически изображены. До сихъ поръ для психолога нѣтъ никакого интереса. Онъ начинается тогда, когда мы при помощи метода раздраженій вызовемъ извѣстное психическое состояніе и посмотримъ, что дѣлается съ кривой пульса, сердца и т.п. Вызовемъ, напримѣръ, чувство страданія, удовольствія, испуга, пріятнаго изумленія, и отмѣтимъ происшедшія измѣненія, мы будемъ тогда въ состояніи сдѣлать нѣкоторыя заключенія о природѣ самыхъ чувствъ. Здѣсь начинается психологическая проблема. Когда мы имѣемъ возможность прослѣдить, какое выраженіе получаетъ извѣстное психическое состояніе, какимъ измѣненіямъ подвергается, напримѣръ, пульсовая кривая, дѣло идетъ объ экспериментѣ. Мы вызываемъ чувство удовольствія, получаемое вслѣдствіе вдыханія ароматическихъ веществъ и прослѣживаемъ, какія измѣненія получаются въ кривой. На чертежѣ xx). вы видите, какимъ измѣненіямъ подвергается при этомъ пульсовая кривая. Удовольствіе вызвало расширеніе сосудовъ, усилило дѣятельность сердца, - и это получило опредѣленное выраженіе. Измѣненія же чувства неудовольствія наоборотъ сопровождается подавлен-

---

x) См. Рис. 9.
xx) См. Рис. 9.

ностью:уменьшился размѣръ волнѣ,просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ сдѣлался меньше.

Я вышелъ бы изъ предѣловъ моей задачи,если бы сталъ изучать данныя полученныя для каждаго извѣстнаго чувства.Я довольствуюсь указаніемъ на слѣдующее:при помощи этого метода мы имѣемъ возможность вызвать извѣстное психическое состояніе и въ то же время мы имѣемъ возможность произвести измѣненія въ его выраженіи, при помощи которыхъ мы изучаемъ природу того или другого психическаго состоянія.

Каково научное значеніе этихъ методовъ изслѣдованій?Я бы такъ резюмировалъ ихъ современное состояніе:пока эти методы дали мало,но въ будущемъ представляется возможнымъ на ихъ основаніи получить указанія относительно природы чувствъ. Напримѣръ въ обиходной жизни различаютъ двоякаго рода чувства - чувства удовольствія и страданія.Возникаетъ вопросъ-представляютъ ли они противоположность или нѣтъ?Обычно говорятъ,что да.Но не всѣ психологи согласны съ этимъ,нѣкоторые говорятъ,что это вещи несравнимыя,которыя нельзя считать противоположными.Но если чувства получаютъ противоположныя выраженія,то можно сказать,что чувства противоположны другъ другу.При болѣе точномъ изслѣдованіи мы,быть можетъ,получили бы указанія для рѣшенія этого вопроса.

3-й методъ есть методъ реакцій,представляющій соединеніе метода раздраженій съ методомъ выраженій.Я далъ сигналъ и прошу субъекта тотчасъ же,какъ онъ услышитъ сигналъ произвести

реакцію, въ данномъ случаѣ, напримѣръ, нажать пальцемъ на головку аппарата, называемаго психодометромъ.

Мы имѣемъ возможность измѣрить промежутокъ времени, лежащій между раздраженіемъ и реакціей. Этотъ промежутокъ времени даетъ возможность судить о природѣ психическаго процесса, лежащаго между воспріятіемъ раздраженія и реакціей на него. Числа n_1, n_2, n_3 показывающія продолжительность реакціи, даютъ возможность судить о процессѣ, который совершился. Опредѣляется этотъ промежутокъ времени при помощи особаго прибора, называемаго, какъ я уже сказалъ, психодометромъ. x) Въ тотъ моментъ, когда я отдергиваю рычагъ, получается звукъ, реагентъ долженъ произвести движеніе, нажать пальцемъ на головку аппарата, и на закопченной стеклянной пластинкѣ явится изображеніе колебательныхъ движеній, происшедшихъ въ этотъ промежутокъ времени. Такъ какъ пластинка дѣлаетъ въ секунду 100 колебаній, то легко можно вычислить, чему будетъ равно время между раздраженіемъ и движеніемъ

Мы разсмотрѣли существенныя свойства эксперимента: сюда относится возможность вызывать явленія по произволу и видоизмѣнять условія, при которыхъ совершается то или другое психическое явленіе, благодаря чему мы можемъ изучать природу явленій. Имѣя такой критерій, разсмотримъ, насколько приложимъ онъ къ особымъ методамъ экспериментальнаго изслѣдованія въ психологіи, и тѣмъ самымъ въ какой мѣрѣ они могутъ считаться на-

-:-:-:-:-

x) См. рис. 12.

учными.Я имѣю въ виду большой классъ экспериментальныхъ изслѣдованій высшихъ умственныхъ процессовъ.

Въ концѣ курса логики я обращалъ ваше вниманіе на то,что высшіе умственные процессы - сужденія,умозаключенія и т.д.,- могутъ подвергаться экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, а такъ какъ это вызываетъ возраженія такого крупнаго психолога,какъ Вундтъ,то чрезвычайно важно опредѣлить,какое мѣсто въ психологіи занимаютъ эти изслѣдованія,являются ли они,кк эксперименты, заслуживающими вниманія.Я хочу напомнить вамъ, въ чемъ заключаются изслѣдованія высшихъ умственныхъ процессовъ, какъ они производятся и какъ ихъ можно квалифицировать.Я желаю,напримѣръ,изучить природу процесса,называемаго сужденіемъ.Чтобы оперировать съ этимъ процессомъ,я по старому способу поступилъ бы такъ:вызвалъ бы у себя какое-нибудь сужденіе,затѣмъ второй процессъ сужденія, третій и т.д., и сдѣлалъ бы,наконецъ,выводъ относительно природы процесса. Теперь психологи находятъ болѣе удобнымъ дѣлать для этого лабораторныя систематическія изслѣдованія надъ другими лицами.Какой-нибудь субъектъ долженъ выслушать извѣстный вопросъ,на который онъ даетъ отвѣтъ въ формѣ сужденія,высказаннаго или невысказаннаго,въ формѣ "да" или "нѣтъ",можетъ просто дать знакъ рукой;словомъ субъектъ долженъ пережить состояніе,называемое сужденіемъ,долженъ создать сужденіе. Я предлагаю субъекту высказаться,знаетъ ли онъ,что такое искусство.Онъ отвѣчаетъ-"искусство есть"...и т.д. Онъ без-

спорно переживаетъ сужденіе. Затѣмъ я предлагаю ему, чтобы онъ описалъ, что было въ его сознаніи, когда онъ переживалъ сужденіе. Если я произведу такого рода экспериментъ надъ однимъ, другимъ, третьимъ, четвертымъ и т.д. субъектами, у меня накопится матеріалъ, на основаніи котораго я могу сдѣлать нѣкоторыя заключенія о природѣ сужденія. Такого рода опыты производились въ Вюрцбургской лабораторіи профессоромъ Кюльпе, авторомъ извѣстнаго "Введенія въ философію" и "психологію". Мы должны ознакомиться съ экспериментами, произведенными Кюльпе и рѣшить, суть ли это дѣйствительно эксперименты. Я напомню вамъ этотъ методъ изслѣдованія, обладающій весьма простымъ характеромъ: эти эксперименты любой психологъ можетъ произвести въ любой моментъ. Но они имѣютъ уже свое историческое прошлое. Англійскій психологъ Гальтонъ въ началѣ 19-го вѣка произвелъ анкету относительно того, какъ кто представляетъ тѣ или другія вещи, и на основаніи собранныхъ данныхъ сдѣлалъ заключеніе о природѣ представленія. Затѣмъ, французскій психологъ Рибо, слѣдуя примѣру Гальтона, изслѣдовалъ природу воображенія: что мы представляемъ, когда мыслимъ о томъ или другомъ понятіи. Полученныя данныя послужили матеріаломъ для изслѣдованія. Наконецъ, въ недавнее время Бинэ произвелъ изслѣдованія, названныя имъ экспериментальными, надъ процессомъ мышленія и употребилъ при этомъ чрезвычайно простой методъ. Онъ задавалъ своимъ двумъ маленькимъ дочерямъ отдѣльные вопросы и просилъ сообщать, что у нихъ есть въ умѣ, когда онѣ

мыслятъ о какомъ-нибудь предметѣ. Онъ сгруппировалъ полученный матеріалъ и пришелъ къ очень интереснымъ выводамъ. Для примѣра приведу выдержку изъ протоколовъ, которые онъ велъ. Онъ даетъ одной своей дочери такую задачу: "Я говорю ей названіе Ф. Это имя лица очень хорошо знакомаго, которое прослужило у насъ въ домѣ въ теченіе шести или семи лѣтъ, и которое мы видимъ отъ времени до времени разъ пять или шесть въ годъ. Армандъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ представить себѣ Ф, оставляетъ эту попытку и говоритъ: "Это суть только мысли, я ничего себѣ не представляю. Я мыслю, что Ф, была здѣсь, когда она жила у насъ въ домѣ, и что она теперь въ У., но я не имѣю никакого образа. Я думала, что я имѣю образъ, но я такого образа не нашла."

Tempête (Б у р я)."Я ничего себѣ не представляю. Такъ какъ это не есть предметъ, то я себѣ ничего не представляю. На этотъ разъ я сдѣлала усиліе, но я образа все-таки не имѣла."

Favorit. (Любимецъ). "Это мнѣ ничего не говоритъ. Я совсѣмъ ничего не представляю. Я говорю себѣ, что это обозначаетъ то одну, то другую вещь. Но въ то время, какъ я ищу, никакой образъ не появляется".

Изъ этихъ изслѣдованій оказывается, что есть мысли безъ образовъ. Одновременно съ Бинэ и независимо отъ него ученики Кюльпе произвели такого же рода изслѣдованія и пришли къ тѣмъ же выводамъ. Выводы эти для насъ сейчасъ не представляютъ интереса, намъ важенъ пока только самый методъ изслѣдованія. Ме-

тод этотъ напоминаетъ методъ Бинэ съ той только разницей, что Бинэ производилъ изслѣдованія надъ двумя дѣвочками, здѣсь же изслѣдованія производились надъ людьми, философски образованными, приватъ-доцентами, профессорами, и потому задачи были сложнѣе, но выводы получились тѣ же самые.

Для того, чтобы показать, какъ производились изслѣдованія, беру выдержку изъ протоколовъ. Руководитель предлагаетъ вопросъ (я произнесу положеніе, понимаете вы его или нѣтъ, подумайте, дайте отвѣтъ, затѣмъ опишите переживаемое. "Нужно быть столько же сострадательнымъ, сколько и жестокимъ, чтобы быть тѣмъ или другимъ". Черезъ 27 секундъ получается отвѣтъ-"да", затѣмъ субъектъ описываетъ переживаемое: "сначала я почувствовалъ себя безпомощнымъ передъ этой фразой, наступило исканіе, которое носило характеръ повторнаго воспріятія обѣихъ частей приблизительно такъ, какъ если бы я спрашивалъ, какъ можно быть жестокимъ, чтобы быть сострадательнымъ, и наоборотъ. Внезапно меня осѣнила мысль, что исключительное положеніе того или другого понятія исключаетъ само себя, одно съ другимъ тѣсно связано, одно предполагаетъ другое, то и другое можетъ существовать вслѣдствіе контраста. Что здѣсь пришлось передать многими словами, въ мысли представляло одинъ актъ. Тогда все положеніе освѣтилось и я понялъ его"). Такимъ образомъ, испытуемый утверждаетъ, что понялъ мысль въ одномъ актѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ традиціонная психологія учитъ, что здѣсь должно быть много процессовъ. Этотъ результатъ представляетъ несомнѣнно огромную

важность,еще и въ томъ отношенiи,что доказываетъ возможность состоянiй сознанiя,имѣющихъ не конкретный характеръ. Этотъ выводъ опровергаетъ,повидимому,то, что до сихъ поръ было общепризнаннымъ въ психологiи.Подобные эксперименты производились во многихъ лабораторiяхъ, и важно выяснить, стоятъ ли они на вѣрномъ пути или нѣтъ.

Первый возразилъ противъ нихъ Вундтъ, съ мнѣнiемъ котораго приходится считаться уже потому,что онъ создатель экспериментальной психологiи.Онъ осуждаетъ этотъ методъ,называетъ его не научнымъ,считаетъ его не могущимъ принести пользы,даже не считаетъ возможнымъ много говорить о немъ.Въ своей логикѣ и Психологiи онъ отзывается объ этомъ методѣ совершенно отрицательно.Важно выяснить,какъ быть дальше?Методъ открываетъ широкiя перспективы,но если онъ не научный, то полученный съ его помощью матерiалъ не будетъ имѣть научной цѣны.

Разсмотримъ возраженiя,приводимыя Вундтомъ. Онъ говоритъ: "Э т и э к с п е р и м е н т ы д а ж е н е с у т ь э к с п е р и м е н т ы въ т о м ъ с м ы с л ѣ,к о т о р ы й в ы р а б о т а н ъ е с т е с т в о з н а н і е м ъ и в о с п р и н я т ъ п с и х о л о г і е й . Къ этому понятiю въ качествѣ существеннаго признака принадлежитъ цѣлесообразное с о з и д а н і е, и и з м ѣ н е н і е явленiй.Если же кому нибудь предлагаютъ неожиданный вопросъ и заставляютъ его обдумывать какiя либо проблемы, то это н е

есть целесообразное вмѣшательство, это не есть планомѣрное измѣненіе условій, это не есть наблюденіе при возможно благопріятномъ положеніи вниманія.

Закономѣрное измѣненіе условій отсутствуетъ,-и условія наблюденія такъ неблагопріятны какъ только возможны, потому что наблюдателю внушается, что онъ долженъ воспринять воздѣйствіе впечатлѣній, очень сложныхъ при томъ въ присутствіи другихъ, его наблюдающихъ лицъ".

Я бы взялъ подъ защиту этотъ способъ. Вундтъ не совсѣмъ прав: если бы экспериментъ производился людьми, не имѣющими ничего общаго съ экспериментомъ, возраженіе было бы основательнымъ. Но Кюльпе, бывшій самъ ассистентомъ Вундта, тысячи разъ руководилъ экспериментами, и считать, что такой ученый могъ бы ввести себя въ заблужденіе, невозможно. Слѣдовательно, первое возраженіе Вундта не основательно.

Второе возраженіе: Лицо, надъ которымъ производится экспериментъ, находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ: оно должно въ одну и ту же минуту переживать нѣчто и наблюдать переживаемое. При такихъ условіяхъ вниманіе не можетъ работать съ достаточной интенсивностью: оно раздѣляется между переживаемымъ и тѣм, что надо воспроизвести. Поэтому экспериментъ не имѣетъ научнаго характера.

Это возраженіе тоже неосновательное, потому что во всякомъ

экспериментѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ : мы сначала воспринимаемъ и затѣмъ воспроизводимъ. Мы постоянно имѣемъ дѣло съ воспроизведеннымъ матеріаломъ, имѣющимъ нѣкоторые недостатки, и въ этомъ отношеніи данный экспериментъ не отличается ничѣмъ отъ другихъ.

Третье возраженіе. -Эти эксперименты отличаются отъ обычныхъ тѣмъ, что въ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ раздраженіемъ, которое мы можемъ измѣнять по нашему плану произвольно, можемъ варьировать условія, при которыхъ совершается экспериментъ, а здѣсь мы не можемъ этого сдѣлать. Ошибочность метода состоитъ, такимъ образомъ въ томъ, что мы не можемъ планомѣрно варьировать и повторять переживаемое, чтобы обезпечить достовѣрность высказываемаго. Когда я задаю вопросъ, то процессъ въ умѣ испытуемаго находится внѣ меня. Варьируя раздраженіе, я варьирую психическій процессъ, онъ находится въ моей власти; здѣсь же этого нѣтъ: процессъ протекаетъ по своему; я жду, когда процессъ закончится, и субъектъ разскажетъ мнѣ о немъ. Этимъ критикуемый экспериментъ отличается отъ обычныхъ къ своей невыгодѣ. Послѣдній аргументъ Вундта имѣетъ, дѣйствительно, значеніе. Поэтому, чтобы насъ не упрекали въ томъ, что мы этого не сознаемъ, будемъ говорить: экспериментъ, конечно, отличается отъ другихъ, и именно въ томъ, что психическій процессъ не находится въ нашей власти, мы не можемъ производить въ немъ измѣненія. Назовемъ эксперименты того рода экспериментами въ широкомъ смыслѣ слова. Они, какъ

мы признали, менѣе совершенны, но научное значенiе сохраняютъ вполнѣ, потому что 1-любой процессъ можно повторить надъ множествомъ индивидовъ; 2 - мы по произволу вызываемъ извѣстный процессъ; когда желаемъ, можемъ повторить его, -правда не совсѣмъ въ томъ же самомъ видѣ, но все же можемъ повторить, -и поэтому избѣгаются многiе недостатки, которые присущи изслѣдованiю при помощи чистаго самонаблюденiя. Если бы мы изслѣдовали лишь при помощи этого послѣдняго, то у насъ не было бы тѣхъ преимуществъ, которыя даетъ изслѣдованiе въ лабораторiи путемъ воспроизведенiя переживаемаго. Мнѣ представляется, что этотъ способъ безспорно имѣетъ будущее: онъ долженъ быть культивируемъ и несомнѣнно приведетъ къ важнымъ научнымъ открытiямъ. Но надо сдѣлать оговорку: эксперементы эти такого рода, что въ нихъ могутъ принимать участiе лишь лица, психологически образованныя, съ навыкомъ къ самонаблюденiю, потому что надо не только понимать научную терминологiю, но и умѣть наблюдать самого себя. Это умѣнье прiобрѣтается путемъ продолжительнаго навыка въ работахъ экспериментальной психологiи.

Есть еще одинъ видъ экспериментовъ, которые я бы назвалъ коллективными экспериментами. Они пользуются большой популярностью у насъ въ Россiи и вызываютъ за послѣднiе годы такой интересъ, что грозятъ разростись эпидемически, что въ научномъ отношенiи является прямо вреднымъ. Коллективные эксперименты производятся одновременно надъ большимъ чис-

ломъ лицъ и по преимуществу въ школахъ. Такого рода опыты были произведены въ свое время Бинэ и Анри. Они осторожно, умѣло пользовались коллективнымъ методомъ, и ихъ изслѣдованія представляютъ большую научную цѣнность. Но легкость этихъ экспериментовъ привлекла людей, не имѣющихъ никакого отношенія къ психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти эксперименты, кажущіеся наиболѣе простыми, являются наиболѣе сложными и потому они никакъ не могутъ быть производимы людьми, не получившими серьезнаго психологическаго образованія. Въ послѣднее время въ журналахъ часто появляются подобныя изслѣдованія разныхъ педагоговъ. Никакой цѣны однако они не имѣютъ, потому что противъ нихъ есть одно серьезное возраженіе. При массовыхъ экспериментахъ надо умѣть поставить вопросъ такъ, чтобы индивидуальныя различія не имѣли значенія, чтобы въ большомъ количествѣ цифръ они совершенно стирались, чтобы, такимъ образомъ, отвѣты имѣли характеръ общій. Напримѣръ: я хочу опредѣлить состояніе вниманія дѣтей до и послѣ уроковъ. Я задаю диктантъ до уроковъ и послѣ 5 уроковъ. Если окажется разница въ количествѣ ошибокъ, можно по общему подсчету выяснить, насколько утомилось вниманіе. Вниманіе есть такой факторъ, который не представляетъ такихъ индивидуальныхъ отклоненій, чтобы это могло быть вреднымъ для результата изслѣдованія, и полученная кривая дастъ матеріалъ, имѣющій научную цѣну. Но есть показанія, носящія совершенно индивидуальный характеръ. Напримѣръ: я хочу произвести изслѣдованіе относительно интереса къ чте-

нію среди учениковъ. Я прихожу въ классъ и говорю: напишите, чтеніе какихъ книгъ васъ больше всего интересуетъ. Дѣти записываютъ, психологъ беретъ ихъ запись и подсчитываетъ: путешествія, научныя сочиненія, драматическія сочиненія, и т.д. Подсчитываетъ и изображаетъ спокойно съ помощью кривой полученные результаты. Съ моей точки зрѣнія это изслѣдованіе не только ненаучно, но является прямо пустой тратой времени. Мало еще подсчитать цифры въ данномъ случаѣ: надо знать каждаго ребенка и его реальныя потребности а не тѣ, которые онъ будетъ отмѣчать, часто погрѣшая противъ истины.

Мы имѣемъ теперь достаточно данныхъ для подведенія итога и отвѣта на вопросъ, каково значеніе экспериментальной психологіи и каково ея мѣсто въ общей системѣ психологіи. Между эксперимнетальнымъ методомъ и, такъ называемымъ, методомъ изслѣдованія при помощи самонаблюденія противорѣчія нѣтъ; одинъ не исключаетъ другого. Экспериментъ для того и существуетъ, чтобы самонаблюденіе представало в наилучшемъ видѣ, чтобы сдѣлать самонаблюденіе болѣе точнымъ. Если такъ выразить отношеніе между экспериментомъ и самонаблюденіемъ, то и старые психологи должны признать, что экспериментъ не нарушаетъ ихъ принципа.

Возражаютъ, что экспериментальная психологія имѣетъ ограниченное значеніе, что она можетъ изучать лишь простыя психическія явленія. Это правда: въ настоящее время мы можемъ изучать экспериментально лишь простѣйшія психическія явле-

нія, но принципіально не исключается возможность того, что впослѣдствіи и высшія явленія удастся подвергнуть экспериментальнымъ изслѣдованіямъ. Указываютъ, что въ экспериментальной психологіи о той точности, которая принадлежитъ естествознанію, мы говорить не можемъ. Это справедливо, но и въ естествознаніи далеко не всѣ отдѣлы, изучаемые экспериментально, имѣютъ вполнѣ точный характеръ. Въ экспериментальной психологіи есть многое, что могло бы вызывать сомнѣніе. Но главное сомнѣніе должно разсѣяться. Я хотѣлъ бы, чтобы вы согласились со мной, что нѣтъ экспериментальной психологіи, а есть экспериментальный методъ изслѣдованія. Нельзя говорить, что существуютъ двѣ психологіи. Экспериментальной психологіи не существуетъ, есть только экспериментальный методъ. На исторіи психологіи мы убѣждаемся, что раньше постоянно были попытки выдѣлить экспериментальную психологію; теперь, такъ называемая, экспериментальная психологія все больше и больше входитъ въ общую психологію. Теперь все болѣе яснымъ становится то, что это есть особый методъ изслѣдованія, входящій въ общую психологію, который можетъ быть поставленъ на ряду съ другими методами изслѣдованія, напримѣръ, съ генетическимъ.

-.-.-.-.-

Генетическій методъ психологіи.

Лекція 5-ая.

Мы остановились на разсмотрѣніи вопроса о значеніи экспериментальной психологіи. Мы видѣли, что экспериментальная психологія по существу пользуется тремя методами изслѣдованія :методомъ раздраженія, методомъ выраженія и методомъ реакціи. Въ данный моментъ мнѣ представляется весьма существеннымъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что въ экспериментальной психологіи, какимъ бы методомъ мы ни пользовались, вездѣ приходится имѣть дѣло и съ физіологіей: употребляя тотъ или другой методъ, мы такъ или иначе оказываемъ воздѣйствіе на нашъ организмъ, и въ этомъ смыслѣ экспериментальная психологія имѣетъ характеръ до нѣкоторой степени физіологическій, или пользуясь современной терминологіей - психофизическій. Возникаетъ вопросъ о роли физіологіи по отношенію къ психологіи. Этотъ вопросъ въ психологіи рѣшенъ уже безповоротно, но въ публикѣ и популярной литературѣ отношеніе къ нему остается еще неяснымъ. Нѣкоторые склонны утверждать, что психологія является наукой физіологической, т.е. является частью физіологіи. Такой способъ выраженія совершенно неправиленъ. Мы можемъ говорить, что физіологическія данныя способствуютъ изученію психоло-

гическихъ связей, это будетъ вполнѣ правильно. Мы можемъ утверждать, что ознакомленіе со строеніемъ органовъ чувствъ является важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для выясненія природы того или другого ощущенія. Но не должно забывать, что это заслуга взаимная: психологія столько же беретъ отъ физіологіи, сколько и сама даетъ ей. Вы знакомы уже съ анализомъ звуковыхъ ощущеній. Вы знаете, что вопросъ объ анализѣ звуковыхъ ощущеній возникъ первоначально на психологической почвѣ, затѣмъ уже стали искать физіологическій коррелатъ, при помощи котораго можно было бы объяснить звуковыя ощущенія. Слѣдовательно, психологія такъ же нуждается въ физіологіи, какъ и физіологія въ психологіи.

Нѣкоторыя данныя, напримѣръ анатоміи мозга, функціи мозга, которыми хотѣли воспользоваться для цѣлей психологіи, имѣютъ совсѣмъ второстепенное значеніе. Можно присоединиться къ замѣчанію Вундта, который говоритъ: если мы возьмемъ такія выраженія, которыя приняты въ психологіи, какъ центръ рѣчи, центръ звуковыхъ ощущеній, центръ зрительныхъ ощущеній и т.д., то такой способъ выраженія оказывается вреднымъ: онъ вноситъ такіе предразсудки, которые мѣшаютъ правильному пониманію психическихъ функцій. Подъ вліяніемъ принятаго словоупотребленія кажется, что есть одинъ центръ, въ которомъ помѣщается какая-нибудь способность, напримѣръ способность рѣчи. Это совершенно ложный взглядъ. Въ элементарномъ курсѣ я уже указывалъ вамъ на это. Я снова упоминаю объ этомъ, чтобы

поднять вопросъ о такъ называемой физіологической психологіи. Что это за наука ? Имѣетъ ли она право на существованіе ?

Согласно мнѣнію нѣкоторыхъ, современная психологія должна быть физіологической, это ея идеалъ. Но такое мнѣніе неправильно. Сошлюсь на примѣръ Вундта, введшаго понятіе физіологической психологіи. Онъ не думаетъ, чтобы психическіе процессы объяснялись процессами физіологическими. Онъ имѣетъ въ виду изслѣдованіе психическихъ связей независимо отъ процессовъ физіологическихъ, это его идеалъ. Онъ отмѣчаетъ, что до сихъ поръ физіологи, имѣя дѣло съ обнаруженіемъ жизненныхъ процессовъ, мало обращали вниманія на соотвѣтствующіе психическіе процессы; психологи, изслѣдуя психическія переживанія, мало обращали вниманія на физіологическіе процессы. Поэтому, говоритъ Вундтъ, надо, чтобы существовала такая наука, которая была бы посредствующей между психологіей и физіологіей, т.е. такая психологія, въ которой обращалось бы достаточно вниманія на физіологическія условія психическихъ процессовъ. Такая наука имѣетъ временное, провизорное значеніе, пока не утвердится убѣжденіе въ необходимости для психологіи пользоваться физіологическими данными, а для физіологіи - психологическими. Когда такая привычка утвердится, физіологической психологіи не будетъ мѣста въ современной наукѣ, она будетъ ненужна. Вотъ единственный смыслъ, который мы должны придавать физіологической психологіи. Мы не должны считать физіологическую психологію идеаломъ настоящей научной психологіи.

Послѣ разсмотрѣнія экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія перейдемъ къ новому методу изслѣдованія, которому придаютъ теперь важное значеніе, къ генетическому методу изслѣдованія или к генетической психологіи. Экспериментальная психологія изслѣдуетъ способности, находящіяся у даннаго индивидуума, въ данный моментъ развитія, при чемъ она имѣетъ дѣло въ большинствѣ случаевъ со взрослымъ индивидуумомъ. Изслѣдуя природу какой-нибудь способности, мы разсматриваемъ психологическое явленіе съ точки зрѣнія статической, разсматриваемъ его такимъ, какимъ оно представляется въ данный моментъ. Но та или другая способность можетъ быть интересна и въ другомъ отношеніи: насъ можетъ интересовать вопросъ, какъ она возникла, какъ развивалась, какія стадіи развитія переживала? Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны выходить за предѣлы изслѣдованія отдѣльнаго индивидуума, должны разсмотрѣть состояніе данной способности въ разные моменты развитія. Тѣ же самыя способности, которыя мы изслѣдуемъ экспериментальнымъ путемъ у взрослаго индивидуума, можно изслѣдовать у ребенка, въ родовомъ смыслѣ, въ народѣ, даже не только въ народѣ, но и во всемъ человѣчествѣ. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ отрасли, которыя называются психологіей ребенка, психологіей животныхъ, психологіей народовъ.-Vëlkerprsychologie. Эти отрасли, дисциплины, эти способы разсмотрѣнія вопроса, который я поставилъ, вопроса о психогенезисѣ, имѣютъ своей задачей указать различныя стадіи, переживаемыя, напримѣръ,

извѣстной психической способностью.

Въ рѣшеніи этого вопроса наибольшую пользу можетъ принести психологія ребенка. А если это такъ, то мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы не посмотрѣть, что даетъ психологія ребенка, что она можетъ давать, какіе числятся за ней недостатки и чѣмъ обусловлены послѣдніе. До самаго послѣдняго времени психологія ребенка имѣла характеръ біографическій, описательный, она только описывала проявленія душевныхъ способностей ребенка. Эти описанія погрѣшали характеромъ антропоморфическимъ, т.е. психологи, изслѣдовавшіе психическую жизнь ребенка, приступали къ изслѣдованію съ данными психологіи взрослаго человѣка, предполагая у ребенка тѣ же способности, какія есть у взрослаго человѣка. Тотъ матеріалъ, который былъ добытъ такого рода изслѣдованіемъ, оказывается мало цѣннымъ для психогенезиса. Вообще же психологія дѣтей можетъ доставить богатый матеріалъ для изслѣдованія развитія такихъ психическихъ способностей, какъ образованіе общихъ прэдставленій, пространственныхъ представленій и т.д.

Другая отрасль, на которой мы должны остановиться - есть психологія животныхъ. Психологія животныхъ обыкновенно относится, по справедливости, къ такъ называемой, сравнительной психологіи . Въ психологіи животныхъмы можемъ пользоваться сравнительнымъ методомъ, который можетъ оказаться весьма цѣннымъ методомъ для изслѣдованія психической жизни человѣка. Говорятъ, что психологія животныхъ является природнымъ

экспериментомъ,т.е. экспериментомъ,который природа сама для насъ производитъ,чтобы мы могли бы изучить природу психическихъ способностей человѣка.Мы знаемъ,что во многихъ изслѣдованіяхъ оказывается чрезвычайно важнымъ методъ сопутствующихъ измѣненій.Если имѣется событіе А связанное съ событіемъ В,такимъ образомъ,что съ измѣненіемъ А измѣняется и В,то по измѣненіямъ А можно судить объ измѣненіяхъ В.Если мы перейдемъ къ психической жизни животныхъ,то оказывается, что этотъ методъ можетъ быть использованъ и здѣсь. Возьмемъ,напр.,способность анализа.У человѣка она есть на извѣстной стадіи развитія,у животныхъ она тоже имѣется,но въ уменьшенномъ размѣрѣ.Что изъ этого слѣдуетъ?Что влечетъ за собой этотъ фактъ?У животныхъ,несомнѣнно,что-то отсутствуетъ,что въ свою очередь является причиною пониженія или отсутствія аналогичной способности.А отсюда мы дѣлаемъ выводъ,что способность анализа,способность вниманія чѣмъ то обусловливается.У человѣка мы можемъ этого не замѣчать, но наблюдая надъ животными,мы видимъ,что что-то понижается,что-то исчезаетъ,что-то измѣняется и что это влечетъ и пониженіе-или отсутствіе и способности анализа.Возьмемъ приложеніе другого метода,методъ разницы.У человѣка есть способность рѣчи и,вмѣстѣ съ этой способностью,логическія способности сужденія,умозаключенія въ опредѣленной формѣ. Возьмемъ глухонѣмого - у него нѣтъ способности рѣчи,какія измѣненія происходятъ въ его умственныхъ способностяхъ?Или

возьмемъ животныхъ - у нихъ тоже нѣтъ способности рѣчи,поэтому интересно выяснить,какія измѣненія благодаря этому происходятъ въ ихъ понятіяхъ,сужденіяхъ, умозаключеніяхъ и т.д.? Благодаря сравненію и примѣненію метода сопутствующихъ измѣненій и метода разницы дѣлается возможнымъ изслѣдованіе душевной жизни вообще.Такого рода оцѣнку можно дать психологіи животныхъ или зоопсихологіи.

Въ вопросѣ о зоопсихологіи заключается въ сущности два различныхъ вопроса:одинъ можетъ интересовать зоолога вообще, другой - психолога.Имѣетъ ли зоопсихологія самодовлѣющее значеніе или ей можно приписать второстепенное значеніе,поскольку она оказывается цѣнной для общей психологіи"Смыслъ перваго заключается въ слѣдующемъ:зоологъ,описывая животныхъ, интересуется тѣмъ,чтобы описать психическую жизнь животныхъ наряду съ физіологіей,онъ интересуется продуктами жизни животныхъ съ точки зрѣнія физіологической и психологической. Психологъ интересуется не этимъ,его интересуетъ вопросъ,принесетъ ли ему пользу зоопсихологія,которую написалъ зоологъ, для выясненіи общихъ законовъ физической жизни вообще. Вотъ два вопроса,которые надо различать и которые мы сегодня разберемъ.

Существуетъ убѣжденіе,довольно распространенное среди натуралистовъ,которое сводится къ слѣдующему:если психологъ,желаетъ построить психологію ,то собственно долженъ такъ сказать,подождать,пока будетъ собранъ матеріалъ натуралистами,

которые изслѣдують жизнь животныхъ,и уже на этомъ матеріалѣ и можно будетъ строить психологію.Казалось бы,что это требованіе можетъ быть признано правильнымъ.Вы помните элементарное методологическое правило - переходить отъ простого к болѣе сложному,потому что на простомъ вы можете понять лучше?Дальше вы знаете,что у человѣка психическая жизнь представляется чрезвычайно сложной.А если мы возьмемъ низшіе от организмы,то тамъ найдемъ проявленія психической жизни въ простѣйшемъ видѣ;отъ этихъ низшихъ организмовъ мы переходимъ къ болѣе сложнымъ и доходимъ до человѣка,у котораго сложныя проявленія душевной жизни сдѣлаются для насъ вполнѣ понятными.Если задача психологіи -разсмотрѣніе сложныхъ психическихъ состояній,исходя изъ состояній элементарныхъ-то гдѣ вы отыщите эти послѣднія?Очевидно у простѣйшихъ организмовъ;и начиная изученіе съ элементарной душевной жизни низшихъ организмовъ,вы поймете сложную психическую жизнь человѣка.Вотъ разсужденіе вполнѣ,казалось бы,убѣдительное. Психологи должны прервать свою работу и подождать,пока зоопсихологи соберутъ матеріалъ.Но какъ ни соблазнительно это разсужденіе,оно въ сущности не вѣрно.Мы неправильно бы оцѣнили современное научное положеніе зоопсихологіи,неправильно потому, что наша душевная жизнь для насъ - для пихолога и для всякаго мыслящаго человѣка - является непосредственно данной,близкой,знакомой, въ то время,какъ душевная жизнь животныхъ для насъ недоступна,непонятна.Поэто-

му точка зрѣнія біологическая,зоологическая,точка зрѣнія естественнонаучная совершенно неправильно переносится въ психологію.Физіологъ,желая понять функціи сердца,невполнѣ ясныя для него у человѣка,обращается къ низшимъ организмамъ-тамъ онѣ вполнѣ понятны;то,что онъ узналъ въ элементарныхъ организмахъ,онъ переноситъ къ болѣе сложнымъ.Если это разсужденіе анатоміи вы перенесете на психологію,вы сдѣлаете грубую ошибку,потому что о психической жизни животныхъ мы заключаемъ лишь по собственной жизни.Пользуясь психологіей, понимая психическую жизнь высшихъ организмовъ,мы переходимъ къ тѣмъ,которые ниже и умозаключаемъ о ихъ психической жизни.Чѣмъ ближе по степени развитія животныя къ намъ,тѣмъ понятнѣе намъ ихъ психическая жизнь;чѣмъ дальше - тѣмъ все болѣе и болѣе наши умозаключенія пріобрѣтаютъ гипотетическій характеръ.Наши заключенія о человѣкѣ - о негрѣ-напримѣръ-имѣютъ достовѣрный характеръ.Если же возьмемъ высшихъ животныхъ - собаку,слона и т.д.-заключенія наши пріобрѣтаютъ мало достовѣрный характеръ,дѣлаются гипотетическими.Если возьмемъ элементарный организмъ-амебу - прослѣдимъ ея психическую жизнь,то окажется,что мы имѣемъ о ней совсѣмъ мало достовѣрныя свѣдѣнія.Вотъ отчего зоопсихологъ прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію психической жизни животныхъ долженъ вполнѣ оріентироваться въ психической жизни человѣка и лишь послѣ этого можетъ перейти къ изученію психической жизни животныхъ. Приведу вамъ данныя для доказатель-

ства этого положенія. Если натуралисты говорятъ, что психологъ долженъ подождать, пока зоопсихологъ ссберетъ достаточный матеріалъ, то психологъ въ свою очередь можетъ сказать, что зоопсихологъ долженъ подождать, пока первый выработаетъ теоретическія основанія психологіи, только тогда можно будетъ говорить о психической жизни животныхъ. Свою мысль я могу подтвердить при помощи примѣра. Возьмемъ напримѣръ, амебу, или возьмемъ болѣе высокій организмъ, у котораго и психическая жизнь болѣе высокая. Что мы наблюдаемъ въ данномъ случаѣ? Какой у насъ есть критерій для сужденія о ихъ психикѣ? Единственнымъ масштабомъ, критеріемъ является наша собственная душевная жизнь. Если говорятъ, что зоопсихологія находится на такой стадіи развитія, что требуетъ, чтобы психологія строила свои вывода на основаніи зоопсихологіи, то такое требованіе несправедливо. Въ этомъ мы убѣдимся, если посмотримъ на состояніе зоопсихологіи. Есть ли это дѣйствительно наука? или можетъ быть въ ней господствуетъ такой разбродъ, который заставляетъ думать, что никакой систематической науки-зоопсихологіи еще нѣтъ?

Существуютъ два направленія въ современной зоопсихологіи. Одни зоопсихологи утверждаютъ, что собственно душевная жизнь человѣка и животныхъ мало отличается другъ отъ друга: тѣже способности, какія есть у человѣка, имѣются и у животныхъ. Сказать, что у человѣка есть нѣчто, что отличаетъ его отъ животныхъ, чего нѣтъ у животныхъ, значитъ впасть

въ старую точку зрѣнія, точку зрѣнія Аристотеля, точку зрѣнія философіи, которая считала, что у человѣка есть такія способности, которыя отличаютъ его отъ животныхъ. Современные зоопсихологи употребляютъ всѣ усилія, чтобы показать, что между человѣкомъ и животными никакой пропасти нѣтъ, въ противномъ случаѣ падаетъ дарвинизмъ, эволюціонная теорія. Зоопсихологи этого направленія утверждаютъ, что человѣкъ и животныя по своимъ психическимъ способностямъ не отличаются другъ отъ друга, что у животныхъ есть такое же развитое мышленіе, какъ и у человѣка, потому что если отрицать это, созидается глубокая пропасть между человѣкомъ и животнымъ. Это одно направленіе. Новѣйшее направленіе зоопсихологіи проповѣдуетъ нѣчто совсѣмъ другое, оно выставляетъ такія положенія, высказывать которыя какихъ-нибудь 7-8 лѣтъ назадъ казалось бы совершенно невозможнымъ. Зоопсихологи этого направленія утверждаютъ, что у животныхъ психической жизни нѣтъ совсѣмъ, что животныя-суть машины, механизмы (Это Декартовская точка зрѣнія). Всѣ движенія животныхъ, дѣйствія ихъ могутъ быть объяснены безъ допущенія психической жизни. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ животныхъ надо исключить такія понятія, какъ сознаніе, нужно выбросить его, потому что оно ничего не объясняетъ, всѣ движенія животныхъ могутъ быть поняты безъ такихъ понятій, какъ "видѣть", слышать", "обонять", "чувствовать боль" и т.д. "Выбросьте все это и все будетъ объяснено естественнымъ способомъ, какъ механическія движенія рефлективнаго характера",

говорятъ зоопсихологи этого направленія.

Приведу вамъ примѣръ. Возьмемъ амебу, организмъ одноклѣтный; она какъ всякое живое существо, производитъ опредѣленныя движенія. По мнѣнію психологовъ движенія амебы могутъ быть объяснены, если признать, что у нея есть извѣстныя влеченія или элементарная воля. Оно производитъ движенія, имѣющія характеръ п р о и з в о л ь н ы й. Зоопсихологи, натуралисты послѣдняго направленія говорятъ, что эти движенія могутъ быть объяснены чисто механически, безъ допущенія воли. Бючли предполагаетъ, что протоплазма амебы имѣетъ такой характеръ, что можно создать нѣчто подобное искусственно. Если такимъ образомъ создадимъ подобную протоплазму, то, наблюдая ее, мы можемъ убѣдиться, что она можетъ производить движенія, напоминающія движенія амебы. Если мы произведемъ, напримѣръ, въ какомъ-нибудь мѣстѣ химическое измѣненіе, то произойдетъ измѣненіе поверхности, и мы замѣтимъ, что протоплазма будетъ производить движенія, напоминающія движенія амебы. Можемъ ли мы послѣ этого признать, что амеба движется, имѣя влеченія, элементарную волю? Конечно, нѣтъ: мы признаемъ, что подъ вліяніемъ химическихъ измѣненій амеба производитъ движенія механически. То же самое можно доказать надъ болѣе высокими организмами. Въ своемъ изслѣдованіи надъ пчелами и муравьями, которое такъ и называется - "Имѣемъ ли мы право муравьямъ и пчеламъ приписывать психическія качества" - Bethe отвѣчаетъ отрица-

:- :- :- :- :- :-

тельно:"нѣтъ,не имѣетъ",Это изслѣдованіе необыкновенно инте-ресное.Авторъ его разсуждаетъ такъ:-пусть муравей движется отъ предмета,находящагося внѣ муравейника,по направленію къ муравейнику,напримѣръ,отъ куска сахару,Руководится ли онъ чѣм-нибудь ,какимъ-нибудь сознаніемъ,какимъ -нибудь представленіемъ?По мнѣнію старой зоопсихологіи у муравья есть представле-ніе - куска сахару, руководясь обоняніемъ,онъ движется къ сахару,затѣмъ двигается обратно,чтобы снести его въ общій за-пасъ. Bethe же утверждаетъ,что ничего подобнаго нѣтъ;это мож-но объяснить просто механическимъ,рефлективнымъ,безсознатель-нымъ движеніемъ муравья,у котораго нѣтъ никакого представле-нія,сознанія.Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ такой же рефлек-тивный актъ,какой,напримѣръ,совершается въ глазу,когда,въ ком-натѣ дѣлается слишкомъ темно или свѣтло,и когда суживается или расширяется зрачекъ. Такой же рефлективный актъ совершаетъ и муравей.

Если перейдемъ дальше, мы увидимъ,что всѣ животныя,даже болѣе высокія,не имѣютъ сознанія,у нихъ нѣтъ психической жизни;Женевскій психологъ Клапаредъ указываетъ,что психоло-гіи животныхъ не существуетъ,мы не имѣемъ права говорить о психическихъ качествахъ животныхъ,мы должны говорить лишь, что одни дѣйствія животныхъ болѣе сложныя,другія-болѣе про-стыя.Этимъ должно ограничиваться все наше знаніе психики жи-вотныхъ.

Я привелъ все это,чтобы вы могли рѣшить вопросъ,есть ли

зоопсихологія, какъ наука, или ея нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Мы видимъ, что одни зоопсихологи говорятъ, что животныя мало отличаются отъ человѣка, другіе-наоборотъ утверждаютъ, что у животныхъ нѣтъ психической жизни, что они - просто машины. И та и другая точка зрѣнія неправильна: отрицать психическую жизнь у животныхъ мы не имѣемъ права. Сказать, что у муравья нѣтъ представленій такъ же невозможно, какъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что мой пріятель имѣетъ ощущенія. Съ моей точки зрѣнія, конечно, разума у животныхъ въ томъ смыслѣ, какъ у человѣка не существуетъ, но имъ все же присуща психическая жизнь.

Отчего же нѣкоторые отрицаютъ зоопсихологію какъ науку? Оттого, что точка зрѣнія при изслѣдованіи зоопсихологіи неправильна: нельзя исходить отъ животныхъ, надо исходить отъ человѣка. Зоопсихологіи, какъ науки, нѣтъ. Зоопсихологія имѣетъ самодовлѣющее значеніе, она можетъ пріобрѣсти значеніе и для психологіи, если вступитъ въ связь съ общей психологіей; тогда она сдѣлается наукой, полезной для психогенезиса.

Послѣ этихъ замѣчаній мы должны перейти къ разсмотрѣнію, такъ называемой, психологіи народовъ, Völkerpsychologie.

Мы видѣли прошлый разъ, въ чемъ заключается задача психогенезиса или генетической психологіи - прослѣдить развитіе той или другой способности. Она не довольствуется изученіемъ состоянія той или другой способности у даннаго взрослаго индивидуума, а желаетъ выяснить стадіи развитія, которыя пере-

жила та или другая психическая способность. Особеннаго вниманія заслуживаетъ та отрасль, которая называется психологіей народовъ, Völkerpsychologie.

Надо сказать нѣсколько словъ о самомъ терминѣ "психологія народовъ". Терминъ этотъ не особенно удачный. Онъ былъ введенъ въ Германіи, въ послѣднее время онъ взятъ подъ защиту Вундтомъ противополагающимъ Völkerpsychologie Individuellpsychologie. Вундтъ исходитъ изъ предположенія, что всякая экспериментальная психологія есть психологія индивидуальная, т.е. психологія, отыскивающая законы психической жизни индивидуума. Но въ душевной жизни индивидуума есть явленія, въ которыхъ приходится видѣть результатъ, продуктъ духовнаго общенія множества индивидуумовъ. Изученіе такихъ продуктовъ духовнаго общенія составляетъ задачу науки, которая называется Völkerpsychologie. Возьмемъ способность вниманія, способность зрѣнія - они имѣютъ индивидуальный характеръ: вырабатываются самостоятельно у каждаго отдѣльнаго индивидуума. Если же взять, напримѣръ, способность рѣчи - то она уже является продуктомъ развитія не отдѣльнаго индивидуума, а результатомъ духовнаго общенія множества индивидуумовъ. Вотъ въ этомъ то случаѣ, когда мы беремъ психическія состоянія, являющіяся результатомъ взаимодѣйствія, духовнаго общенія множества индивидуумовъ, то мы имѣемъ дѣло съ особымъ классомъ явленій, который не можетъ быть предметомъ изученія обычной индивидуальной психологіи, а является предметомъ особой науки, которую Вундт

называетъ Völkerpsychologie, психологія народовъ,какъ обычно переводятъ это названіе.Какъ надо точнѣе перевести этотъ терминъ - Völkerpsychologie?Нѣкоторые предлагаютъ перевести"соціальная психологія",т.е.психологія,разсматривающая продукты,которые являются результатомъ соціальной жизни. Этотъ терминъ пожалуй можно признать самымъ подходящимъ.

Встрѣчаются,иногда и другія термины-"психологія коллективаня","психологія масс".Но вѣдь Völkerpsychologie не только психологія массъ,изучающая психическія состоянія,процессы,бывающіе въ массахъ индивидуумовъ, психологію толпы. Психологія народовъ изучаетъ продукты духовнаго творчества, которые являются результатомъ духовнаго общенія - рѣчь,миѳы, миѳическія построенія,нравственность,искусство, - все это есть продукты,которые принадлежатъ не отдѣльному индивидууму, а есть результатъ общенія множества индивидуумовъ.Итак, наиболѣе пріемлемымъ остается терминъ "психологія народовъ", хотя онъ и является только переводомъ нѣмецкаго термина Völkerpsychologie,и терминъ"соціальная психологія"

Исторія этой научной отрасли доволбно любопытна.Я бы сказалъ, что главная заслуга въ этой отрасли психологіи должна быть приписана англичанамъ :Герберт Спенсеръ въ"Соціологіи" и "Этикѣ",затѣмъ Тейлоръ,авторъ"Первобытной культуры",Леббокъ,авторъ сочиненія"Доисторическія времена" Раньше этихъ авторовъ нѣмецкій психологъ Waitz написалъ Антропологію первобытныхъ народовъ.Наконецъ,Лацарусъ въ 1856 и Штейн-

таль въ 1867 г.прямо провозгласили необходимость этой научной дисциплины.Они говорили,что данныя психологіи надо перенести въ ту область,которая еще мало разслѣдована - явленія рѣчи,искусства,миѳовъ и т.д..Благодаря этимъ двумъ психологамъ и явилась та отрасль психологіи,которая называется Völkerpsychologie.Надо отмѣтить,что у Лацаруса и Штейнталя эта научная отрасль не являлась чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ:на Völkerpsychologie они смотрѣли,какъ на науку подчиненную,зависящую отъ общей психологіи.Только въ концѣ 90-хъ г.г.,когда за дѣло взялся Вундтъ,пользующійся огромной извѣстностью,мы получили самостоятельную научную дисциплину:въ 1900 г. выходитъ 1-й томъ его Völkerpsychologie;въ настоящій моментъ вышло 3 тома.Первыя 2 книги посвящены философіи рѣчи,затѣмъ слѣдующія - миѳологіи,нравственности и искусству.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію научнаго значенія Völkerpsychologie я хотѣлъ бы ближе указать на ея содержаніе,познакомить васъ съ тѣмъ,что она описываетъ,почему понадобилась отдѣльная наука;почему нельзя ввести эти главы въ общую психологію?По мнѣнію Вундта важно было выдѣлить всѣ психическіе процессы,являющіеся продуктами духовнаго общенія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Философія рѣчи,-какъ извѣстно,разрабатываетъ вопросы о происхожденіи рѣчи; происхожденіи словъ, о синтаксической связи словъ въ предложеніи;объ измѣненіи предложеній. Вы видите, что разслѣдуя

рѣчь,онъ имѣетъ возможность разслѣдовать исторію развитія человѣческихъ представленій,потому что развитіе рѣчи является показателемъ измѣненія или развитія человѣческихъ представленій.Возьмемъ 2-ой отдѣлъ - о миѳахъ.Въ миѳахъ мы имѣемъ въ зачаточной формѣ представленія человѣка о мірѣ,его построенія,связанныя съ настроеніями фантазіи,это начатки философскаго и религіознаго міровоззрѣнія.Само собой разумѣется,если авторъ разбираетъ развитіе миѳовъ,онъ разбираетъ развитіе,исторію измѣненій человѣческихъ представленій о мірѣ,зачатки его философскаго и религіознаго міровоззрѣнія.Возьмемъ 3-й отдѣлъ -Sitte-нравственность,собственно правильнѣе нравы,т.е.ту сторона волевой дѣятельности человѣка,которая подчинена извѣстнымъ нормамъ.Въ соціальномъ общеніи есть моменты,когда волевыя проявленія индивидуумов должны подчиняться извѣстнымъ нормамъ;вырабатывается то, что мы называемъ нравами,вырабатывается извѣстное дозволенное и недозволенное проявленіе чувствъ,воли,возникаетъ нравственность,правила общенія между людьми.Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ представляетъ обширный матеріалъ для заключеній о развитіи нравственнаго чувства вообще.Если прибавить еще отдѣлъ объ искусствѣ,продуктъ эстетическаго творчества человѣчества,сдѣлается яснымъ содержаніе психологіи народовъ,которая по мнѣнію Вундта должна имѣть самостоятельное значеніе наряду съ индивидуальной психологіей, которую онъ называетъ экспериментальной.

Вы должны согласиться, что у Вундта была великая вѣра въ то, что это есть основная наука, если онъ уже въ престарѣломъ возрастѣ сталъ заниматься такими дисциплинами, какъ языкознаніе, этнографія, которыми не занимался въ годы юности. Въ своей Völkerpsychologie онъ оставилъ одинъ изъ величайшихъ памятниковъ своего творчества.

Въ современной психологіи оспаривается право на автономное существованіе Völkerpsychologie; говорятъ, что въ нейнѣтъ надобности, потому что все, что она разсматриваетъ, можетъ быть разсмотрѣно въ индивидуальной психологіи и потому не существуетъ научныхъ основаній для выдѣленія особой психологіи. Намъ необходимо разобрать, въ какой мѣрѣ эта мысль правильна, имѣетъ ли Völkerpsuchologie право на независимое существованіе или же предметъ ея изслѣдованія долженъ быть распредѣленъ между отдѣльными научными дисциплинами?

Völkerpsychologie занимается, какъ уже замѣчено, вопросами о развитіи рѣчи, моральныхъ представленій, отношеній и т. п. Мы знаемъ, что эти же вопросы разбираютъ другія частныя дисциплины. Языковѣдѣніе занимается вопросами о происхожденіи рѣчи, развитіи рѣчи, филологи даже дѣлаютъ попытку психологически объяснить развитіе рѣчи. Зачѣмъ же нужна отдѣльная наука? Казалось бы въ ней нѣтъ надобности. Возьмемъ исторію нравственности, исторію семьи-эти вопросы разрабатываются постоянно, и помимо Völkerpsychologie, и имъ дается извѣстное объясненіе. Зачѣмъ создавать новую науку, когда матеріалъ

можетъ быть разработанъ въ научныхъ дисциплинахъ,уже существующихъ и всѣми признанныхъ?И здѣсь,казалось бы, выдѣленіе въ отдѣльную науку этихъ элементовъ ни на чемъ не основано.

Второй аргументъ сводится къ слѣдующему:въ Völkerpsychologie встрѣчаются часто понятія,имѣющія метафизическій характеръ.Не только Вундтъ,но и Лацарусъ и Штейнталь считали необходимымъ утверждать,что кромѣ души отдѣльнаго индивидуума существуетъ еще особая душа,которую можно назвать Volksseele, при чемъ ей приписывается реальное существованіе.Въ введеніи въ философію я уже познакомилъ васъ съ понятіемъ индивидуальной души и коллективной души .Если индивидуальная душа изучается индивидуальной психологіей,то для изученія коллективной души должна быть отдѣльная наука.Такъ разсуждаетъ Вундтъ.Противники говорятъ:такой души мы не знаемъ,ея не существуетъ.Есть только индивидуальная душа, а гдѣ душа народа,какова она? Многіе философы говорятъ,что у одного народа одна душа,у другого- другая,говорятъ о духѣ народа,но это понятіе мистическое,съ которымъ наука не можетъ имѣть дѣла. Метафизика можетъ его допустить,но гдѣ рѣчь идетъ о научныхъ построеніяхъ,объ эмпирически провѣренныхъ данныхъ,о душѣ народа рѣчи быть не можетъ.На какой бы точки зрѣнія въ вопросѣ о душѣ мы ни стояли, мы знаемъ,что душа связана съ тѣломъ,а гдѣ тѣло,гдѣ органы чувствъ, путемъ которыхъ могла бы дѣйствовать Volksseele ? Все это имѣетъ гипотетическій характеръ и должно быть устранено изъ науки.Опредѣле-

ніе души народа указываетъ, что душа народа, какъ реальность, не признается, но есть факты, на которые многіе психологи вполнѣ правильно обратили вниманіе.

Возьмемъ отдѣльнаго индивидуума. Какъ бы правильно ни шло его развитіе, все же то, что ему принадлежитъ, меньше, чѣмъ то, что заимствовано имъ отъ народа, отъ внѣшняго воздѣйствія среды. Чувства, рѣчь, все это принадлежитъ не ему, все получено извнѣ, благодаря, вліянію, воздѣйствію внѣшней воли, благодаря вліянію того народа, среди котораго онъ родился, воспитался; все это меньше принадлежитъ ему, чѣмъ тому народу, среди котораго онъ родился, выросъ, воспитался. Значитъ есть что-то такое, что оказываетъ воздѣйствіе на индивидуума. Можно сказать, что это и есть Volksseele. Но можно объяснять и проще: на одного индивидуума оказываетъ воздѣйствіе другой, третій, четвертый и т.д. и эти явленія объясняются воздѣйствіемъ одного индивидуума на другого, безъ всякаго допущенія какой бы то ни было души народа. Если не признавать души народа, то для признанія отдѣльной психологіи народовъ нѣтъ никакихъ основаній.

3-е возраженіе приводится многими и даже выдающимися учеными, между прочимъ извѣстнымъ лингвостомъ Paul'емъ. Они говорятъ: для такой науки нѣтъ мѣста въ психологіи, въ ней нѣтъ никакой надобности, потому что есть наука болѣе широкая, затрагивающая не только психическую, но и физическую сторону, развитіе человѣчества съ точки зрѣнія психической, физической и исторической. Зачѣмъ же нужна еще отдѣльная наука ?

Возьмемъ и отнесемъ все въ исторію развитія культуры,туда вмѣстится все,чѣмъ занимается Völkerpsychologie.Исторія культуры есть исторія развитія человѣчества со всѣхъ сторонъ.Всѣ вопросы о развитіи рѣчи, о миеахъ,искусствѣ войдутъ въ исторію культуры въ широкомъ смыслѣ слова,и мѣста для Völkerpsychologie,какъ будто бы не остается,и такимъ образомъ,нѣтъ основанія для ея существованія.Итакъ,есть только индивидуальная психологія,но нѣтъ психологіи народовъ.Нельзя,конечно, отрицать, что психическіе факты,являющіеся результатомъ духовнаго общенія,представляютъ громадный интересъ,Но въ этомъ никто не сомнѣвается,только говорятъ,что отдѣльной науки для ихъ изученія существоватъ не должно.

Разумѣется,на эти возраженія не могъ не обратить вниманія Вундтъ,посвятившій значительную часть своей жизни этому вопросу.Его отвѣтъ вполнѣ убѣдителенъ. Völkerpsychologie,по его мнѣнію,безусловно имѣетъ право на отдѣльное существованіе.-Говорятъ,что психологія народовъ то же самое,что исторія,исторія культуры,языковѣдѣніе.Это невѣрно.Вундтъ,оспаривающій это,безусловно правъ;потому что эти науки имѣютъ совершенно различныя задачи.Исторія,исторія культуры оперируетъ съ и н д и в и д у а л ь н ы м и моментами, тогда кк Völkerpsychologie,наоборотъ имѣетъ дѣло съ извѣстной закономѣрностью,она требуетъ законовъ-законовъ развитія рѣчи,законовъ развитія представленій въ связи съ развитіемъ рѣчи и т.д.Психологія народовъ не только описываетъ явленія;она изу-

чаетъ ихъ законы. Возьмемъ психологію народовъ и языковѣдѣніе. Вундтъ указываетъ такое различіе между ними: языковѣдѣніе и психологія народовъ, хотя оперируетъ съ одними и тѣми же фактами, но обращаютъ вниманіе на совершенно различныя стороны. Для языковѣдѣнія важно изложить исторію рѣчевыхъ моментовъ, рѣчевыхъ формъ, психологія народовъ обращаетъ вниманіе на тѣ психическіе процессы, которыми сопровождаются или обусловливаются тѣ или другія рѣчевыя явленія. Совершенно различны методы, цѣли, которыя ставятъ языковѣдъ и психологъ: языковѣдъ занимается формами рѣчи, рѣчевыми явленіями, какъ и психологъ, но психолога интересуютъ не эти явленіи сами по себѣ, а психическіе законы, которымъ подчиняется развитіе рѣчи. Итакъ языковѣдѣніе и психологія народовъ совершенно отличны другъ отъ друга и поэтому нельзя сказать, что языковѣдѣніе можетъ замѣнить психологію народовъ.

Второе возраженіе самое затруднительное для Вундта - возраженіе противъ признанія души народа. Когда намъ убѣдительно доказали, что души народа не существуетъ, какъ можно говорить о наукѣ, изслѣдующей свойства этой души? Но Вундтъ разсуждаетъ такъ: въ эмпирической психологіи имѣется понятіе души. Душа есть не что иное, какъ связь и послѣдовательность душевныхъ состояній. Есть ли это субстанція? Этотъ вопросъ для эмпирической психологіи не представляетъ интереса, она ими не занимается. Также нѣтъ надобности доказывать, что Volksseele есть субстанція. Достаточно, если я покажу, что духовные продукты, съ

которыми имѣетъ дѣло Völkerpsychologie, индивидуальной психологіей объяснены быть не могутъ, т.е. покажу, что нѣкоторыя переживанія, присущія отдѣльнымъ индивидуумамъ, взятыя независимо отъ общенія съ другими индивидуумами, объяснены быть не могутъ съ помощью только индивидуальной психологіи. Volksseele не есть простая сумма, а есть продуктъ взаимодѣйствія, нѣчто новое. Если я такъ скажу, всякій согласиться, что кромѣ суммы индивидуумовъ есть психическіе продукты, не объяснимые дѣятельностью отдѣльныхъ индивидуумовъ, всякій согласиться, что есть основанія для признанія отдѣльной психологіи - психологіи народовъ. Вундтъ такъ опредѣляетъ отношеніе между индивидуальной психологіей и психологіей народовъ: индивидуальная, или экспериментальная психологія имѣетъ дѣло съ процессами, присущими отдѣльному индивидууму, разсматриваемому абстрактно, независимо отъ соціальнаго общенія, а психологія народовъ имѣетъ въ виду изслѣдовать тѣ законы, которые можно подмѣтить въ общеніи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Эти законы могутъ быть перенесены въ индивидуальную психологію и многое, что теперь въ индивидуальной психологіи необъяснимо, будетъ объяснено благодаря законамъ Völkerpsychologie. Völkerpsychologie и общая психологія представляютъ взаимодополняющее другъ другъ цѣлое. Völkerpsychologie безъ данныхъ индивидуальной психологіи непонятна и наоборотъ законами Völkerpsychologie объясняется многое въ индивидуальной психологіи. Онѣ дополняютъ другъ друга, взятыя вмѣстѣ составляютъ одну

психологію.

Я познакомилъ васъ съ двумя противоположными взглядами: съ одной стороны за Völkerpsychologie не признается самостоятельнаго значенія, а съ другой такіе психологи, какъ Вундтъ, приписываютъ ей значеніе. Кто же правъ? Я думаю, что отвѣтъ ясенъ уже изъ предшествующаго изложенія. Надо согласиться съ Вундтомъ въ томъ отношеніи, что есть духовные продукты, являющіеся результатомъ общенія множества индивидуумовъ, не тождественные съ продуктами индивидуальнаго творчества, поэтому и должна быть дисциплина, разрабатывающая ихъ. У насъ нѣтъ сомнѣнія въ этомъ вопросѣ. Мы не скажемъ, что Völkerpsychologie не имѣетъ никакой цѣны. Мы должны отвѣтить утвердительно на вопросъ о Völkerpsychologie: Völkerpsychologie должны имѣть автономное значеніе, потому что предметъ ея рѣзко отличается отъ предмета индивидуальной психологіи.

По отношенію къ Völkerpsychologie надо сдѣлать одно замѣчаніе, имѣющее характеръ pro domo sua. Если когда нибудь наша психологія пріобщится къ общеевропейской, есть одна область въ который мы можемъ занять видное положеніе - область Völkerpsychologie, всего менѣе разработанная у насъ. Если мы возьмемъ сочиненія Waitz'a, Тейлора, Спенсера, - то замѣтимъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ русская этнографическая литература, одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, такъ какъ въ русскихъ владѣніяхъ находится масса малокультурныхъ народовъ, изученіемъ которыхъ занимаются русскіе этнографы. Но матері-

алъ этотъ остается не использованнымъ. Этотъ сырой матеріалъ не использованъ совершенно крупными собирателями на Западѣ, какъ Waitz, Спенсеръ, Вундтъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы быть убѣжденнымъ въ томъ, что въ ближайшіе десятилѣтія эта часть психологіи будетъ подвергнута особенно усиленно разработкѣ.

Этимъ я считаю законченнымъ вопросъ объ источникахъ психологіи, и въ слѣдующій разъ перейду къ понятію сознанія въ психологіи.

Л е к ц і я 6-ая.

С О З Н А Т Е Л Ь Н О Е И Б Е З С О З Н А Т Е Л Ь Н О Е.

Ранѣе мы опредѣлили психологію, какъ науку, имѣющую своею цѣлью выяснить законы сознанія. Но что такое сознаніе, я тогда оставилъ безъ опредѣленія. Въ философіи 18 и 19 вв. неоднократно дѣлались попытки выяснить это понятіе, при чемъ, иногда давались чрезвычайно сложныя опредѣленія. Иногда, напримѣръ, сознаніе опредѣляютъ, какъ переживаніе или чувство нашего индивидуальнаго существованія. Въ курсѣ логики я имѣл уже случай указывать вамъ, что такое понятіе, какъ понятіе сознанія, не можетъ быть опредѣлено. Дѣло въ томъ, что это понятіе чрезвычайно простое, я бы сказалъ, абсолютное простое, неразложимое и потому опредѣлено быть не можетъ. Лишь съ помощью противоположенія сознанія тому, что не есть сознаніе,

мы можемъ попытаться его выяснить.Мы противополагаемъ міръ психическій міру физическому.Сумма того, что входитъ въ составъ психическаго міра,называется сознаніемъ.Противоположнымъ тому,что мы называемъ міромъ психическимъ,является міръ физическій,къ чему понятіе сознанія приложено быть не может. Итакъ подъ сознаніемъ можно понимать - комплексъ, или суму состояній,которыя относятся къ нашимъ душевнымъ переживаніямъ

Рядомъ съ понятіемъ"сознательнаго",того,что сознается,существуетъ понятіе"безсознательнаго".Это понятіе"безсознательнаго"имѣетъ особенно важное значеніе для психологіи.Что такое "безсознательное"?Относится ли оно въ область психологіи или это не есть нѣчто психическое ? Это вопросъ огромной важности,одинъ изъ наиболѣе трудныхъ въ современной психологіи. Понятіе"безсознательнаго"часто употребляется въ обиходной жизни,но употребляется необычайно запутанно,въ самомъ различномъ смыслѣ.Часто,напримѣръ говорятъ:художникъ творитъ безсознательно.Это значитъ,что онъ творитъ безъ сознательнаго намѣренія,непреднамѣренно,другими словами-безсознательно. Ученикъ рѣшилъ задачу,но объяснить не можетъ,онъ говоритъ: я рѣшилъ ее безсознательно,т.е. не сознавая аргументовъ,которые можно привести..Когда я учился писать,каждая буква изучалась мной отдѣльно; теперь я пишу,не думая объ отдѣльныхъ буквахъ,пишу безсознательно,или какъ въ обиходной жизни говорятъ также - рефлективно, механически,т.е. вниманіе мое не направляется на отдѣльныя составныя части процесса писа-

нія.Я изучаю какой-нибудь предметъ,какую-нибудь науку, какой-нибудь языкъ,я его изучилъ, знаю его. Въ тотъ моментъ,когда я бесѣдую съ вами,этого знанія у меня нѣтъ налицо.Когда я захочу,я покажу,что знакомъ съ нимъ - я буду говорить,писать,но въ данное время никакихъ словъ этого языка,никакихъ представленій,образовъ у меня нѣтъ.Спрашивается,гдѣ они находятся? Это знаніе языка не сознается мной въ данный моментъ,слѣдовательно,оно находится въ безсознательной сферѣ. Приведу еще одинъ старый примѣръ:солдатъ въ сраженіи получаетъ тяжелую рану,но въ пылу сраженія не чувствуетъ боли, онъ не сознаетъ ея.Конечно,фактически ощущеніе боли имѣется, но находится лишь въ безсознательной сферѣ.Что же мы понимаемъ подъ безсознательной сферой?Относится ли она къ сознанію или к чему-нибудь другому,что не есть сознаніе?Если я ставлю такъ вопросъ,для всѣхъ дѣлается ясно,что здѣсь возникаетъ проблема.Я знаю языкъ,которымъ не пользуюсь сейчасъ, гдѣ находится это знаніе?-Если въ сознаніи, и разъ оно не сознается,то какое же это сознаніе? Но въ такомъ опредѣленіи заключается,какъ вы видите, contradictio in adjecto. Можетъ быть это знаніе находится внѣ сознанія,можетъ быть въ мозгу,какъ что-нибудь физіологическое? Если сказать, что оно находится въ мозгу,есть нѣчто физіологическое,то совершенно непонятно, какъ изъ него рождается въ ту минуту,когда я этого хочу,нѣчто психическое.

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы вы поняли сущ-

ность проблемы. Мы должны отвѣтить на вопросъ-что такое "безсознательное"; есть ли оно нѣчто психическое или физіологическое? Если физіологическое, то оно въ сферу психическаго не входитъ; если же психическое, то въ такомъ случаѣ пришлось бы признать, что это психическое не сознается, т.е. должны признать, что есть сознаніе, которое не сознается. Въ такомъ опредѣленіи заключалось бы опять-таки contradictio in adjecto.

Я сначала изложу вамъ рѣшеніе этой проблемы, предложенное эволюціонной школой психологіи. Согласно теоріи эволюціи все сложное состоитъ изъ простого, оно складывается всегда изъ элементарныхъ частей, атомовъ, которые дальше уже не разложимы. Наше сознаніе, акты, процессы сознанія, наши ощущенія, наши представленія есть нѣчто сложное. Ощущеніе не является сразу въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, оно есть нѣчто сложное, состоитъ изъ своихъ атомовъ, элементарныхъ частицъ. Все психическое, все сознательное складывается изъ элементарныхъ частицъ, психическихъ атомовъ. Итакъ наша душа, наше сознаніе складывается изъ атомовъ. Это ученіе называется психическимъ атомизмомъ.

Возьмемъ любое ощущеніе - напримѣръ, звуковое ощущеніе. Кажется, что это нѣчто совсѣмъ простое, но оно a priori съ точки зрѣнія эволюціонной простымъ признано быть не можетъ. Хотя ощущеніе звука, цвѣта можетъ казаться намъ простымъ, но въ дѣйствительности, говорятъ сторонники эволюціонной теоріи,

оно сложено изъ элементарныхъ частицъ.

Разложеніе ощущеній на элементарныя части было предложено одновременно двумя психологами :-Гербертомъ Спенсеромъ и французскимъ философомъ Тэномъ. Они пришли независимо другъ отъ друга къ заключенію, что всякое ощущеніе, кажущееся простымъ,можетъ быть въ дѣйствительности сложнымъ. Свои заключенія они строили, основываясь на такомъ,напримѣръ,явленіи. Если взять колесо,снабженное зубцами,такъ называемое,колесо Совара, затѣмъ взять картонную пластинку и начать вращать колесо, зубцы котораго будутъ ударяться о пластинку,то въ каждый моментъ прикосновенія будетъ слышенъ стукъ. Если количество стуковъ не будетъ превышать 20-30 въ секунду, стуки будутъ казаться вполнѣ раздѣльными; если ихъ будетъ больше,отдѣльные стуки перестанутъ быть слышными, вмѣсто нихъ вы услышите одинъ музыкальный тонъ,ясный, раздѣльный, отчетливый. Откуда онъ получается? Сначала слышались отдѣльные стуки,затѣмъ они сливаются и даютъ цѣлый музыкальный тонъ, который представляетъ нѣчто сложное, составное. Любой музыкальный тонъ представляетъ нѣчто сложное, состоящееизъ отдѣльныхъ частей.Самое главное,что представляетъ для насъ теоретическій интересъ, что то, что стуки, сливаясь, даютъ одинъ тон. Итакъ, если мы возьмемъ звуковое ощущеніе,оно оказывается сложнымъ изъ элементовъ,которые мы назовемъ черезъ а. Можно пойти дальше и взять,напримѣръ, какое-нибудь цвѣтовое ощущеніе - ощущеніе краснаго,зеленаго цвѣта и т.д.-и предполо-

жить, что цвѣтовое ощущенiе тоже складывается изъ элементовъ, которые мы назвали черезъ α. Если возьмемъ обонятельное ощущенiе, вкусовое, каждое состоитъ изъ своихъ элементовъ :- вкусовое обозначимъ черезъ X_1, обонятельное черезъ X_2, которые совершенно однородны. Можно пойти дальше: мы можемъ сдѣлать предположенiе, что элементы α, X_1 X_2 X_3 изъ которыхъ складываются ощущенiя, эти послѣднiя единицы совершенно одинаковы, тождественны.

Конечно, мы не знаемъ, не ощущаемъ этихъ послѣднихъ элементовъ, не воспринимаемъ ихъ. И Спенсеръ, и Тэнъ разсуждаютъ въ данномъ случаѣ такъ: какой-нибудь звукъ, происходящiй въ $\frac{1}{2000}$ секунды, мы слышать не можемъ, это есть безсознательное ощущенiе, но если наберется 2000 такихъ ощущенiй, мы услышимъ звукъ. Итакъ, отдѣльные элементы не воспринимаются, но если ихъ оказывается множество мы получаемъ ощущенiе. Все сознательное складывается изъ элементовъ, которые сами по себѣ, въ отдѣльности не сознаются. Кто знакомъ съ системой Лейбница, тому ясно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ нѣчто близкое тому, что признавалъ и Лейбницъ, его petites perceptions. Онъ приводитъ такой примѣръ: Положимъ, я стою на берегу моря и слышу шумъ морскихъ волнъ. Я знаю, что этотъ шумъ порождается тысячами отдѣльныхъ звуковъ, происходящихъ отъ движенiя камней, отъ движенiя отдѣльныхъ частей воды. Однако я не слышу этихъ отдѣльныхъ шумовъ, а слышу одно цѣлое. Если бы вы потребовали отъ меня чтобы я слышалъ каждую единицу, изъ которыхъ складыва-

ется вся сумма, я не могъ бы этого сдѣлать. Получается вещь чрезвычайно парадоксальная: отдѣльныхъ элементовъ я не слышу, а взятые всѣ вмѣстѣ слышу; извѣстное цѣлое я воспринимаю, а отдѣльныхъ элементовъ не воспринимаю. Само собой разумѣется, что я не могу слышать суммы, если не слышу отдѣльныхъ элементовъ. Я не могу слышать суммы 10.000 звуковъ, если не слышу отдѣльныхъ звуковъ. Въ этомъ смыслѣ сознаніе складывается изъ элементовъ несознательныхъ, безсознательныхъ. Такова теорія Лейбница, развитая въ послѣдующее время Тэномъ, Гербертомъ Спенсеромъ и ихъ послѣдователями. Какъ отнестись къ ней? Правы ли Лейбницъ, Спенсеръ и Тэнъ, утверждая, что наши ощущенія, наши сознаваемыя, складываются изъ элементовъ несознаваемыхъ? По моему мнѣнію они не правы, потому что так разсуждать, какъ они разсуждаютъ нельзя. Въ разсужденіи Г. Спенсера есть ошибка, которую въ настоящее время вставляютъ въ логику, это - fallacia a sensu diviso ad sensum compositum. Я могу привести примѣръ. Если я беру вѣсы и гирю, положимъ, въ 1 фунтъ, привожу въ движеніе чашку вѣсовъ, я говорю, что фунтъ привелъ вѣсы въ движеніе. Фунтъ состоитъ изъ золотниковъ, отдѣльный золотникъ не приводитъ въ движеніе чашку, надо, чтобы ихъ было много. То, что не можетъ сдѣлать одна часть, дѣлаетъ цѣлое; то, что справедливо относительно цѣлаго, можетъ быть несправедливо относительно частей. Если я слышу шумъ моря, то это не значитъ, что онъ порождается дѣйствіемъ отдѣльныхъ шумовъ, входящихъ въ составъ цѣлаго.

Если перейти на физіологическую почву,то здѣсь можно объяснить явленіе совершенно точно.Отдѣльныя гипотетическія возбужденія въ нервной системѣ кумулируются, складываются,и до тѣхъ поръ пока возбужденіе въ нервахъ не дойдетъ до извѣстной степени,мы не получаемъ ощущенія,когда возбужденіе дойдетъ до извѣстнаго предѣла,мы получимъ ощущеніе.Кумуляція, складыванія происходитъ не въ сознаніи, а въ нервной системѣ,Это единственное разрѣшеніе проблемы,поставленной Г.Спенсеромъ и Тэномъ.

Могу пояснить это съ помощью другого примѣра.Положимъ,у насъ имѣется 3 цвѣта:-фіолетовый,красный и зеленый и мы ихъ смѣшиваемъ;изъ этихъ цвѣтовъ долженъ получиться одинъ цвѣтъ, въ составъ котораго должны входить какъ его части и фіолетовый,красный и зеленый.Если наложить эти цвѣта на вертушку и быстро вращать ее,то у насъ получается совершенно явственно сѣрый цвѣтъ.Съ точки зрѣнія Спенсера и Тэна мы должны признать, что сѣрый цвѣт состоитъ изъ краснаго,фіолетоваго и зеленаго.Но ни при какомъ усиліи мысли нѣтъ возможности найти ничего подобнаго. Я бы сказалъ,что сѣрый цвѣтъ физіологически получается изъ трехъ цвѣтовъ,но психологически нѣтъ ни, того,ни другого,ни третьяго,есть одинъ сѣрый цвѣтъ,какъ единое цѣлое цвѣтовое ощущеніе.Если въ данномъ случаѣ что-нибудь, гдѣ-нибудь и смѣшивается, то только въ нашемъ зрительномъ аппаратѣ, въ нашей нервной системѣ,и какъ могутъ смѣшиваться различныя волны, но въ результатѣ ихъ смѣшенія получает-

ся одно ощущеніе, представляющее неразложимое цѣлое.

На вопросъ о психическихъ атомахъ, мы должны отвѣтить слѣдующее: предположеніе, что ощущенія, представленія, которыя есть для насъ нѣчто цѣлое, складываются изъ элементовъ, имѣющихъ психическій характеръ, это предположеніе мы признать не можемъ. Мы должны признать, что наши ощущенія представляютъ нѣчто простое, неразложимое, хотя бы это признаніе и ставило насъ въ затруднительное положеніе; но тѣхъ petites perceptions, тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ будто бы складываются ощущенія, мы признать не можемъ. Отрицая эволюціонную теорію, я не отрицаю наличности безсознательнаго. Безсознательное, по моему мнѣнію, существуетъ и имѣетъ психическій характеръ. Разсмотрим съ точки зрѣнія научной терминологіи, что мы называемъ безсознательнымъ. Въ нашей душевной жизни на долю сознательных фактовъ приходится меньше мѣста, чѣмъ на долю безсознательныхъ. Безсознательнаго, т.е. того, что нами не сознается въ данный моментъ больше, чѣмъ сознательнаго. Въ каждый данный моментъ у насъ въ душѣ сознается только маленькая часть въ силу явленія, которое называется узостью сознанія или узостью вниманія. Въ каждый данный моментъ я могу воспринимать, мыслить только немногое. И это немногое, , что я могу мыслить ясно, отчетливо, называется сознательнымъ. Я смотрю , напримѣръ, на картину и вижу отчетливо лишь одну ея часть, все остальное, всѣ фигуры я вижу, но не отчетливо, оно мной не сознается. Въ тотъ моментъ, когда я говорю вамъ, я слышу шум

изъ сосѣдняго помѣщенія,но неясно;я ясно слышу свой голосъ, вижу присутствующихъ, а тѣ звуки,на которые мое вниманіе не направлено,я слышу неотчетливо.Это неясно воспринимаемое,благодаря тому,что вниманіе мое направлено на другое.Это и будетъ безсознательнымъ процессомъ.Я сейчасъ излагаю вамъ то, что я думаю объ извѣстномъ психологическомъ вопросѣ.На чемъ сосредоточено мое вниманіе?Главнымъ образомъ,конечно,на извѣстныхъ мысляхъ,фразахъ,которыя я произношу.Но можно ли сказать,что въ моемъ сознаніи есть только тѣ мысли и процессы, которые я сознаю въ настоящее время? Конечно,нѣтъ.Хотя въ настоящую минуту мое сознаніе,мое вниманіе останавливается на опредѣленныхъ мысляхъ,обнимаетъ лишь немногое,но у меня въ сознаніи есть нѣчто гораздо большее;если бы его не было,я не могъ бы ничего разсказать вамъ - у меня есть извѣстная цѣль,которую я долженъ буду резюмировать въ концѣ лекціи. Если бы у меня не было сознанія этой цѣли,въ моей рѣчи не было бы никакой связи.Моя цѣль остается въ моемъ сознаніи, хотя бы и не сознавалась ясно.

Если это не вполнѣ убѣдительно для васъ,обратите вниманіе на другое явленіе.Художникъ рисуетъ картину,какой-нибудь пейзажъ;онъ изображаетъ хижину и долженъ окрасить ее въ извѣстный цвѣтъ.Въ тотъ моментъ,когда он подбираетъ цвѣта,его вниманіе сосредоточено- на хижинѣ, но въ своемъ сознаніи онъ имѣетъ,конечно и представленіе о всей картинѣ,потому что иначе у него не получилось бы никакой картины.Когда онъ об-

ращаетъ свое вниманіе на одну часть,у него въ сознаніи есть и представленіе всей картины.Всякій можетъ провѣрить это на себѣ:возьмите большую картину;когда вы стоите передъ ней,вашъ глазъ можетъ обнять ясно лишь одну часть картины,но если бы вы дѣйствительно соз ерцали только одну часть,цѣлая картина отъ васъ ускользала бы.Въ дѣйствительности вы воспринимаете больше,нежели одну часть.

Я думаю,вы согласитесь теперь,что воспринимая явленіе,мы, какъ намъ кажется,обращаемъ вниманіе лишь на одну часть,но фактически оперируемъ духовно съ очень многимъ.Повторю еще примѣръ относительно нашихъ знаній,напримѣръ,знаніе древнихъ языковъ,находящихся въ насъ,такъ сказать,въ скрытомъ видѣ.

Я давно не имѣлъ дѣла съ ними,но мои знанія обнаружатся точасъ же,какъ только я захочу.Гдѣ же хранятся они? Если предположить,что эти знанія складываются въ мозгу,что будетъ очень простое объясненіе,но для психолога оно безусловно не пріемлемо.Итакъ гдѣ же находится это знаніе ?

Въ томъ или другомъ психическомъ процессѣ мы рѣшаемъ,дѣйствуемъ на основаніи извѣстныхъ предрасположеній.Положимъ, что я - корыстный человѣкъ.Пусть мнѣ предстоитъ принять рѣшеніе относительно какого-нибудь факта;я тотчасъ дѣлаю это, не замѣчая совершенно,что въ моемъ рѣшеніи дѣйствуютъ какіе-то корыстные мотивы.И я поступаю тамъ,какъ долженъ бы поступить корыстный человѣкъ.Въ данномъ случаѣ сказывается вліяніе склонностей, предрасположеній,которыхъ я совершен-

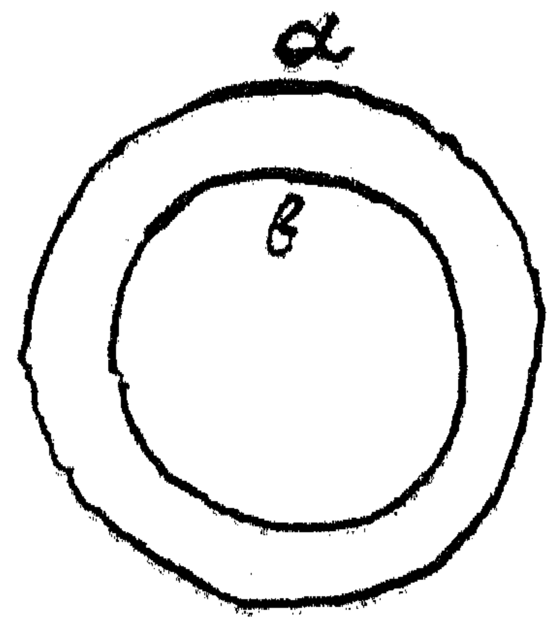
но не замѣчаю. Корыстные люди часто стараются замаскировать эти предрасположенія, но послѣднія помимо ихъ воли тотчасъ же обнаружатся въ ихъ рѣшеніяхъ, дѣйствіяхъ. Итакъ, безспорно есть явленія, которыя мы сознаемъ ясно и отчетливо, и явленія, которыя мы сознаемъ неясно и неотчетливо, наконецъ, явленія, которыя мы совсѣмъ не сознаемъ. На вопросъ - что такое эти явленія, которыя мы не сознаемъ (это я особенно подчеркиваю), можетъ быть дано два объясненія. Одно объясненіе - физіологическое - сводится къ слѣдующему. Сторонники его разсуждают такъ: пока мы сознаемъ ясно, это есть процессъ психическій, актъ сознанія; когда же онъ ускользаетъ изъ сферы сознанія, то процессъ перестаетъ быть психическимъ, дѣлается достояніемъ нервной системы, въ которой происходятъ какія-то измѣненія, перемѣны въ положеніи частей. Въ такомъ дремлющемъ физіологическомъ состояніи мы имѣемъ нѣчто въ мозгу, что называемъ извѣстными слѣдами. Послѣ извѣстнаго психическаго переживанія въ мозгу остается извѣстный физіологическій слѣдъ. Пока онъ остается какъ слѣд мы его не сознаемъ, но если что-нибудь окажетъ дѣйствіе на нервную систему, такъ что слѣдъ начнетъ функціонировать, у насъ является представленія. Сознательное въ извѣстный моментъ дѣлается безсознательнымъ, физіологическимъ. Какъ только это физіологическое предрасположеніе, слѣдъ начнетъ дѣйствовать, слѣдъ перестаетъ быть слѣдомъ, дѣлается представленіем. Для физіолога встаетъ такая дилемма: пока есть представленія совершенно созатель-

ныя, мы имѣемъ дѣло съ процессами психическими, но какъ только они дѣлаются безсознательными, они перестаютъ быть процессами психическими, дѣлаются физіологическими, переходятъ въ область мозговой дѣятельности. То, что называется безсознательнымъ, есть слѣдовательно физіологическое, а не психическое. Какъ отнестись къ такому рѣшенію? Я разберу возможность такого рѣшенія, а пока замѣтьте, въ какое положеніе ставятъ насъ физіологи: если признать, что сознательное дѣлается физіологическимъ, изъ физіологическаго получается сознательное, мы сталкиваемся съ тѣми трудностями, съ которыми постоянно приходится имѣть дѣло при вопросѣ о взаимодѣйствіи психическаго и физическаго. Возможенъ этотъ переходъ одного въ другое или нѣтъ? Ни съ какой философской точки зрѣнія это рѣшеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ противорѣчитъ основному закону - закону сохраненія энергіи.

Итакъ, можно ли согласиться съ физіологами, что безсознательнымъ процессамъ присущъ характеръ физіологическій. Я думаю, что съ точки зрѣнія общепринятыхъ философскихъ ученій, является ли это психо-физическій монизмъ, параллелизмъ, спиритуализмъ, всякій согласится, что нельзя считать нервное возбужденіе процессомъ сознательности. Если мы стоимъ на точки зрѣнія психофизическаго параллелизма, мы должны признать, что физическое порождается только физическимъ, психическое - психическимъ. Если принять ту точку зрѣнія, гдѣ психическое сознательное, дѣлаясь безсознательнымъ, переходитъ въ физіо-

логическое, мы должны признать, что физіологическое переходитъ въ психическое, изъ физіологическаго рождается психическое. Это противорѣчитъ философскимъ теоріямъ, и физіологическое толкованіе принято быть не можетъ.

Сдѣлаемъ попытку, посмотрѣть на вопросъ съ другой точки зрѣнія, сдѣлаемъ попытку признать, что безсознательные процессы



есть процессы психическіе. Въ сознаніи могутъ быть различныя степени ясности. На самомъ дѣлѣ: беру кругъ а, изображаю въ немъ другой кругъ в и въ немъ точку. Направляю свое вниманіе на эту точку: я воспринимаю ее совершенно ясно, съ меньшей ясностью воспринимаю первый кругъ в, съ еще меньшей ясностью второй кругъ а, но хотя степень ясности уменьшается, въ сознаніи они есть всѣ. Какъ быть съ тѣми явленіями, о которыхъ я говорилъ - какъ быть со знаніями, которыя совершенно не сознаются" Предположимъ, что имъ присуща тоже сознательность, но въ пониженной степени; предположимъ, что процессы тоже сознательные, но сознательность понижена въ такой степени, какъ только это можно представить. Если мы примемъ, что есть психическіе процессы съ пониженной степенью сознательности, относительно безсознательнаго мы можемъ сказать, что оно есть психическое явленіе съ пониженной сознательностью.

Изъ этихъ двухъ теорій, изъ которыхъ одна объясняетъ безсознательное съ точки зрѣнія физіологической, а другая -пси-

хической, я становлюсь на сторону послѣдней, но вношу въ нее одну поправку. Мнѣ кажется, что понятіе "психическій" и понятіе "сознательный" другъ друга не покрываютъ. По общепринятому взгляду "понятіе "психическій" и понятіе "сознательный" суть понятія равнозначныя. Я не согласенъ съ этимъ, не согласенъ, что такое равенство можетъ быть: понятіе "психическій" болѣе широкое, чѣмъ понятіе "сознательный". Могутъ быть психическія состоянія сознательныя и несознательныя.

Существованіе безсознательныхъ психическихъ состояній доказывается общими соображеніями. Вообще психическая жизнь была бы необъяснима, если бы не допускать существованія безсознательныхъ психическихъ состояніи. Если бы ихъ не было, тогда была бы нарушена непрерывность психической жизни. Въ мірѣ физическомъ всѣ процессы имѣютъ характеръ непрерывный: нѣтъ момента, когда мы могли бы сказать, что извѣстное явленіе возникло безъ причины. И въ мірѣ психическомъ существуетъ полная непрерывность, потому что и здѣсь имѣетъ силу законъ причины и дѣйствія: всякое дѣйствіе порождается соотвѣтствующей причиной. Если вы скажете, что причина можетъ имѣть не психическій характеръ, вы впадете въ ошибку, окажется, что было психическое - становится физическимъ, а изъ него снова возникаетъ психическое. Психическое объясняется только изъ психическаго - это есть основной постулатъ. Наша сознательная психическая жизнь прерывается безсознательными состояніями. Чтобы объяснить непрерывность психической жизни, мы должны допустить наличность

безсознательныхъ,но психическихъ, а не физiологическихъ эмементовъ. Моя душевная жизнь прерывается такими состоянiями, какъ сонъ,отвлеченiе вниманiя въ другую сторону,но мы знаемъ, что моя психическая жизнь непрерывна,это то же самая жизнь, которая была вчера и т.д.Жизнь остается цѣлой,непрерывной,хотя безсознательныя состоянiя и прерываютъ ее.Вотъ общiя основанiя.Чтобы объяснить цѣльность психической жизни,психическими должны быть и элементы безсознательные.

Я приведу одинъ примѣръ,показывающiй,что безсознательные психическiе элементы должны быть признаны,чтобы мы могли объяснить непрерывность душевной жизни, вообще душевныхъ процессовъ.Положимъ,у меня есть кусокъ металла и какая-нибудь жидкость.Если бы я захотѣлъ бросить металлъ въ жидкость,я могу предусмотрѣть,что произойдетъ съ нимъ - онъ потонетъ.Анализируйте этотъ процессъ,укажите изъ какихъ элементовъ онъ состоитъ.Будемъ разсуждать при помощи силлогизма:всѣ тяжелыя тѣла погружаются въ жидкость,металлъ - тяжелое тѣло,онъ погрузится.Всѣ аргументы для рѣшенiя,что металлъ въ данный моментъ погрузится въ жидкость,имѣются на лицо или ихъ нѣтъ? Никакого разговора относительно наличности элементовъ безсознательныхъ не можетъ быть.Возьмемъ болѣе сложный примѣръ;я могу привести его отвлеченно.Положимъ,кто-нибудь изъ присутствующихъ здѣсь прервалъ бы меня и предложилъ бы мнѣ какой-нибудь вопросъ изъ моральной или политической жизни,но очень сложный,запутанный.Черезъ секунду колебанiя я далъ бы от-

вѣтъ -да или нѣтъ.Я спрашиваю, что при рѣшеніи такого сложнаго вопроса всѣ посылки были на лицо или ихъ не было?По большей части,ихъ не бываетъ,но я съ такой же увѣренностью могу отвѣтить,какъ если бы онѣ всѣ были,иначе отвѣтить я не могу. Что предворяетъ мое рѣшеніе? Разъ сознательныхъ посылокъ нѣт, то можетъ быть рядъ посылокъ,которыхъ нѣтъ въ сознаніи.Слѣдовательно,наряду съ сознательными существуютъ другіе факторы-предрасположенія;склонности,чувства.Есть вопросы,относительно которыхъ иначе,чѣмъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ я мыслить и чувствовать не могу.Вопросъ - почему я далъ такой,а не иной отвѣтъ - есть сложный психическій вопросъ.Естественная склонность, предрасположенія, все мое прошлое,мое міровоззрѣніе, все это опредѣляетъ данный выводъ,когда посылки остаются неразгаданными,когда я не могу раскрыть ихъ.Что такъ дѣло обстоитъ всегда,съ этимъ,конечно,всѣ согласятся.Постоянно наши прошлыя состоянія опредѣляютъ настоящія,но они нами совершенно не сознаются,не находятся въ нашемъ сознаніи.Какъ же ихъ надо назвать"Мы говоримъ о психической связи,мы должны признать психическими элементами,и эти безсознательныя представленія.Я нарочно называю ихъ представленіями,чтобы вы не подумали,что рѣчь идетъ о чемъ-нибудь непсихическомъ.Это представленіе,которое оказываетъ дѣйствіе на насъ,но не сознается нами,я отличаю отъ сознательнаго представленія не по природѣ,а лишь по ясности.Но фактъ тотъ,что такія состоянія всегда дѣйствуютъ въ нашей душевной жизни, и собственно пси-

хологія, какъ таковая, не можетъ быть опредѣлена безъ понятія "безсознательнаго". Всякій процессъ опредѣляется другимъ процессомъ, котораго не имѣется в данную минуту въ сознаніи. Безсознательное играетъ большую роль въ психической жизни.

Нѣкоторые боятся употреблять слово "безсознательное", потому что безсознательное сознаніе вызываетъ contradictio in adjecto и говорятъ, лучше безсознательное будемъ называть незамѣтнымъ, незамѣчаемымъ. Этотъ терминъ могъ бы быть принятъ, такъ какъ онъ ничего не измѣняетъ въ положеніи вещей: незамѣтное - незамѣчаемое сознаніемъ "безсознательное, разницы не получается никакой. Только отъ одного я остерегаю: эти процессы физіологическаго характера не имѣютъ, это процессы не физіологическіе, а психическіе. Кто-нибудь-конечно, можетъ поставить вопросъ: а какъ этим безсознательнымъ процессамъ что-нибудь физіологическое соотвѣтствуетъ или же нѣтъ? Конечно, что-нибудь соотвѣтствуетъ, я этого не отрицаю, но въ данный моментъ это не представляетъ интереса для меня. Весьма можетъ быть, что им соотвѣтствуютъ процессы физіологическіе такъ же, какъ процессамъ сознательнымъ, но для насъ это интереса не имѣетъ. Чтобы объяснить непрерывность психической жизни, мы можемъ говорить только о психическихъ безсознательныхъ процессахъ, а не физіологическихъ.

Я хотѣлъ бы привести нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, поясняющихъ наличность безсознательныхъ процессовъ. При подробномъ изученіи психологіи приходится имѣть дѣло съ явленіями, передъ которыми останавливаются въ недоумѣніи, если не

признаете психических безсознательных процессов.

Изъ чего складывается мускульное ощущеніе? Поднимаю какую-нибудь вещь и говорю, что она тяжелая или легкая. Изъ чего складывается это ощущеніе тяжести? Ощущеніе тяжести есть комплексъ, складывающійся изъ ощущеній нарпяженія мышцъ, - а) ощущенія тренія сочленовыхъ поверхностей, - β), ощущеній напряженія сухожилій, - γ)., наконецъ, кожа, сгибаясь даетъ ощущеніе - δ). Всѣ они составляютъ комплексъ, но когда вы берете какое-нибудь тѣло и поднимаете его, имѣете ли вы представленіе объ этихъ ощущеніяхъ? Всѣ они сливаются въ одно ощущеніе, даютъ одно ощущеніе а . Всѣ элементы мускульнаго ощущенія есть, но до нашего сознанія они не доходятъ. Это доказываетъ то, что отдѣльныя ощущенія, сливаясь даютъ одно цѣлое. Эти элементы являются элементами психическими, сливающимися въ одно цѣлое настолько, что они не могутъ быть отличены другъ отъ друга.

Еще одинъ примѣръ. Возьмемъ три цилиндра различной величины, попробуемъ опредѣлить, который изъ нихъ тяжелѣе. Здѣсь имѣется иллюзія, передъ которой приходится отступать въ тотъ моментъ, когда приходится оцѣнять: всѣ они равны, но кажутся различной тяжести. Фактъ всегда одинаковъ, даже если вы знаете о существованіи иллюзіи. Объясните, отчего это происходитъ? Если эти три вещи положить въ три платка, чтобы не видѣть ихъ, оцѣнка будетъ одинакова: иллюзія исчезаетъ, когда маскируется величина. Объясненіе факта таково: когда мы собираемся поднять вещь, нашъ волевой

импульсъ сообразуется съ тѣмъ,насколько вещь кажется тяжелой. Если вещь тяжелая, я употребляю одно усиліе, если легкая - то меньшее усиліе. То же самое мы замѣчаемъ въ обиходной жизни: я хочу поднять корзину, которую считаю тяжелой, употребляю соотвѣтствующее усиліе и корзина, оказавшаяся пустой и легкой, спѣшно подлетаетъ зверхъ. Все зависитъ отъ импульса, который я употребляю. Когда я вижу большую вещь, я предполагаю, что она тяжелая, и употребляю болѣе сильный импульсъ, чѣмъ для другой, меньшаго размѣра, а такъ какъ они одинаковы по тяжести, то первая и кажется легче второй. Ошибка заключается въ томъ, что я употребляю не тотъ импульсъ, который слѣдуетъ, вещь подлетаетъ и дает представленіе легкой вещи. Вѣрно это объясненіе или нѣтъ, я, въ данный моментъ, не стану разсматривать; важно то, что хотя вы знаете объ иллюзіи, все же это обстоятельство не устраняетъ иллюзіи. Чѣмъ это объясняется? Здѣсь приходится указать на элементы прошлаго опыта, которые дѣйствуютъ въ сознаніи, но о ихъ существованіи вы нечего не знаете. Это примѣръ того, что въ нашемъ сознаніи есть элементы, которые могутъ оказывать воздѣйствіе на нашу оцѣнку, но которыхъ мы не сознаемъ. Можетъ быть данное объясненіе неправильно, но для насъ важно, что здѣсь воплощается результатъ долгаго опыта въ видѣ элементовъ, которыхъ мы раскрыть не можемъ. Я хотѣлъ пояснить вамъ, что есть въ сознаніи такія моменты, которые имѣютъ дѣйственное значеніе въ то время, какъ сами остаются

безсознательными, несознательными для насъ.

Есть болѣе простой примѣръ. Мы имѣемъ два звука одинаковой высоты, но разныхъ обертоновъ. 1-й звукъ a состоитъ изъ обертоновъ a_1, a_2, a_3, a_4 ..... другой тонъ A - изъ обертоновъ a_1, a_2, a_3, a_4 ....., хотя оба тона имѣютъ одинаковую высоту, они кажутся различными отъ того, что ихъ компоненты, ихъ обертоны различны. Попробуйте раскрыть эти обертоны, вы не въ состоянiи сдѣлать это. Они имѣютъ характеръ несознательный. Если счистать тоны отъ обертоновъ, оба были бы тождественны для сознанiя, но въ данномъ случаѣ къ нимъ присоединены различные обертоны, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не сознается, а въ общемъ они даютъ нѣчто, отличающее одинъ тонъ отъ другого. Если бы эти обертоны, которыхъ мы не различаемъ, обратить въ ноль, оба тона были бы равны.

Разница между ними есть, потому что они имѣютъ психическiй характеръ. Нельзя сказать, что это нѣчто, чего нѣтъ въ сознанiи, потому что тогда разницы не существовало бы.

Вотъ еще послѣднiй примѣръ того, какъ элементы безсознательные, дѣйствуютъ на сознанiе въ качествѣ психическихъ элементовъ. Это - экспериментальное изслѣдованiе надъ влiянiемъ такъ называемыхъ задачъ. Испытуемому субъекту дается какое-нибудь представленiе, понятiе и говорятъ: поищите понятiе, координированное съ этимъ понятiемъ. Например: "тон", поищите понятiе, которое было бы координировано съ нимъ, входило бы въ одинъ классъ. Положимъ, другое понятiе будетъ "цвѣтъ" - оба входятъ въ классъ ощущенiй. Экспериментаторъ

задаетъ другую задачу; затѣмъ переходитъ къ слѣдующей и т. д. Когда онъ переходитъ къ четвертой, пятой задачѣ, субъектъ рѣшаетъ правильно, но не можетъ отвѣтить, какая была дана задача: онъ забылъ ее. Это чрезвычайно любопытное явленіе было найдено экспериментальнымъ путемъ. Оказывается, можно находиться подъ вліяніемъ задачи, содержанія которой нѣтъ въ сознаніи. Это доказываетъ, что въ сознаніи могутъ быть элементы, имѣющіе дѣйственный психическій характеръ, но въ то же время нами несознаваемы.

Вотъ данныя, которыя я хотѣлъ привести въ доказательство того, что безсознательные элементы-элементы психическіе, безъ которыхъ психологія не въ состояніи объяснить многихъ психическихъ фактовъ, если желаетъ сохранить непрерывность психической жизни.

Если пожелаете ближе посмотрѣть или ознакомиться съ тѣмъ, что это за про цессы, оказывающіе воздѣйствіе, но несознаваемые нами, то здѣсь окажется приложимо то понятіе, которое раньше вызывало столько протестовъ:-это понятіе акта. Итак, у насъ въ сознаніи кромѣ представленій, ощущеній есть еще процессы несознательные, которые можно назвать "акты", входящіе въ классъ психическихъ явленій. Принципіально важно то, что они имѣютъ дѣйственный характеръ. Если говорятъ, что у человѣка есть предрасположенія мыслить, чувствовать, рѣшать извѣстнымъ образомъ, то эти предрасположенія есть тѣ основы, изъ кототыхъ возникаютъ различныя состоянія, называемыя безсознательными, это акты, оказывающіе воздѣйствіе,

остаются несознательными. Если принять это, придется по необходимости принять и то, что эти предрасположенія порождаются особой основой, и эта основа есть не что иное, какъ душа.

ВЫЯСНЕНІЕ ПОНЯТІЯ "СУБЪЕКТА"

Лекція 7-ая.

Сегодня я предполагаю говорить о понятіи нашего "я", о понятіи субъекта; другими словами, это есть вопросъ о душѣ, о природѣ души. Вѣроятно, многіе изъ присутствующихъ будутъ въ недоумѣніи: я говорилъ уже объ этомъ вопросѣ въ своемъ курсѣ введенія въ философію. Но я умышленно разсматриваю этотъ вопросъ и въ курсѣ психологіи, потому что съ моей точки зрѣнія вопросъ о томъ, что такое душа, что такое субъектъ, есть ли это субстанція или нѣтъ, - этотъ вопросъ имѣетъ не метафизическій, а чисто эмпирическій характеръ и долженъ быть разсмотрѣнъ въ психологіи. Я говорю это съ той цѣлью, чтобы вы не подумали, что въ курсѣ психологіи, говоря объ эмпирическихъ изслѣдованіяхъ, я касаюсь вопроса метафизическаго.

Моя точка зрѣнія извѣстна изъ курса введенія въ философію: я признаю существованіе духовной субстанціи. Теперь я хочу разсмотрѣть вопросъ съ эмпирической точки зрѣнія: существуютъ ли какія нибудь эмпирическія основанія для признанія субстанціональнаго существованія души, или же ихъ не имѣется?

Я изложу сначала взгляды нѣкоторыхъ современныхъ психологовъ, которые думаютъ, что для признанія существованія особой духовной субстанціи нѣтъ никакихъ основаній.

История вопроса вамъ хорошо извѣстна. Первымъ разрушителемъ понятія субстанція является Юмъ, основатель психологіи, которую я называю сенсуалистической. Я употребляю это понятіе "сенсуалистическій" не въ гносеологическомъ, а въ психологическомъ смыслѣ. Если психологъ думаетъ, что психическимъ мы можемъ назвать только то, что можетъ быть предметомъ непосредственнаго воспріятія - чувства, ощущенія, представленія и т.д., если психологъ говоритъ, что кромѣ этого ничего нѣтъ, онъ является сенсуалистомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Юмъ, когда рѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое наше "я". Вопросъ мог бы быть рѣшенъ, если бы для понятія "я" можно было найти соотвѣтствующее впечатлѣніе, по нашей терминологіи - представленіе, ощущеніе. Если я вглядываюсь внутрь себя самого, я наталкиваюсь на рядъ частныхъ представленій - представленіе холода, представленіе цвѣта и т.п., но я не нахожу ничего такого, что можно бы назвать представленіемъ нашего "я"; въ сознаніи нѣтъ ничего соотвѣтствующаго понятію "я". Какъ же быть? Вѣдь мы постоянно употребляемъ слова - "я", "личность"; какъ быть съ этими понятіями? Юмъ отвѣчаетъ на это, что наше "я", не есть что-либо большее, нежели простая совокупность представленій; или, если употребить его терминъ, "пучокъ представленій". Это можно изобразить такимъ образомъ: если я беру отдѣльныя представленія а + в + с + д + и т.д., то они соеди-

няются въ пучкѣ отдѣльныхъ элементовъ, и въ результатѣ получается душа. Если бы я искалъ что либо другое, кромѣ этой суммы представленій, это было бы ошибкой съ моей стороны. Позднѣе и въ англійской, и въ нѣмецкой психологіи возникаетъ мысль, что при помощи ассоціированія отдѣльныхъ представленій мы получаемъ то, что называется душой, нашимъ "я". Таково было мнѣніе Юма и его послѣдователей.

Къ этому мнѣнію присоединяются взгляды Канта, который утверждаетъ, что душа ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названа субстанціей. Если кто называетъ душу субстанціей, онъ впадаетъ въ логическую ошибку; смѣшиваетъ логическій терминъ съ реальнымъ.

Авторитетъ Юма, съ одной стороны, и авторитетъ Канта, съ другой, произвели то, что въ 19 в. въ европейской психологіи водворилась мысль, что о субъектѣ, какъ о чемъ - то, что находится внѣ отдѣльныхъ представленій, что испытываетъ душевныя состоянія, рѣчи быть не можетъ. Я не буду подробно изслѣдовать этотъ вопросъ, я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на отрицательные взгляды по этому вопросу, связанные съ выдающимися именами, чтобы съ своей стороны критиковать не отвлеченныя, а конкретныя теоріи.

Изъ современныхъ психологовъ укажу на Авенаріуса. На вопросъ, существуетъ душа или не существуетъ, существуетъ духовная субстанція или же нѣтъ - Авенаріусъ отвѣчаетъ отрицательно. Чрезвычайно существеннымъ является вопросъ о тѣхъ основаніяхъ, опираясь на которыя, онъ отрицаетъ существованіе

души, не только какъ особой субстанціи, но и просто, какъ души.

Задачей всякой науки вообще и психологіи въ частности онъ считаетъ чистое описаніе; по его мнѣнію, надо описывать все такъ, какъ оно существует въ дѣйствительности, ничего не привнося отъ себя въ это описаніе. Поэтому онъ ставитъ себѣ цѣлью выбросить изъ познанія тѣ понятія, которыя въ непосредственномъ опытѣ не даны. Къ числу такихъ понятій относится противоположеніе - субъектъ и объектъ. Въ популярной терминологіи мы говоримъ: есть субъектъ, наше "я", нашъ познающій умъ и т.д.; кромѣ "я" есть еще объектъ -вещи, которыя оказываютъ извѣстное дѣйствіе на эту духовную сущность, въ результатѣ чего является познаніе. Такого рода противоположеніе съ точки зрѣнія Авенаріуса невозможно. Такое противвоположеніе есть результатъ философскихъ теорій. Чтобы очистить науку отъ того, что есть въ ней лишняго, онъ требуетъ примѣненія метода чистаго описанія и самъ пользуется имъ слѣдующимъ образомъ. Онъ беретъ первобытное человѣческое познаніе, т.е. такое, когда дѣйствія философскихъ теорій, привнесшихъ величайшія разногласія и предубѣжденія, быть еще не могло, и спрашиваетъ, каково было представленіе о мірѣ въ тотъ моментъ, когда сознаніе не находилось подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было философскихъ теорій. Онъ утверждаетъ, что если прослѣдить за этимъ моментомъ, то мы найдем, что тогда существовало только "я" и "окружающее", "я" и "среда", - больше ничего не было. Но вѣдь если ли говорить "я" и

"среда", тоэто похоже нѣсколько на термины субъектъ и объектъ. Однако Авенаріусъ этого не думаетъ. По его мнѣнію, понятіе субъекта есть понятіе философское, понятіе привнесенное, Онъ же хочетъ сказать, что "я" и "среда" въ сущности другъ отъ друга принципіально ничѣмъ не отличаются. Если я скажу; что" "среда" есть извѣстный комплексъ представленій объ окружающемъ меня; если я скажу, что то, что я называю своимъ "я", разлагается на составные элементы, состоитъ изъ подобныхъ же элементовъ, то между "я" и "средой" такихъ принципіальныхъ, коренныхъ различій, какія установливались философами, не оказывается, Это одно и то же, состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ. Надо замѣтить, что нѣкоторое различіе между ними все-таки есть, то оно носитъ характеръ не принципіальный, а случайный. Если я сравнюмое "я" и "дерево" или "сочеловѣка", то между ними нѣтъ принципіальной разницы: дерево состоитъ изъ чувственныхъ качествъ, оно имѣетъ извѣстную форму, цвѣтъ, величину; все это чувственныя качества, которыя можно изобразить схематически черезъ а + в + с + d - и т. д Мое "я", я представляю тоже состоящимъ изъ извѣстныхъ чувственныхъ качествъ + а + в + с - d - и т. д. Нѣкоторое различіе между ними, конечно, есть; если бы булавка или иголка вонзилась въ мой палецъ и въ дерево, то тотъ и другой комплекъ, принципіально оставаясь одинаковыми, отличались бы тѣмъ, что въ тотъ моментъ, когда въ мой палецъ вонзилась иголка, къ моему комплексу прибавилось бы болевое ощущеніе, котораго, по моему мнѣнію, у дерева не существуетъ. У моего комплекса

будетъ нѣкоторая прибавка, прибавиться лишній элементъ, котораго не будетъ у дерева. Итакъ, различія особеннаго, принципіальнаго нѣтъ; присоединяется одинъ лишній элементъ. При такихъ взглядахъ могъ ли сказать Авенаріусъ, что есть особая духовная субстанція, какъ мы говоримъ - душа, которая противополагается вещамъ, или же не могъ? Конечно, нѣтъ. Онъ говоритъ, что "я", и "среда" представляютъ одинаковый комплексъ, который онъ называетъ терминомъ "преднаходимое" или "первоначально находимое" - "das Vorgefundene". По Авенаріусу "я", и "среда" состоятъ изъ одного комплекса, и то и другое однородны и даются одновременно. Что особенно интересно, Авенаріусъ свое "я", тотъ комплексъ, который даетъ "я", и комплекс, называемый "средой", противополагаетъ пространственно. Онъ постоянно говоритъ: "я" и "среда" представляютъ одинаково первоначальныя данныя. Эту постоянную связь "я" и "среда" онъ называетъ "принципіальной координаціей". Первоначально комплексъ "я" и комплексъ "среда" связаны другъ съ другомъ. Но "я" онъ называетъ "центральнымъ членомъ", "среду" - Umgebung "-"окружающее", т.е. мое "я" есть нѣчто пространственное, окруженное чѣмъ то, что можно назвать или "средой", или "окружающимъ" - Umgebung".

Вернусь еще къ тому, какъ Авенаріусъ относится къ признанію существованія души. Авенаріусъ отбрасываетъ противоположенія между субъектомъ и объектомъ. Его точка зрѣнія такова: наше "я" есть комплексъ отдѣльныхъ элементовъ, которому противополагается другой комплексъ "среда" или "окружа-

ющее";вотъ и все,души,какъ особой субстанціи, отличной отъ окружающаго, такой души не существуетъ;нѣтъ никакихъ данныхъ для ея признанія.

Вы увидите сейчасъ этотъ же взглядъ,въ сущности болѣе просто изложенный,и оттого еще болѣе выигрывающій въ ясности.

Перехожу къ Эббингаузу.Это одинъ изъ выдающихся психологовъ Германіи,образованный философски,знакомый съ экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія и самъ многое сдѣлавшій для послѣдняго.Онъ въ своей психологіи заявляетъ, что души, какъ отдѣльной субстанціи,не признаетъ.Разъ такое мнѣніе высказывается въ настоящую минуту выдающимся психологомъ, мы должны считаться съ нимъ.Какъ же онъ разсуждаетъ? Правда, говоритъ онъ, всѣ душевныя состоянія такъ связаны другъ съ другомъ, что представляютъ одно опредѣленное единство,но имѣемъ ли мы право признать это единство признакомъ субстанціи,существующей внѣ отдѣльныхъ душевныхъ явленій. Есть рядъ состояній - а, в, с, d, и субъектъ, который ихъ переживаетъ.Для утвержденія такой субстанціи, существующей непосредственно отдѣльно и независимо отъ представленій,нѣтъ никакихъ основаній.Съ помощью примѣра можно пояснить, что можно обойтить и безъ такой сущности, чтобъ объяснить ту черту нашей душевной жизни, что представленія какъ будто чѣмъ то."носятся".По старому взгляду есть нѣчто носящее-субстанція и то, что ею "носится",-представленія.Можно,правда,признать,говоритъ Эббингаузъ,что въ душевной жизни нѣтчо."носит-

ся" и нѣчто"носитъ",т.е. есть нѣчто,о чемъ можно сказать,что оно носитъ, и есть также другія душевныя состоянія,о которыхъ говорятъ,что ихъ носитъ что-то другое.Но есть ли надобность въ томъ, чтобы этотъ носитель имѣлъ характеръ субстанціи? Нѣтъ.Можно пояснить это съ помощью примѣра.Такъ, растеніе состоитъ изъ корней,ствола,вѣтокъ,листьевъ;всѣ эти элементы соединены въ одно цѣлое.Мы говоримъ, что растеніе состоитъ изъ одного, другого, третьяго, четвертаго и т.д. элементовъ, но на ряду съ этимъ мы говоримъ, что это растеніе носитъ въ себѣ цвѣты,плоды.Теперь я спрашиваю васъ,надо ли признать,что существуетъ какая-нибудь метафизическая сущность,чтобы объяснить понятіе"носить","быть носителемъ", объяснить то, что плоды называются носимыми?Нѣтъ,конечно. Если вещь,которая называется растеніемъ,есть совокупность корней,ствола,вѣтвей и т.д.,то эти элементы,будучи соединены въ одно цѣлое,являются носителемъ плодовъ;въ допущеніи отдѣльной сущности нѣтъ надобности;носящимъ является само растеніе.Замѣтьте,-если эти отдѣльные элементы выбросить, оторвать отъ общей связи,они перестанутъ существовать:оторвите корни,стволъ,листья - и они перестанутъ быть корнями, стволомъ, листьями и т.д.,-настолько существенна эта связь. Я сказалъ бы въ этомъ смыслѣ:дерево есть нѣчто,сложенное изъ отдѣльныхъ элементовъ,но каждый элементъ есть постольку элементъ,поскольку онъ входитъ въ составъ цѣлаго. Если мы скажемъ такъ,ворпосъ о носителѣ упрощается.Дерево является носителемъ цвѣтовъ, плодовъ и т.д.То же самое имѣется

и въ душевной жизни: отдѣльные элементы соединяются въ одно цѣлое;если ихъ оторвать отъ общей связи,они перестанутъ быть духовными элементами,перестанутъ существовать;но если соединить ихъ въ одно цѣлое, въ связное единство, они будутъ носителями другихъ элементовъ,т.е. связь однихъ элементовъ будетъ носителемъ другихъ элементовъ - f, g, h, p, q, и т. д. Если будемъ такъ разсуждать, вопросъ о духовной субстанціи упраздняется, отпадаетъ. Эббингаузъ идетъ еще дальше: онъ находитъ, что обычное представленіе о душѣ,какъ о чемъ-то абсолютно неизмѣнномъ,абсолютно тождественномъ,-неправильно. Наше"я" постоянно,хотя и незамѣтно,измѣняется;измѣненіе можетъ быть такъ сильно,что между нашим "я",въ дѣтствѣ и теперь можетъ не оказаться ничего общаго. Наше "я" настолько измѣняется,что называть его неизмѣняющейся субстанціей,какъ это дѣлали старые философы, не правильно. Если бы мы формулировали взглядъ Эббингауза,мы сказали бы, что носитель   есть совокупность такихъ реальностей,которыя въ другихъ случаяхъ оказываются носимыми, т.е. комплексъ носителей можетъ перейти въ комплексъ носимыхъ. Разъ Эббингаузъ не находитъ возможнымъ признать духовную субстанцію, это единственный возможный выводъ: носимый можетъ быть и носителемъ,т.е. каждый элементъ, принимающій участіе въ группѣ носящихъ,можетъ оказаться въ группѣ носимыхъ. Иначе формулировать нельзя.

Третьимъ психологомъ,взгляды котораго представляютъ большой интересъ,является Іодль,извѣстный авторъ"Исторіи

этики". Іодль приближается,-къ тому взгляду,начало которому положилъ Немъ:"я" есть сумма переживаній, соединенныхъ извѣстнымъ образомъ. Наше "я" развивается,видоизмѣняется, хотя и сохраняетъ полное единство.Если бы спросили,каковы реальныя основы для единства"я",отвѣтъ былъ бы одинъ :реальная основа - физіологическое приспособленіе мозга,особый физіологіоческій аппартъ.Это заявленіе очень интересно: это говоритъ не популярный психологъ, а солидный мыслитель, который находитъ возможнымъ утверждать,что такъ-называемое единство сознанія порождается особымъ физіологическимъ аппаратомъ, особымъ приспособленіемъ.Такое утвержденіе можно было сдѣлать только потому, что онъ не признаетъ существованія отдѣльной духовной субстанціи;онъ долженъ былъ сказать,что есть только совокупность отдѣльныхъ переживаній, больше ничего нѣтъ.Въ такомъ случаѣ,разумѣется,такой фактъ, какъ единство сознанія,долженъ быть созданъ или самими представленіями,или какой-нибудь физіологической основой.Іодль беретъ второе и говоритъ:есть такая физіологическая основа. благодаря которой создается явленіе,называемое единствомъ "я".

Чтобы закончить обзоръ возраженій противъ духовной субстанціи, я долженъ остановиться еще на одномъ ученіи - ученіи Маха. Какъ Махъ отвѣтилъ бы на вопросъ - есть душа или нѣтъ? Онъ несомнѣнно отвѣтилъ бы, что никакой души нѣтъ.Онъ разсуждаетъ такъ же, какъ Авенаріусъ, но еще проще говоритъ, что о душѣ рѣчи быть не можетъ.

въ мірѣ существующее можетъ быть объяснено, какъ складывающееся изъ отдѣльныхъ элементовъ; онъ не говоритъ - изъ ощущеній, потому что у насъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ, а что ощущаетъ ? душа ? - Съ элементами же можно оперировать какъ оперируетъ физикъ, т.е. можно складывать ихъ и, смотря по тому, какимъ образомъ они связываются, получается тотъ или другой комплексъ. Элементы даютъ нѣкоторые комплексы, которые отличаются одни большимъ постоянствомъ, другіе - меньшимъ. Тѣ комплексы, которые отличаются большимъ постоянствомъ, называются тѣлами, напримѣръ, дерево - комплексъ элементовъ твердости, шероховатости, формы, величины, цвѣта и т.д., и ничего болѣе. На ряду съ этими комплексами существуютъ другіе комплексы, которые имѣютъ меньшее постоянство, нѣсколько расплывчаты, представляютъ совокупность элементовъ, смѣняющихъ другъ друга. Этотъ второй комплексъ - то, что называется нашимъ "я". Не слѣдуетъ думать, что "я" есть что-нибудь существующее, помимо этихъ элементовъ: "я" образуется изъ отдѣльныхъ элементовъ, есть ихъ сумма.

Обратите вниманіе, какъ у Маха все необычайно упрощено. Напримѣръ: "я ощущаю зеленый цвѣтъ", - что это значитъ ? Элементъ зеленаго приходитъ, присоединяется къ комплексу, который мы называемъ нашимъ "я", и получается ощущеніе зеленаго цвѣта. Ни о какой субстанціи здѣсь рѣчи быть не можетъ. Если мы будемъ сравнивать то, что называется нашимъ "я", съ тѣмъ, что называется тѣломъ, то окажется, что разница не имѣетъ принципіальнаго характера; она заключается лишь въ

томъ, что "я-" смѣняется,подвержено непостоянству ,а тѣло обладаетъ большимъ постоянствомъ. Другого различія нѣтъ,и трактовать то, что называется нашимъ "я",какъ что - то отдѣльнoе отъ тѣла, мы не имѣемъ никакихъ основаній.Махъ думаетъ, что самый нашъ способъ выраженія неправиленъ;онъ ссылается на афоризмъ Лихтенберга:когда говорятъ -"я думаю",это неправильно,потому что кажется,какъ будто есть какая то субстанція,которая думаетъ;разъ мы признаемъ лишь совокупность элементовъ,то надо говорить-"во мнѣ думается":что - то внѣ моего "я"само собой,что то производитъ.Махъ съ большимъ одобреніемъ цитируетъ эту мысль Лихтенберга.Если мы скажемъ такъ,то,по его мнѣнію,мы внесемъ поправку въ неправильный способъ выраженія современной философіи и психологіи.

Мы разсмотрѣли взгляды ряда философовъ и психологовъ и получили одинъ общій выводъ:для понятія субъекта,субстанціи,какъ чего -то отдѣльнаго отъ душевныхъ проявленій, для такого понятія въ современной психологіи нѣтъ мѣста. Въ слѣдующій часъ я хочу показать вамъ,что"описанія"Маха, Авенаріуса,Эббингауза неправильны.

Я начну свою критику съ аргументовъ Авенаріуса.У публики широко распространено убѣжденіе въ томъ,что Авенаріусъ писалъ съ такой осторожностью,что ему удалось цѣликомъ провести методъ чистаго описанія,не позволяя себѣ никакихъ допущеній и привнесеній. Но на самомъ дѣлѣ у него есть нарушенія метода.Наше "я" состоитъ изъ комплекса элементовъ,

"среда" тоже состоитъ изъ комплекса элементовъ. Онъ постоянно говоритъ о нашемъ "я", какъ о чемъ то центральномъ. У него обычны выраженія : "центральный членъ", "противоположный член" - это чисто пространственныя понятія. Есть "я", - это я тѣлесное, физическое. Въ этомъ пунктѣ мы съ нимъ согласиться не можемъ. Онъ правъ въ своемъ утвержденіи, что наше тѣлесное "я" играетъ важную роль въ томъ, что называется нашимъ духовнымъ "я". Но невѣрно, что пространственное понятіе "я" и понятіе психическаго "я" покрываютъ другъ друга. Объ этомъ я говорилъ уже въ курсѣ элементарной психологіи. Говоря о ростѣ, цвѣтѣ волосъ и т.д., я имѣю въ виду физическое "я", но я могу коснуться такихъ элементовъ, которые физическаго характера не имѣютъ. Это обстоятельство было упущено Авенаріусомъ изъ виду, онъ не принялъ его въ соображеніе и долженъ былъ сдѣлать ошибку. Онъ начинаетъ свое сочиненіе такимъ образомъ: мы знаемъ безспорный фактъ, что нѣчто нами переживается, испытывается. Это вѣрно. Но теперь возьмемъ эту фразу - "нѣчто нами испытывается, переживается", выбросимъ понятіе субъекта, что получится? Получится нелѣпая мысль. Кто переживаетъ, испытываетъ? По мнѣнію Авенаріуса, отдѣльный комплексъ, физическое "я". Авенаріусъ идетъ здѣсь противъ чистаго описанія, когда говоритъ, что "я" и "среда" состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, не вполнѣ, правда, одинаковыхъ, такъ какъ между ними есть нѣкоторое различіе, хотя и не принципіальное, но только случайное. Если мы говоримъ, - мы испытываемъ нѣчто, то кто испытываетъ ? Какъ можно говорить,

что нѣчто испытывается, если не допустить понятія субъекта, духовнаго "я"? Мнѣ кажется, что здѣсь Авенаріусъ сдѣлалъ ошибку; желая выбросить противоположеніе субъекта и объекта, какъ невозможное, онъ выбросилъ и то, что дано въ опытѣ.

Мы первоначально испытываемъ извѣстныя переживанія, и опредѣляетъ этотъ фактъ переживанія, конечно, субъектъ. Разъ такъ, понятіе субъекта не можетъ быть выброшено, если мы хотимъ остаться на почвѣ чистаго описанія. Авенаріусъ выбросилъ его, говоря, что его выдумали философы, но въ сущности онъ описываетъ то сознаніе, которое будто - бы "преднаходитъ", такъ, какъ онъ его уже предположилъ заранѣе. Это его коренная ошибка.

Разсмотримъ теперь Юмовское положеніе, которое является однимъ изъ очень распространенныхъ въ психологіи, положеніе, что сознаніе "я" есть совокупность представленій, слѣдующихъ одно за другимъ. Существеннымъ является то, что изъ суммы представленій, извѣстнымъ образомъ ассоціированныхъ, выводится наше "я".

Это положеніе Юма поддерживаютъ, какъ мы уже говорили, Іодль и Эббингаузъ, утверждающіе, однако, что нельзя говорить, будто изъ суммы отдѣльныхъ представленій - а + в + с + д и т.д. получается субъектъ. И Эббингаузъ, и Іодль, оставаясь на почвѣ констатированія факта, признаютъ, какъ признаетъ это всякій, вдумавшійся въ вопросъ, что нельзя говорить объ ощущеніяхъ, какъ о чемъ - то разрозненномъ. Каждое ощущеніе, представленіе, какъ таковое, непремѣнно пред-

полагаетъ мыслящее"я",мыслящій субъектъ.Внѣ связи съ мыслящимъ субъектомъ нельзя говорить о представленіи,ощущеніи,и т.п.Какъ только вы произносите слово ощущеніе,-къ нему присоединяется понятіе "я",субъекта.Изъ какихъ элементовъ вы складываете это понятіе?изъ элементовъ,въ которыхъ уже есть это понятіе.То состояніе,которое называется ощущеніемъ,представленіемъ и т.д.,независимо отъ связи съ "я" существовать не можетъ.Эти элементы предполагаютъ существованіе субъекта.

Чтобы рѣшить вопросъ о природѣ "я",обратите вниманіе на одно свойство нашего "я".Будемъ оперировать съ одними только эмпирическими данными. У "я" есть свойство, которое называется единствомъ.Это не гипотеза, а продуктъ психологическаго анализа.Наше "я"обладаетъ единствомъ,-это есть фактъ, который мы можемъ констатировать сами въ любой моментъ.Это единство имѣетъ своеобразный характеръ.Напрасно будутъ дѣлаться попытки понять единство, какъ оно присуще психической жизни,изъ того, какъ складывается единство въ физической жизни. Я беру четыреугольникъ : онъ имѣетъ 4 вершины, 4 элемента.Когда я произношу сужденіе о четыреугольникѣ, эти 4 элемента находятся въ сознаніи одновременно, представляютъ абсолютное единство.Я подчеркиваю эмпирическій характеръ факта.Здѣсь, когда мы мыслимъ о разныхъ элементахъ въ одномъ актѣ сознанія, - а мы такъ дѣлаемъ всегда, когда сравниваемъ, составляемъ сужденіе, - у насъ въ сознаніи эти элементы уже составляютъ абсолютное единство: разрозненные элементы мыслятся въ единомъ актѣ.Это настолько своеобразный

фактъ, что, если бы спросили, чѣмъ физическіе процессы отличаются отъ психическихъ,надо бы сказать:тѣмъ, что физическія вещи не могутъ составить абсолютнаго единства.Такъ называемое психическое единство -это такой признакъ нашего психическаго "я",который рѣзко отличаетъ его отъ физическаго. Но какъ же объяснить единство сознанія,если стоять на точкѣ зрѣнія Юма,что нѣтъ субъекта,нѣтъ"я", а есть только сумма представленій? Попробуйте объяснить то, что я назвалъ единствомъ, изъ этой суммы, покажите,какимъ образомъ отдѣльные элементы, составляя сумму, могутъ образовать единство. Никакимъ способомъ такого объясненія получить нельзя, потому что мы знаемъ, и это признаютъ Эббингаузъ и Іодль, что ощущаетъ и воспринимаетъ не сумма ощущеній.Они сами говорятъ,что ощущаетъ не сумма, а "я".Но почему они не шли дальше? Можно прибавить,что ощущаетъ "я",отличное отъ этой суммы,потому что,если бы оно равнялось суммѣ,то сумма и осталась бы суммой, и никакого единства получить было бы нельзя Вы помните, какъ говоритъ Юмъ:когда я хочу рѣшить вопросъ о томъ,что такое мое"я",я обращаюсь внутрь самого себя, я тамъ нахожу только ощущенія холода, тепла и т.д.,моего"я", какъ чего-то особаго я не нахожу,мое "я" есть пучокъ представленій.Кто же ищетъ, находитъ?Юмъ постоянно употребляетъ "я":оно ищетъ и находитъ,а когда надо было подвести итогъ,"я" оказалось ничѣмъ.Очень любопытно, что въ приложеніи къ"Трактату" Юма есть выдержка,гдѣ онъ продолжаетъ разговоръ о духовной субстанціи,уничтоженной въ тек-

стѣ; здѣсь встрѣчается такая фраза:"я, конечно, признаю,что Совокупность воспріятій образуетъ единство, но я не могу указать того фактора, который устанавливаетъ это единство. Я увидѣлъ затрудненіе, когда былъ поставленъ въ необходимость отыскать факторъ, устанавливающій единство". О какомъ факторѣ онъ говоритъ ? У него есть въ пучкѣ представленій всякіе факторы, но ихъ оказывается мало. Это значитъ,что Юмъ пришелъ къ тому, что одними элементами объединяющимися в представленіяхъ путемъ ассоціированія, объяснить единство нѣтъ возможности,потому что при тѣхъ данныхъ,которыя были у него,отыскакатьтакой факторъ онъ былъ не въ состояніи. Что же выходитъ? Если остаться на почвѣ чистаго описанія, "я" останется безъ объясненія. Если я скажу- переживаетъ моя душа, я ввожу факторъ, не данный непосредственно въ

Итакъ, мы видимъ, что философы, утверждающіе, что изъ суммы представленій можно объяснить единство сознанія, этого сдѣлать не могли. Этого достаточно, чтобы сказать, что для объясненіи единства надо признать еще одинъ факторъ, объединяющій сознаніе - это наше "я", которое обладаетъ объединительной функціей. Это фактъ непосредственный, и если мы его не признаемъ, мы будемъ не въ состояніи даже просто описать душевную жизнь. Нельзя думать, что каждый пучокъ воспринимаетъ самъ себя. Изъ пучка представленій вывести "я" нельзя. Если я признаю, что у насъ есть объединяющій субъектъ, я долженъ былъ бы посчитаться еще съ нѣкоторыми фактами, которые приводятъ всегда спиритуалисты. По старому

пониманію наше "я" есть духовная субстанція, метафизическая сущность, которая представляетъ собою нѣчто простое, неизмѣнное. Противъ этой простоты и неизмѣнности возражаютъ, ссылаясь на эмпирическіе факты. Возраженія таковы: наше "я" измѣняется, хотя очень постепенно, но постоянно и непрерывно; наше "я" въ зрѣломъ возрастѣ и "я" ранняго дѣтства - совершенно различныя сущности; Если вы признали, что есть особая метафизическая сущность, какъ вы объясните этотъ эмпирическій фактъ? Особенно затруднительны для объясненія факты анормальности сознанія, напримѣръ, - раздвоеніе сознанія, когда душевно-больной открываетъ въ себѣ два "я", изъ которыхъ одно относиться къ другому съ полнымъ презрѣніемъ, и т.д.

Если есть такіе факты, какъ ихъ объяснить съ точки зрѣнія признанія метафизической сущности? Какъ душа можетъ дѣлиться пополамъ? Долго останавливаться на этомъ я не считаю возможнымъ, укажу только слѣдующее: психологъ изъ единства нашего "я", единства нашего сознанія не обязанъ переходить на метафизическую почву и признавать, что есть такая метафизическая субстанція. Можно указать, что признавать абсолютную неизмѣнность нашего "я" нѣтъ надобности, - достаточно признать его относителъную неизмѣнность; спорить противъ этого значитъ итти противъ очевидности. Фактъ тотъ, что мое "я" есть всегда м о е "я", мое "я" въ дѣтствѣ и мое "я" теперь есть м о е "я", хотя они и различны. Несомнѣнно, что при всѣхъ состояніях моего "я" болѣе или менѣе отчетливо сознается его отношеніе къ моему прежнему "я". Въ обыч-

ныхъ переживаніяхъ "я" состоитъ изъ большого числа элементовъ "я", какъ семьянинъ, я какъ литераторъ, я какъ художникъ и т.д. Можно согласиться съ тѣми, кто признаетъ измѣненія "я", признаетъ глубокія перемѣны "я" въ ненормальномъ состояніи, - все это можно признать, но все это ничего не говоритъ противъ допущенія чего - то, что объясняетъ единство, признанное нами, чего - то особеннаго, находящагося внѣ отдѣльныхъ представленій, чего-то, что обладаетъ объединяющей функціей, я говорю не съ метафизической точки зрѣнія. Если бы я говорилъ о духовной субстанціи, всегда одинаковой, пребывающей, я былъ бы метафизикомъ; но я говорю только, что есть факторъ, объясняющій единство "я" и имѣющій отдѣльныя представленія; я говорю, что вы должны допустить нѣчто, обладающее объединяющей функціей, которое можно описать. Посмотримъ, каково должно быть представленіе объ этой сущности. На этотъ вопросъ можно получить отвѣтъ изъ разсмотрѣнія эмпирическихъ данныхъ. Когда мы съ этой точки зрѣнія говоримъ о субъектѣ, когда мы говоримъ: мое "я" испытываетъ нѣчто, нѣчто переживаетъ", когда я употребляю слово "я", думаю о "я", приписываю ему извѣстныя свойства, мое "я" представляется мнѣ въ одномъ видѣ, вамъ - въ другомъ. Когда я разсказываю о "я", употребляю слово "я", какимъ матеріаломъ я пользуюсь? Откуда знаю о свойствахъ "я"? Непосредственно знать о нихъ мы не можемъ, мы знаемъ только изъ самонаблюденія. Знать непосредственно, какъ мы знаемъ свойства стола, ощущеніе краснаго цвѣта и т.д., мы конечно, не можемъ, непосредственно мы находимъ лишь отдѣльные элементы;

субстанцію узнаемъ лишь при помощи умозаключенія. Мы пользуемся извѣстнымъ матеріаломъ, который соединяемъ, и получаемъ въ результатѣ цѣлую картину нашего "я". Попробуйте подумать о самихъ себѣ. Какъ вы думаете, что надо для этого сдѣлать? Вы пробуете и говорите, что вы думаете о своемъ настоящемъ, о своемъ прошломъ и т.д., - и изъ этихъ отдѣльныхъ элементовъ вы получаете картину своего "я". Какія свойства можно приписать "я"? Мы приписываемъ ему свойства, получившія въ обиходной жизни опредѣленныя названія - мужественный, корыстный, безкорыстный, обладающій преступной страстью, сдерживающій страсть и т.д. Мое "я" представляется обладающимъ извѣстными свойствами, качествами. Выражаясь психологически, я приписываю моему "я" извѣстныя предрасположенія, свойства, качества. Если я психологъ, я знаю, что въ числѣ предрасположеній, въ числѣ свойствъ, которыя я приписываю субъекту, есть одинъ классъ, на который я обращал ваше вниманіе въ прошлой лекціи, - это безсознательныя состоянія - безсознательныя влеченія, ощущенія, предрасположенія и т.д. Нашъ субъектъ, какъ мы его мыслимъ, имѣетъ болѣе богатое содержаніе, чѣмъ это представляется въ непосредственномъ опытѣ; мы представляемъ его обладающимъ извѣстными свойствами, предрасположеніями, сознательными и безсознательными; эти послѣднія, несмотря на безсознательность, имѣютъ дѣйственное значеніе, могутъ оказывать дѣйствіе на ходъ представленій, волевыя рѣшенія и т.д. Итакъ, мы мыслимъ субъектъ, какъ нѣчто, обладающее извѣстными свойствами и предрасположені-

ями. Я думаю, что, говоря такъ, мы не уходимъ изъ области эмпирическихъ фактовъ; никакой метафизики здѣсь нѣтъ. Я иду дальше и спрашиваю: что этотъ субъектъ есть субстанція, или нѣтъ? Вопросъ этотъ не имѣетъ метафизическаго характера и можетъ быть рѣшенъ независимо отъ метафизики. Все зависитъ отъ того, что называть субстанціей. Если бы я предложилъ вам сравненіе, - надо замѣтить неудачное, - что духовная субстанція есть нѣчто въ родѣ матеріальнаго атома, что этотъ духовный атомъ - нѣчто простое, нераздѣлимое и безсмертное, вы рѣшили бы, что рѣчь идетъ о метафизической теоріи. Но я говорю не объ этомъ. При правильномъ пониманіи и употребленіи термина "субстанція" можно назвать ею субъектъ.

Что мы называемъ субстанціей? Мы раздѣляемъ то, что издавна въ философіи называлось субстанціей и акциденціей. Если есть А, и я этому А приписываю свойства а, в, с, то это А есть субстанція, потому что оно существуетъ постоянно, независимо отъ другого, а свойства а, в, с есть акциденціи, потому что они постоянно мѣняются: сегодня они есть, завтра ихъ нѣтъ на лицо. Субстанція есть то, что можетъ существовать самостоятельно. Возьмемъ, напримѣръ, движущееся тѣло; тѣло есть субстанція; движеніе, которое мы приписываемъ тѣлу, есть акциденція. Что обладаетъ независимостью, есть субстанція, а то, что принадлежитъ этому независимому есть акциденція.

Если окинуть взоромъ все совершающееся въ мірѣ, мы замѣтимъ, что, гдѣ есть дѣятельность, тамъ есть и дѣятель; гдѣ

говорится о качествахъ, свойствахъ, тамъ есть и вещь, которой принадлежатъ эти свойства. Съ этой точки зрѣнія нашъ субъектъ есть субстанція, потому что мы представляемъ его, какъ нѣчто, обладающее извѣстными свойствами, которыя могут измѣняться, которыя принадлежатъ ему, которыя сами по себѣ, безъ связи съ этимъ нѣчто, не существуютъ. Назвав субъектъ субстанціей, я долженъ замѣтить, что не считаю ее пребывающей субстанціей, вѣчной, неизмѣнной, не подверженной измѣненіямъ. Этого я не признаю, хотя я считаю возможнымъ приложить къ субъекту названіе вещи. Это есть реальность. Хотя субъектъ подверженъ измѣненіямъ.., подверженъ непрерывному развитію, но это есть вещь, реальность, реальность пребывающая, потому что иначе нельзя объединить отдѣльныя состоянія; это есть реальность остающаяся, переживающая свои душевныя состоянія; она есть основа душевной жизни, ея причина, источникъ душевной жизни. Если эту субстанцію я назову душой и скажу, что это есть вещь, которой присущи свойства сознательныя и безсознательныя, это будетъ то нѣчто, которое даетъ средства для объясненія многихъ явленій. Вотъ что я имѣю въ виду сказать относительно того, что мы должны понимать подъ понятіемъ субъекта ,"я". Субъектъ есть вещь, реальность, обладающая извѣстными свойствами. Если я говорю - душа, субстанція, это надо понимать не въ метафизическомъ смыслѣ.

-.-.-.-.-.

О КЛАССИФИКАЦІИ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Лекція 8-ая.

Вопросъ, который я предполагаю разсмотрѣть въ сегодняшней лекціи, можно формулировать, какъ вопросъ о классификаціи душевныхъ явленій. Вопросъ представляется важнымъ по той причинѣ, что разнообразіе душевныхъ явленій для научнаго изученія должно быть сведено къ извѣстнымъ классамъ, иначе были бы не въ состояніи разобраться въ нихъ.

До нѣкоторой степени эта задача давно уже выполнена не только философіей, но и обиходнымъ сознаніемъ. Въ обиходной жизни мы дѣлимъ всѣ душевныя явленія на явленія познанія, чувства и воли. Это дѣленіе извѣстно уже Платону. У него оно принимаетъ видъ рѣзкаго разграниченія въ 3 понятіяхъ души: онъ различаетъ часть познавательную-τὸ λογιστικόν, часть пожелательную -τὸ ἐπιθυμητικόν и часть волевую -τὸ θυμοειδές.

Такое рѣзкое разграниченіе душевныхъ явленій привело впослѣдствіи къ признанію теоріи способностей, по которой каждая способность отдѣлена отъ другой, живетъ своей самостоятельной жизнью. Эта теорія жила въ наукѣ до конца 18-го и начала 19 вв. Разрушителемъ ея считается философъ Гербартъ, который остроумно и окончательно разрушилъ психологическую миѳологію, по которой существовали совсѣмъ само-

стоятельно три класса душевныхъ явленій. Но вмѣстѣ съ разрушеніемъ теоріи способностей, для Гербарта предстала такая сложная задача. Вѣдь если мы скажемъ, что умъ, чувство и воля не есть 3 раздѣльныя сущности, мы должны показать, что они представляютъ собой, нѣчто единое; мы должны показать, что есть что-нибудь главное, изъ чего выводится все остальное. Это стремленіе свести все къ единству и составляетъ главную задачу психологіи съ тѣхъ поръ, какъ пала теорія способностей. Уничтоживъ послѣднюю, надо было показать, какъ изъ какой-нибудь одной способности можно вывести и чувство, и познаніе, и волю, возникла задача сведенія всего къ единству.

Съ начала 19 в. мы видимъ безпрестанныя попытки показать, что существуетъ не 3 класса душевныхъ способностей, а одинъ главный, основной классъ, къ которому могутъ быть сведены всѣ остальные. Изложеніе этихъ попытокъ я начну съ Гербарта, такъ какъ онъ выразилъ эту идею въ отчетливой формѣ и положилъ начало тому направленію въ психологіи, которое можно назвать интеллектуалистическимъ. Онъ указалъ, что такой главной способностью является познаніе, а такія явленія, какъ чувство, воля, всѣ связаны съ нимъ, все должно быть сведено къ элементу - познавательному. Элементы познавательные суть тѣ единицы, изъ которыхъ слагается душевная жизнь, при чемъ, эти элементы являются самостоятельными; что же касается чувственныхъ, волевыхъ явленій, - они оказываются производными изъ элементовъ познавательныхъ. Но что значитъ,

когда мы называемъ эти элементы производными ? Обычно говорятъ, что чувство есть элементъ самостоятельный, отличный отъ познавательнаго, Гербартъ же, наоборотъ, утверждаетъ, что если будетъ дано представленіе α и представленіе β, то эти 2 представленія могутъ войти въ такое взаимодѣйствіе, что въ результатѣ его можетъ явиться извѣстное чувство. Слѣдовательно, чувство само по себѣ, самостоятельнаго существованія не имѣетъ, оно есть результатъ взаимодѣйствія представленій. Гербартъ и его школа предполагали, что изъ взаимодѣйствія, борьбы представленій можетъ создаться такое состояніе, которое мы называемъ аффектомъ. То же самое можно и должно сказать и по отношенію къ волѣ. Эта точка зрѣнія оказалась чрезвычайно устойчивой, и до нашихъ дней въ Германіи встрѣчаются много гербартіанцевъ, держащихся того же самого воззрѣнія, что основнымъ классомъ въ душевной жизни являются элементы познавательные, представленія.

Вторая попытка свести все къ единству выражается въ томъ, что вмѣсто элементовъ познавательныхъ берутъ чувство, т. е. утверждаютъ, что главнымъ элементомъ является не познаніе, не представленія, не ощущенія, а то, что называется чувствомъ. Защитниками этого направленія являются Горвичъ и Гербертъ Спенсеръ. Особенно рѣзко выступаетъ Горвичъ, съ его именемъ связана эта теорія. Онъ основываетъ свое мнѣніе на первоначальности нашихъ душевныхъ состояній. По его мнѣнію, основной, коренной способностью является та, которая является раньше всѣхъ другихъ. Возьмемъ, говоритъ онъ, ду-

шевную жизнь ребенка : на первой стадіи развитія у него нѣтъ воли, нѣтъ ощущеній, какъ познавательныхъ элементовъ, а есть только чувство,которое безраздѣльно властвуетъ имъ: онъ испытываетъ чувство голода, чувство жажды, чувство холода и т.д. Передъ чувствомъ отступаютъ такія элементы, какъ познавательный и волевой. Если чувство есть то,что доминируетъ въ душевной жизни, то это есть основной элементъ.Разъ нѣтъ сначала на лицо волевого и познавательнаго элемента, то слѣдовательно,они должны получать свое начало изъ чувства, которое есть нѣчто первоначальное.

Чтобы покончить съ этой теоріей,сдѣлаю одно замѣчаніе. Всѣ теоріи,пытающіяся свести душевныя явленія къ чувству, употребляютъ понятіе чувства не въ томъ смыслѣ,какъ обычно это дѣлаемъ мы :подъ чувствомъ разумѣютъ тѣ состоянія, которыя связаны съ органическими ощущеніями, смѣшиваютъ, слѣдовательно,чувство съ ощущеніемъ.Возьмемъ ощущеніе голода :здѣсь есть и извѣстное чувство и ощущеніе.Если я буду описывать чувство, то незамѣтно для меня будетъ входить и ощущеніе; я какъ будто оперирую только съ чувствомъ, а на самомъ дѣлѣ я вношу и элементъ познавательный.Вотъ почему всѣ попытки вывести душевныя состоянія изъ чувства были удачны - потому что всегда вносился и элементъ познавательный.

Третья попытка,наиболѣе плодотворная, - попытка все свести къ волѣ,она считаетъ, что основнымъ элементомъ душевной жизни является воля.Та психологія,которая держит-

ся этого взгляда, въ противоположность интеллектуализму называется, по предложенію Паульсена, волюнтаризмомъ. Начало этой теоріи положилъ Шопенгауэръ, который утверждалъ, что если мы разсмотримъ душевную жизнь въ широкомъ смыслѣ слова, не человѣка только, но всего живого міра, мы увидимъ, что основнымъ фактомъ является не умъ, не представленія, не чувства, а воля. Онъ употреблялъ это понятіе въ широкомъ смыслѣ: волевыя влеченія, стремленія, которыя мы считаемъ элементарнымъ видомъ воли, Шопенгауэръ называлъ волей. Установивъ, что у животныхъ низшаго типа не имѣется ума, представленій, но имѣются влеченія, воля, "слѣпая" воля, какъ онъ говорилъ, Шопенгауэръ утверждалъ, что основной функціей душевной жизни, является воля.

Кромѣ Шопенгауэра можно назвать еще 2 философовъ, находящіеся подъ его вліяніемъ - это Паульсенъ и Вундтъ. Нам слѣдуетъ остановиться на волюнтаризмѣ Паульсена, который утверждаетъ, подобно Шопенгауэру, что, если психологъ ограничится разсмотрѣніемъ душевной жизни только человѣка и высшихъ животныхъ, ему бросится въ глаза то, что у человѣка и высшихъ животныхъ доминирующую роль играетъ познаніе, представленія; но если онъ бросить взглядъ на весь живой, одушевленный міръ, онъ замѣтитъ, что умъ вообще играетъ второстепенную роль, другая функція выступаетъ на первый планъ - воля. У такихъ организмовъ, какъ медуза, полипы, инфузоріи и т.д. объ ощущеніяхъ, представленіяхъ рѣчи быть не можетъ, но и у медузы, и у полиповъ все же существуетъ

душевная жизнь. Безспорно, что главной особенностью душевной жизни этихъ организмовъ не являются представленія, а такъ какъ у нихъ безспорно есть влеченія, стремленія, то эти влеченія и являются основной функціей ихъ душевной жизни. Когда Паульсенъ и Шопенгауэръ дѣлаютъ попытку объяснить какого рода эти влеченія, они употребляютъ терминъ "слѣпое" влеченіе, т.е. не руководимое представленіемъ. У этихъ организмовъ есть только волевой моментъ, есть стремленіе совершить извѣстное движеніе подъ вліяніемъ какого-нибудь чувства, но нѣтъ представленій. Паульсенъ идетъ еще дальше: онъ говоритъ, если возьмемъ, напримѣръ, амебу, совершающую движеніе подъ вліяніемъ элементарной воли, мы можемъ сказать, что ея движеніе напоминаетъ движеніе капельки дождя, падающей къ центру земли. Какъ капелька дождя не имѣетъ представленія о цѣли, къ которой она стремится, такъ приблизительно, " немножко развѣ иначе", какъ выражается Паульсенъ, совершаетъ движеніе и элементарный организмъ, безъ сознанія цѣли, безъ представленій, почти механически. Это есть простѣйшее элементарное влеченіе, побужденіе, стремленіе, то, что мы называемъ элементарной волей, элементарнымъ волевымъ актомъ. Итакъ душевная жизнь низшихъ организмовъ характеризуется отсутствіемъ представленій, которыя имѣются на лицо на болѣе высокой стадіи развитія. Если мы возьмемъ болѣе высокія живыя существа, то ихъ организмъ усложняется; мы замѣтимъ, что къ слѣпому влеченію присоединяются представленія, но еще въ неясной формѣ. Возьмемъ

организмъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ инстинкта - онъ руководствуется извѣстнымъ представленіемъ, воспріятіемъ;но у такихъ животныхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ инстинкта, инстинктивныхъ побужденій, есть только нѣкоторое воспріятіе,представленія же о цѣли нѣтъ. На болѣе высокой стадіи мы замѣчаемъ, что у животныхъ появляется то, что называется памятью, способность сохранять представленія. Благодаря памяти, накопленію представленій, у такихъ живыхъ существъ къ ихъ влеченіямъ присоединяются представленія цѣли, и влеченія пріобрѣтаютъ болѣе высокую форму, дѣлаются выбором, волевымъ актомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Если разсмотрим человѣческія существа, мы увидимъ, что они въ своемъ развитіи проходятъ тотъ же путь. Сначала у человѣка имѣются на лицо лишь извѣстныя чувственныя побужденія, человѣкъ представляетъ тогда, по словамъ Паульсена, насквозь волю: у него есть только извѣстныя влеченія и ничего больше. Первоначально онъ совершаетъ движенія рефлективныя, автоматическія, инстинктивныя, въ которыхъ если имѣется элементъ познавательный, то въ самой неясной формѣ. Память, представленія, ассоціаціи - то, что называется волей въ собственномъ смыслѣ, выборъ, рѣшеніе и т.д. являются впослѣдствіи

Итакъ, если разсмотримъ психическое развитіе животныхъ и психическое развитіе человѣка, мы замѣтимъ одно и то же: воля является первичнымъ факторомъ, воля съ самаго начала имѣется на лицо, а познаніе, умъ, представленія присоеди-

Листъ 11-й

няются лишь впослѣдствіи. Если воля есть первоначальный факторъ, постоянный факторъ, а умъ, представленія являются послѣдующими, присоединяются позднѣе, то ясно, какъ надо отвѣтить на вопросъ, что является самымъ главнымъ элементомъ въ душевной жизни. Самое главное - это воля, безсознательная воля, воля не руководимая знаніемъ, а умъ, представленія - лишь орудія воли. Такъ говоритъ Шопенгауэръ, такъ говоритъ и Паульсенъ.

Перейдемъ теперь къ другому психологу, оказавшему особенныя услуги для выясненія вопроса о существенной сторонѣ душевной жизни. Я имѣю въ виду Вундта. Вундтъ, если и не рѣшалъ задачи вполнѣ, окончательно, но понялъ ее наилучше, поставилъ вопросъ наиболѣе ясно и опредѣленно. Что дѣлали до сихъ поръ Гербартъ и его школа или тѣ, которые считали чувство основнымъ факторомъ душевной жизни? Одни изъ нихъ думали, что есть только чувство, изъ чувствъ, какъ изъ какихъ то элементовъ, создаются всѣ остальные классы явленій; другіе считали, что изъ ощущеній, какъ изъ э л е - м е н т о в ъ, *на это я обращаю особенно ваше вниманіе,* составляются всѣ остальныя психическія явленія.

Пока задачу рѣшали такимъ образомъ, это было неправильно, потому что при такой постановкѣ вопроса - стояли почти на точкѣ зрѣнія химіи: какъ химикъ думаетъ, что изъ элементовъ онъ можетъ построить что-нибудь совсѣмъ новое, въ нихъ не содержащееся, такъ и психологи думали, что изъ извѣстныхъ элементовъ можно получить чувство, умъ и т.д.

Вундтъ говоритъ, чтобы объяснить единство душевной жизни, надо внести особое понятіе, которое онъ заимствуетъ у Лейбница, -понятіе апперцепціи. Потому, что Вундтъ положилъ въ основу психологіи понятіе апперцепціи, его психологія называется апперцепціонной. Но что онъ понимаетъ подъ апперцепціей, сказать довольно трудно. Конечно это затрудненіе объясняется отчасти тѣмъ, что Вундту приходилось постоянно перерабатывать это понятіе, а также и тѣмъ, что трудно найти понятіе, съ помощью котораго можно объяснить всю душевную жизнь. Что такое понятіе апперцепціи? Подумайте, что мы называемъ сознаніемъ, воспріятіемъ при помощи сознанія, что называемъ вниманіемъ. Если бы я сказалъ, что то называется вниманіемъ, что называется апперцепціей, одно и то же, я упростилъ бы мысль Вундта, но за то она сдѣлается ясной для васъ. Всѣ признаки вниманія перенесены на понятіе апперцепціи. Когда я говорю, въ моемъ сознаніи находятся извѣстныя представленія, но въ то же время я воспринимаю и мѣлъ :я апперцепирую мысль, а мѣлъ перцепирую, онъ является предметомъ перцепціи. Я хочу произвести движеніе, которое можетъ привести къ тому, чтобы я досталъ мѣлъ. Чтобы совершить такой волевой актъ, я долженъ имѣть представленіе о движеніи, съ помощью котораго я достигну этой цѣли. По Вундту это надо выразить такъ: я долженъ апперцепировать движеніе, т.е. у меня въ мысли должно явиться представленіе движенія, которое нужно, чтобы достать мѣлъ. Я могу апперцепировать извѣстное представленіе. Во внѣш-

немъ волевомъ актѣ я произвожу движеніе, потому что апперцепирую движеніе, во внутреннемъ же я апперцепирую представленіе. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ понятіе апперцепціи.

Какъ же Вундтъ сводитъ къ единству всѣ душевныя явленія? Онъ говоритъ, если взять такіе процессы, какъ познаніе, чувство, желаніе, волевые дѣйствіе, это не есть три отдѣльные процесса : это три части одного и того же процесса, который Вундтъ называетъ актомъ апперцепціи.. только смотря по тому, что преобладаетъ въ этомъ процессѣ, онъ получаетъ то, или другое, или третье названіе. Я говорю: у меня есть чувство, есть волевой актъ, но въ сущности и то и другое родственны, различіе заключается въ томъ, что въ чувствѣ наша апперцерпція имѣетъ пассивный характеръ, въ волевомъ актѣ она пріобрѣтаетъ характеръ активный. Если я просто созерцаю картину природы, я не совершаю никакого движенія, я остаюсь пассивнымъ; если я созерцаю какое-нибудь движеніе, апперцепція имѣетъ характеръ активный. Итакъ чувство отличается отъ воли тѣмъ, что оно пассивно, тогда какъ воля активна. Возьмемъ такіе процессы, какъ желаніе и хотѣніе, какое различіе между ними ? Желаніе есть такое хотѣніе, которое не перешло въ активность, а хотѣніе - процессъ, перешедшій въ активность, т.е. различіе между ними въ стадіяхъ, а не по существу. Можно сказать, что всѣ процессы родственны, потому что составляютъ лишь части одного и того же процесса. Можно ли отдѣлять волю отъ чувства, можно ли сказать, что это два различные класса ? Конечно, нельзя, потому что

въ волеомъ актѣ всегда должно быть на лицо какое-нибудь чувство :-или чувство удовольствія или чувство страданія, волевой актъ безъ чувства невозможенъ. Возьмемъ познаніе и чувство. На первый взглядъ кажется, что они отличаются, но по мнѣнію Вундта ихъ родство можно сдѣлать яснымъ, прибѣгнувъ къ понятію апперцепціи, которая ихъ будетъ объединять. Можетъ познаніе совершаться безъ апперце пціи ? Нѣтъ, познаніе безъ такого процесса, какъ вниманіе, совершаться не можетъ. Возьмемъ чувство: удовольствіе есть то, что мы пріемлемъ, что апперцепція допускаетъ, а страданіе- то, что мы стремимся отбросить, къ чему апперцепція относится репульсивно. Чувство есть то, что апперцепція или принимаетъ или отвергаетъ. Что касается волевого акта, то я уже указывалъ, что волевой актъ есть актъ апперцепціи, мы его апперцепируемъ, будетъ ли онъ внѣшнимъ или внутреннимъ. Итакъ, вездѣ и всегда есть апперцепція - въ познаніи, въ чувствѣ, въ волѣ. Оказывается, что апперцепція есть тамъ главный процессъ, который имѣется на лицо во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ. Далѣе Вундтъ утверждаетъ, что апперцепція есть актъ по преимуществу волевой: потому, что въ ней мы чувствуемъ себя дѣйствующими активно, мы совершаемъ нѣчто, обнаруживаемъ активность, т.е. имѣемъ то, что и въ волѣ: вѣдь мы знаемъ, что волевой актъ связанъ съ перемѣнами во внутренней и внѣшней жизни. Если мы скажемъ, что апперцепція и волевой процессъ тождественны или родственны, мы должны сказать, что воля есть самый основной элементъ душевной жиз-

ни.

Теперь мнѣ и резюмировать не будетъ надобности, чтобы вы видѣли различіе между доказательствами первенства воли Вундта, Шопенгауэра и Паульсена. Шопенгауэтъ и Паульсенъ прибѣгаютъ къ психогенезису, становятся на точку зрѣнія психогенетическую, изъ исторіи душевной жизни выводятъ, доказываютъ первенство воли. Вундтъ принимаетъ точку зрѣнія психологическую : онъ анализируетъ, разсматриваетъ природу каждаго отдѣльнаго класса, усматриваетъ въ каждомъ классѣ явленій то, что онъ называетъ апперцепціей, которая является для него самымъ существеннымъ въ душевной жизни. Отъ направленія апперцепціи зависитъ то, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло. На томъ основаніи, что актъ апперцепціи родственenъ акту воли, тождественъ ему, потому что апперцепція есть активность и воля - активность въ нашей сознательной жизни, Вундтъ признаетъ, что апперцепція или воля есть основной элемент душевной жизни. Въ этомъ отношеніи Вундтъ долженъ быть причисленъ къ волюнтаристамъ, т.е. къ тѣмъ психологамъ, которые признаютъ основнымъ элементомъ волю.

Мы пришли такимъ образомъ къ двумъ теоріямъ - интеллектуализму и волюнтаризму, и теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, которое изъ двухъ этихъ рѣшеній - интеллектуализмъ или волюнтаризмъ - болѣе правильное. Хотя я считаю анализъ Вундта удовлетворительнымъ, но присоединеніе къ той или другой теоріи я считалъ бы неправильнымъ Вообще я долженъ замѣтить, что самый способъ утвержденія, ес-

ли я говорю -интеллектъ, воля, представляется мнѣ неправильнымъ,могущимъ ввести въ заблужденіе. Выведеніе душевныхъ явленій изъ одной способности,по мо ему мнѣнію,не правильно:разъ мы признаемъ что всѣ три класса душевныхъ явленій неразрывно связаны другъ съ другомъ, то нельзя выводить одинъ изъ другого: Съ точки зрѣнія старой психологической терминологіи та классификація, которая предлагаетъ дѣлить душевныя явленія на познаніе, чувство и волю, не совсѣмъ удобна ,потому что подъ понятіемъ познаніе приходится брать то очень сложные, то совсѣмъ элементарные процессы: Ощущеніе есть простѣйшій, элементарный классъ познавательныхъ явленій, мысль, мышленіе - наоборотъ, очень сложный, такъ что между ощущеніемъ и мышленіемъ существуетъ большое различіе.Что касается воли, то и здѣсь въ современную психологію проникли большіе недостатки: акты, которые не являются собственно волевыми, называются часто волевыми - влеченія,напримѣръ, гдѣ не имѣется совсѣмъ представленія или же имѣется, но очень неясное,назыв аются волевымъ явленіемъ,между тѣмъ волевымъ,въ собственномъ смыслѣ мы называемъ сложный волевой актъ, гдѣ есть на лицо рѣшеніе.Я предложилъ бы съ точки зрѣнія строгой терминологіи различать три класса психическихъ процессовъ : ощущенія,чувство, влеченіе.Влеченіе собственно не совсѣмъ отвѣчаетъ тому,о чемъ я буду говорить,но все же эттотъ терминъ является лучшимъ.Влеченіе есть элементарный волевой актъ, гдѣ имѣется на лицо дѣйствіе,но не имѣется представленія.

Если мы не будемъ брать усложненныхъ процессовъ, а возьмемъ элементарные, намъ придется показать, что эти три класса процессовъ представляютъ изъ себя неразрывно связанное цѣлое. Процессы чувства всегда неразрывно связаны со всѣми другими. Говоря же о познаніи, мы представляемъ его конкретно, оторваннымъ отъ чувства и воли. Я думаю, что такъ нельзя дѣлать : если мы говоримъ о неразрывномъ единствѣ, то мы должны и думать всегда о неразрывномъ единствѣ и представлять всѣ процессы постоянно другъ съ другомъ связанными.

Эту мысль можно было бы сдѣлать понятной съ помощью психологическаго анализа, но я хочу разсмотрѣть вопросъ съ другой точки зрѣнія, которая имѣетъ нѣкоторое преимущество: дополняетъ психологическій анализъ, дѣлаетъ неразрывность связи болѣе конкретной,понятной. Я назвалъ бы эту точку зрѣнія психогенетической или психобіологической,это все равно,потому что я хочу разсмотрѣть психическую жизнь съ самаго зарожденія; я хочу предложить схему психическихъ элементовъ,конечно,схему лишь гипотетическую.Какіе элементы должны быть на самой низшей стадіи психическаго развитія?

Если я ставлю вопросъ съ психобіологической точки зрѣнія, я долженъ разсмотрѣть схему элементарныхъ организмовъ. Какъ элементарный организмъ психически реагируетъ на воздѣйствіе внѣшняго міра? Мы можемъ представить это,если обратимъ вниманіе на строеніе элементарныхъ организмовъ.Каждый элементарный организмъ строится по слѣдующей схемѣ,я беру все же болѣе высокую стадію,- ихъ нервная система

устроена такъ,что несетъ двоякую функцію:съ одной стороны ей присущи нервы,приносящіе возбужденіе, и съ другой стороны- нервы, относящіе возбужденіе, приводящіе въ движеніе. Если представить себѣ такую схему элементарныхъ организмов, можно предположить,что если на организмъ будетъ оказывать воздѣйствіе,возбужденіе извнѣ,оно вызоветъ то,что называется ощущеніемъ, вслѣдъ за ощущеніемъ явится движеніе. Въ промежуткѣ между ощущеніемъ и движеніемъ надо помѣстить то состояніе, которое называется чувствомъ,-чувство удовольствія или чувство страданія.Можно предположить,что без наличности того илу другого не можетъ произойти движенія. Въ такомъ видѣ надо представлять гипотетическую схему полнаго психическаго оборота при психической реакціи организма на дѣйствіе внѣшняго міра.Живое существо ощущаетъ,приходитъ въ движеніе благодаря тому, что у него есть на лицо состояніе,которое называется чувствомъ : оно ощущаетъ,затѣмъ чувствуетъ и приходитъ въ движеніе. Я предлагаю эту схему, имѣя въ виду строеніе живого организма,который состоитъ изъ двухъ частей :- реципирующей, воспринимающей,и активной, дѣйствующей : онъ что :- то воспринимаетъ, что :- то дѣйствуетъ на него и онъ отвѣчаетъ на это дѣйствіе своимъ движеніемъ. Назовемъ ощущеніе рецептивной частью, движеніе активной частью.Эти три элемента первоначально составляютъ одинъ процессъ, одно цѣлое.Это есть гипотетическая схема, котоую надо подтвердить изъ дальнѣйшаго раз-

смотрѣнія. Она имѣетъ въ виду указать, что въ элементарномъ существѣ реакція на внѣшній міръ составляетъ одно цѣлое. Разъ процессъ составляетъ одно цѣлое, то эти части составляютъ одно. Мы знаемъ что амеба производитъ движеніе, можно предположить, что она производитъ ихъ подъ вліяніемъ ощущенія, чувства. Всѣ эти три момента составляютъ первоначально три части одного процесса, который впослѣдствіи и въ развитой жизни возникаетъ всегда во всѣхъ трехъ частяхъ. Если я скажу, что и въ элементарном организмѣ онъ выступаетъ такимъ же образомъ, какъ и въ развитомъ, то вы можете возразить мнѣ : я могу, напримѣръ, оставаться неподвижнымъ, ни один мускулъ не дрогнетъ у меня, а я въ это же самое время могу мыслить :- у меня, слѣдовательно, есть чистая мысль, которая мысль можетъ быть безъ чувства и воли, не сопровождаться послѣдствіями. Такое возраженіе будетъ неправильно; такое отдѣленіе имѣетъ характеръ видимости, а на самомъ дѣлѣ въ процессѣ мышленія мы не можемъ отдѣлить мысль отъ актовъ, имѣющихъ характеръ моторный. Повторяю, эта схема приложима и къ высшимъ процессамъ: мы не можемъ никогда мыслить безъ того, чтобы не было момента моторнаго, активнаго. Это кажется мало убѣдительнымъ, но я сошлюсь на то, что въ психологіи при помощи экспериментальнаго метода доказано, что всѣ процессы мышленія, какъ бы отвлеченны они не были, сопровождаются процессами моторными, двигательными. Мы ихъ не замѣчаемъ, не сознаемъ, но они могутъ :-

быть отмѣчены съ помощью особыхъ приборовъ. Весь этотъ психическій оборотъ, имѣющійся въ первоначальной психической жизни, повторяется и впослѣдствіи съ той разницей, что между ощущеніемъ и движеніемъ вставляются промежуточные процессы, которые принципіально не измѣняютъ существа оборота, смѣна остается въ прежнемъ видѣ.

Что этотъ оборотъ психологически правиленъ, выясняется на характеристикѣ моментовъ. Она совпадаетъ съ той характеристикой, которую я давалъ въ прошломъ году, съ чисто психологической, феноменологической характеристикой, какъ вы сейчасъ увидите. Въ извѣстный моментъ на организмъ оказываетъ дѣйствіе что-нибудь внѣшнее, какое-нибудь возбужденіе, получается ощущеніе. Какой характерный признакъ ощущенія, какъ момента познанія ? Намъ кажется, что мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то внѣ насъ находящимся, съ предметомъ чуждымъ для насъ, съ процессомъ внѣ насъ происходящимъ. Напримѣръ, возьмемъ холодное тѣло: мы холодъ приписываемъ тѣлу; или возьмемъ звучащее тѣло - звукъ опять - таки приписываемъ тѣлу. Возьмемъ, наконецъ ярко окрашенный предметъ - здѣсь яркую окраску мы приписываемъ этому предмету. Итакъ въ ощущеніи мы оказываемся пассивными. Вотъ отчего я и теперь настаиваю на этой характеристикѣ: познаніе имѣетъ характеръ пассивный; мы регистрируемъ что - то, внѣ насъ находящееся. Въ процессѣ воли мы активны, и явленіе сознанія активно: мы дѣйствуемъ, что - то измѣняемъ. Что же мы измѣняемъ ? Мы измѣняемъ одно чувство на другое: у насъ

было непріятное чувство, мы смѣняемъ его на пріятное, что-нибудь пріятное :- на еще болѣе пріятное. Сознаніе, что мы активны, что мы дѣйствуемъ, вполнѣ отчетливо для момента, называемаго моментомъ воли, который есть движеніе. Между моментомъ рецептивнымъ и моментомъ активнымъ вставляется моментъ чувства. Что онъ представляетъ собой ? Его психобіологическое значеніе будетъ таково: если на насъ дѣйствуетъ что нибудь такое, что можетъ дѣйствовать разрушающимъ образомъ на нашъ организмъ, у насъ получается чувство неудовольствія; воздѣйствіе того, что можетъ быть полезно для насъ, связано съ чувствомъ удовольствія. Чувство является показателемъ благополучія или неблагополучія организма. Въ чувствѣ мы не переживаемъ чего нибудь внѣшняго, какого-нибудь процесса, находящагося внѣ насъ, а переживаемъ самих себя, какъ таковое, чувство имѣетъ всегда характеръ субъективный. Если я скажу, что у насъ чувство имѣетъ мѣсто между ощущеніемъ и волей, которыя связаны съ дѣйствіемъ приносящихъ и относящихъ нервовъ, возникаетъ вопросъ, съ чѣмъ связано чувство. Можно было бы подумать, что съ центральными органами, но это было бы неправильно. Если доказано, что чувство не можетъ существовать отдѣльно отъ ощущенія и движенія, то оно не можетъ локализоваться въ центральныхъ органахъ. Чувство всегда связано съ моторнымъ процессомъ, съ двигательнымъ процессомъ, мы всегда можемъ доказать наличность измѣненій въ кровеносной системѣ, въ различныхъ внутреннихъ органахъ.

Доказано, что чувство само по себѣ, безъ ощущенія не возникаетъ, въ чистомъ видѣ чувства мы не имѣемъ, оно всегда связано съ ощущеніемъ. Этотъ фактъ, что чувство связано съ моментомъ ощущенія и движенія, доказанъ эмпирически. Дѣлать же попытку локализовать чувство въ какомъ-нибудь центрѣ мозга нѣтъ основаній, потому что получилось бы противорѣчіе положенію, которое было признано нами справедливымъ."

Но всѣ эти указанія могутъ быть вѣрны лишь по отношенію къ элементарной стадіи, къ элементарной душевной жизни. Поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ по отношенію къ все болѣе усложняющимся организмамъ. Мы увидимъ, что здѣсь ничто не измѣняется. Ощущеніе усложняется благодаря тому, что у высшихъ организмовъ точность и количество органовъ ощущеній возрастаетъ: у низшихъ организмовъ есть только кожное ощущеніе, ощущеній звука, цвѣта у нихъ не существуетъ; если органы дифференцируются, количество ощущеній должно возрасти. Должны возрасти количественно и усложняться двигательные аппараты; у низшихъ организмовъ они представляются очень простыми, у болѣе высшихъ - усложняются; увеличивается ихъ количества, а также усложняются движенія ихъ. Важно то, что у низшихъ организмовъ переходъ от ощущенія къ движенію является непосредственнымъ, у высших возникаетъ сложное посредство, то что называется представленіемъ, умомъ, осложненным чувствомъ и т.д., вслѣдствіе

чего переходъ отъ ощущенія къ движенію осложняется.

Для поясненія укажу на жизнь ребенка. Сначала онъ совершаетъ рефлективныя, автоматическія, инстинктивныя движенія, волевыхъ движеній у него не существуетъ. Характерная особенность автоматическаго движенія - это тотъ фактъ, что переходъ отъ ощущенія къ движенію совершается непосредственно: въ нервныхъ центрахъ накопляется энергія, но доставляетъ чувство безпокойства, побуждающее разрѣдить эту накопившуюся энергію, совершается движеніе. Въ рефлективномъ актѣ тоже дѣйствуетъ непосредственно какое нибудь возбужденіе. Въ инстинктивномъ актѣ переходъ отъ ощущенія къ движенію не такъ непосредственъ, но все же нѣтъ момента, который задерживалъ бы переходъ. Въ развитомъ сознаніи, когда у человѣка возникаетъ память, ассоціаціи, множество представленій, промежуточная стадія удлиняется, и простыя влеченія получаютъ руководство отъ представленій; къ простымъ влеченіямъ присоединяются представленія, дѣлая изъ нихъ волевые акты. Принципіальнаго различія между тѣмъ, что имѣется у элементарныхъ организмовъ, и у сложныхъ, высшихъ организмовъ, нѣтъ; Въ послѣднемъ случаѣ на лицо только нѣкоторое усложненіе. Развитіе идетъ путемъ дифференціаціи и интеграціи, т.е. тѣмъ путемъ, который такъ хорошо формулировалъ Гербертъ Спенсеръ. Движенія и ощущенія смѣшиваются, затѣмъ дифференцируются, отдѣляются другъ отъ друга замѣтнымъ промежуткомъ времени выдѣляются какъ осо-

бые процессы, и то, что лежитъ въ промежуткѣ - чувства - выдѣляемы также въ особый процессъ, но самостоятельной жизни каждое изъ нихъ они не имѣетъ, они живутъ всѣ вмѣстѣ.

Замѣтивъ эту схему, мы можемъ теперь вернуться къ началу для разрѣшенія вопроса, который насъ интересуетъ. Можемъ ли мы считать, что въ душевной жизни познаніе, чувство и воля могутъ быть раздѣлены, или же не можетъ ? Самонаблюденіе показываетъ, что никакого раздѣленія никогда быть не можетъ. Если нѣкоторые факты какъ будто и показываютъ, что эти три элемента душевной жизни могутъ быть раздѣлены, напримѣръ, кажется, что можетъ быть чистое мышленіе, безъ чувствъ, могутъ быть мысли безъ чувствъ, то это весьма сомнительно. Мышленіе даже для невооруженнаго самонаблюденія сопровождается часто извѣстнымъ настроеніемъ, для извѣстныхъ мыслей существуютъ вполнѣ опредѣленныя чувства. Говорить, что волевой актъ можетъ совершаться подъ вліяніемъ мотивовъ только разсудочнаго характера, неправильно: мотивы разсудочнаго характера, безъ чувства были бы не въ состояніи привести волю въ движеніе. Если бы вырвать совершенно чувство, никакой сильный мотивъ разсудочнаго характера не былъ бы въ состояніи привести наше существо въ активное состояніе; мы остались бы только мыслящими существами и ничего больше.

Говоря о волѣ, я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что и Шопенгауэръ и Паульсенъ разсуждали непра вильно, ут-

утверждая, что первоначально воля слѣпа, что она имѣетъ характеръ влеченія безъ элемента представленій, того, что я называю ощущеніемъ.

Это невѣрно. Или сказать, что у живыхъ существъ никакой душевной жизни нѣтъ, тогда это будетъ вѣрно; но если же утверждать, что и здѣсь имѣютъ дѣло съ душевной жизнью, то въ такомъ случаѣ должно сказать, что и здѣсь на лицо и представленія, потому что иначе живое существо не знало бы, какъ реагировать на дурное и хорошее. Чувство есть такое влеченіе, которое показываетъ, что полезно или вредно. Если бы оно не могло различать, удовольствія и страданія не существовало бы. Живое существо, не различая полезнаго для него, должно было бы погибнуть. Поэтому мы должны признать, что на элементарной стадіи развитія должна существовать способность различенія. Влеченіе въ сущности всегда сопровождается элементами познавательными. То, что называется влеченіемъ, слѣпо быть не можетъ; хотя и въ малой мѣрѣ, но оно является, если такъ можно выразиться "зрячимъ". Я говорю это, чтобы доказать, что эти три момента всегда связаны. Мы должны признать, что познаніе, чувство и воля неразрывно связаны другъ съ другомъ даже на высшей стадіи: логическіе процессы связаны съ элементомъ чувства, самые отвлеченные процессы, такъ называемые идеалы окрашены извѣстными чувствами, хотя бы мы и не могли выдѣлить ихъ сознательно.

Перехожу къ вопросу - что же лежитъ въ основѣ душев-

ной жизни? Если вы скажете, что вы признаете примат волевых процессов, примат интеллекта, я должен заметить, что так говорить нельзя: надо сначала установить, что называемъ первенствомъ, основой. Если понимать первенство, стоя на точкѣ зрѣнія Шопенгауэра, т.е. хронологически, то сначала является воля, интеллекта еще нѣтъ, и со своей точки зрѣнія Шопенгауэръ правъ, выдвигая примат воли. Но мы видѣли, что воля слѣпой быть не можетъ, она всегда сопровождается различеніемъ; о какомъ же первенствѣ можетъ быть рѣчь? Рѣчь идет о томъ, что является существеннымъ съ точки зрѣнія *осуществленія психическаго процесса.* Что же всего важнѣе съ точки зрѣнія осуществленія психическаго процесса? Отвѣтъ ясенъ: важнѣе всего воля, моментъ активный, потому что безъ воли психическій процессъ осуществляться не можетъ: воля есть движеніе, то, что созидаетъ жизнь. Если бы его не было, психической жизни не было бы. На самой высшей стадіи все есть движеніе - актъ вниманія, апперцепціи. Слѣдовательно мы должны признать, что активный моментъ является главнымъ.

Отсюда я не намѣренъ дѣлать вывода, который дѣлаютъ волюнтаристы, будто отсюда слѣдуетъ, что все, что созидается волей, имѣетъ первенствующее значеніе. Я не предполагаю касаться этого вопроса, потому что это не входитъ въ мою сферу.

Въ одномъ смыслѣ можно говорить о первенствѣ воли: воля,

:- :- :- :-

какъ двигательный активный моментъ, позволяющій осуществляться психическимъ процессамъ, является главнымъ, существеннымъ моментомъ въ душевной жизни. Но съ другой точки зрѣнія всѣ три момента составляютъ неразрывныя части одного психическаго процесса, ни одинъ нельзя отдѣлить отъ другого, нельзя говорить, предполагать, что одинъ изъ нихъ является главнымъ: всѣ составляютъ три части одного процесса. Это справедливо вездѣ: и на низшей и на высшей стадіи психической жизни они являются неразрывнымъ цѣлымъ.

Я разсмотрѣлъ классификацію душевныхъ явленій и долженъ замѣтить, что вопросъ рѣшенъ неокончательно: была сдѣлана недавно попытка ввести новую классификацію душевныхъ явленій съ точки зрѣнія элементовъ ощущаемыхъ и элементовъ не ощущаемыхъ; это породило новое направленіе психологіи - такъ называемую функціональную психологію. Такъ какъ къ этому направленію принадлежатъ многіе выдающіеся психологи, то его нельзя пройти молчаніемъ и въ слѣдующую лекцію я позволю себѣ познакомить васъ съ этимъ направленіемъ.

КЛАССИФИКАЦІЯ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Лекція 8-ая.

Прошлый разъ мы разсмотрѣли классификацію душевныхъ явленій. Мы видѣли, что обычное дѣленіе на элементы познанія, чувства и волю или влеченіе можетъ быть признано цѣлесооб-

бразнымъ,Мы должны только помнить, что каждый классъ явленій не существуетъ въ отдѣльности, каждый классъ есть только часть одного процесса. Въ сегодняшней лекціи я предполагаю разсмотрѣть тотъ же вопросъ о классификаціи душевныхъ явленій съ другой точки зрѣнія.Теперь въ основу будемъ класть другой принципъ.Этотъ принципъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ;дѣленіе душевныхъ явленій съ точки зрѣнія наглядности или ненаглядности ихъ,ощутимости или неощутимости ихъ.Объ этомъ принципѣ я говорилъ неоднократно и въ прошломъ году.Теперь я хочу разсмотрѣть тѣ два направленія психологіи, которыя создались въ послѣднее время - направленіе сенсуалистическое и функціональное.

Вы помните, что еще въ прошломъ полугодіи въ курсѣ логики я указывалъ, какъ распространенъ взглядъ, что всѣ душевныя явленія могутъ быть сведены къ ощущеніямъ или представленіямъ,т.е., къ такимъ элементамъ,которые имѣютъ конкретное или наглядное содержаніе.Вы знаете, что такое убѣжденіе существуетъ въ психологіи издавна, со времени Гоббсса, убѣжденіе,что самые сложные психическіе процессы могутъ быть разложены на ихъ составные элементы,которыми являются или ощущенія,или представленія.Нѣтъ такого сложнаго процесса,котораго нельзя было бы разложить на ощущенія,эти своеобразные психическіе атомы.Юмъ даже такое сложное представленіе, какъ представленіе нашего "я",считалъ возможнымъ свести на совокупность представленій:.Наше"я" есть ничто иное,

какъ пучокъ представленій, это опредѣленная совокупность ощущеній. Въ душевной жизни ничего болѣе не существуетъ кромѣ ощущеній, представляемыхъ нами элементовъ, изъ которыхъ путемъ ассоціаціи можно создать любой процессъ :- познанія, чувства, воли. Эту психологію, которую называютъ сенсуалистической, можно также назвать ассоціативной, потому что она предполагаетъ, что съ помощью ассоціацій могутъ быть созданы самыя сложныя построенія. Ея характерная особенность заключается въ слѣдующемъ: она считаетъ ощущеніе чѣмъ то въ родѣ вещи, фиксированной реальности, которое существуетъ въ душѣ сначала безсознательно, затѣмъ появляется надъ порогомъ сознанія. Для ассоціативной, сенсуалистической психологіи всѣ элементы съ которыми она имѣетъ дѣло, имѣютъ характеръ вещности, вещной реальности.

Но если мы разсмотримъ основной принципъ сенсуалистической психологіи, т.е. то положеніе, что все можетъ быть объяснено изъ ассоціацій,-то мы придемъ къ убѣжденію, что далеко не все можетъ быть объяснено съ помощью ассоціацій. Мы уже разсматривали мнѣніе Юма, что душа, есть совокупность представленій, и видѣли, что путемъ ассоціаціи ощущеній объяснить то, что въ непосредственномъ переживаніи называется субъектомъ, душой, не представляется возможнымъ. Слѣдовательно и сенсуалистическая психологія, признающая, что все можетъ быть объяснено съ помощью только ассоціацій, заставляетъ подумать о другомъ принципѣ, т.е. позволитъ предположить,

что помимо ощущеній есть что нибудь другое, другіе элементы, съ помощью которыхъ можно было бы объяснить душевную жизнь. Я уже имѣлъ случай указывать на нихъ вамъ: эти элементы есть акты; ихъ называютъ еще функціями. Въ послѣднее время признаніе этихъ актовъ, или функцій, привело къ появленію психологіи, называемой функціональной. Представителей этого направленія очень много, особенно въ нѣмецкой психологіи. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой теоріи является Берлинскій психологъ Штумпфъ. Такъ какъ онъ наиболѣе ясно и полно проводитъ эту точку зрѣнія, то я позволю себѣ познакомить васъ съ его взглядами.

Штумпфъ находитъ нужнымъ признать на ряду съ ощущеніями то, что онъ называетъ психическими функціями. До сихъ пор думали, что при объясненіи психической жизни можно обойтись только одними ощущеніями; Штумпфъ думаетъ, что помимо ощущеній, нужно допустить и другіе элементы, каковыми являются функціи. Ощущеніе онъ называетъ явленіемъ - Erscheinung, функція - Function. То, что онъ называетъ явленіемъ, соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ ощущеніемъ, и такое уравненіе, какъ ощущеніе = явленію, можетъ показаться вполнѣ понятнымъ. Явленіемъ по его терминологіи будутъ, напримѣръ, ощущенія тона, звука, цвѣта и т.д. Сюда относится все, имѣющее конкретное содержаніе: протяженность, временное отношеніе - тоже будутъ явленія и т.п. Но рядомъ съ этими явленіями есть функціи. Приведу примѣръ, чтобы вамъ было ясно,

о чемъ онъ говоритъ.

Если возьмемъ такую функцію, какъ обращеніе вниманія,- это есть акты, состоянія; онъ называетъ это Bemerkung - "примѣчаніе". Обратите вниманіе, что здѣсь уже нѣтъ конкретнаго содержанія, а это только процессъ и ничего болѣе. Возьмемъ процессъ сужденія :- S есть P. И S и P есть ощущенія, но если я говору S есть P, въ моемъ умѣ происходитъ извѣстный процессъ, это не то же самое, когда я говорю S и P.

Спрашивается, на какомъ основаніи можно утверждать, что такія функціи имѣются на лицо? Могутъ возразить: у насъ есть ощущенія, представленія, конкретное содержаніе; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, мы исходимъ здѣсь изъ того принципа, что эти наглядно, очевидно, дано непосредственно, чего нельзя сказ ать о функціи. Штумпфъ утверждаетъ, что существованіе функцій дано такъ же непосредственно, какъ существованіе ощущеній, это есть непосредственно данное. На какомъ основаніи мы судимъ о непосредственной данности ихъ? На томъ основаніи, что мы не можемъ описать какое либо явленіе безъ того, чтобы не внести ихъ въ описаніе. Возьмемъ процессъ сужденія и попробуемъ его описать. Если мы скажемъ: есть S и P, есть одно ощущеніе и другое, и остановимся :- описали ли мы сужденіе въ полной мѣрѣ? Конечно, нѣтъ: такое описаніе было бы неполно, у насъ получился бы остатокъ. Сказать, что есть одно ощущеніе и есть другое ощущеніе и замолчать, дальше не итти, это не значитъ описать сужденіе,

потому что въ сужденіи есть еще нѣчто -извѣстная связь,которую мы утверждаемъ или отрицаемъ, которая не есть ощущеніе. Чтобы описать данный психическій процессъ, мы должны нѣчто прибавить,нѣчто, что не есть ощущеніе,Этотъ остатокъ мы и называемъ функціей.Это есть актъ, то что выразить съ помощью представленій, съ помощью конкретнаго содержанія нѣтъ возможности.Штумпфъ утверждаетъ на этомъ основаніи, что существованіе функцій намъ непосредственно не дано.Итакъ,чтобы дать полное описаніе психическаго процесса,кромѣ ощущеній надо признать еще нѣчто данное - ф у н к ц і и.Лишь въ такомъ случаѣ у насъ все будетъ описано сполна.Значитъ кромѣ ощущеній; явленій есть еще одинъ источникъ для всевозможных психическихъ данныхъ; это нѣчто перемѣнное и и есть то, что называется функціей. Функціи, разумѣется, существуютъ благодаря тому, что существуютъ явленія. Функція не есть нѣчто абсолютно безплотное. Въ этомъ отношеніи то, что называется ощущеніемъ, явленіемъ, есть матеріалъ, содержаніе,надъ которымъ оперируетъ то, что называется функціей. Функціи оперируютъ надъ матеріаломъ, который дается ощущеніемъ.Таковы общія соображенія относительно возможности существованія особаго психическаго класса,называемаго функціями

Теперь надо пойти дальше и уяснить, въ какомъ видѣ функціи проявляются въ нашей душевной жизни. Прежде всего,говоритъ Штумпфъ, если мы возьмемъ то, что называется функціями и ощущеніями, мы увидимъ, что признаки, присущіе ощуще-

ніямъ, не присущи функціямъ. Возьмемъ напримѣръ, звуковое ощущеніе: ему мы приписываемъ интенсивность; тогда какъ тому, что называется функціей, интенсивность не приписывается, здѣсь есть другіе, свои собственные признаки. Сужденіе есть функція: ему нельзя приписать интенсивность, но можно приписать то, что приписать ощущенію нельзя, - очевидность. Въ этомъ отношеніи мы видимъ различіе между тѣмъ, что называется функціей и что называется ощущеніемъ, или по терминологіи Штумпфа, явленіемъ.

Теперь я приведу рядъ примѣровъ, такъ какъ сразу трудно схватить то, что называется функціей, актомъ. То что называется функціей и явленіемъ, ощущеніемъ, есть два разнородныхъ класса психическаго. Штумпфъ справедливо выставляетъ такое положеніе: мы можемъ признать, что функція измѣняется въ то время, когда матеріалъ, явленіе не измѣняется. Эта независимость измѣненія указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то самостоятельнымъ. Функція связана съ ощущеніемъ, но можетъ измѣняться въ то время, когда явленіе остается неизмѣннымъ.

Я надѣюсь, что на примѣрѣ вамъ сдѣлается яснымъ, что называется функціей. Возьмемъ явленіе - аккордъ c, e, g, по терминологіи Штумпфа это есть явленіе. Я слушаю и воспринимаю аккродъ, но воспринимая аккордъ, я отмѣчаю, что въ этомъ комплексѣ ощущеній есть одно ощущеніе, пусть это будетъ ощущеніе C; я замѣчаю его, воспринимаю, обращаю на него вниманіе, по терминологіи Штумпфа, я подмѣчаю, что въ этомъ явленіи есть извѣстный тонъ, извѣстное ощущеніе. Спрашивается,

произошло ли въ явленіи какое-нибудь измѣненіе или нѣтъ?Явленіе осталось неизмѣннымъ:какъ было три тона,такъ они и остались;но въ воспріятіи произошло измѣненіе.Я воспринялъ аккордъ,черезъ секунду я замѣтилъ тонъ Е;всѣ три тона продолжаютъ звучать,явленіе осталось неизмѣннымъ,но въ воспріятіи произошло измѣненіе.Содержаніе не измѣнилось,а функція измѣнилась.На этомъ ясно можно видѣть,что различіе частей въ какомъ нибудь комплексѣ,сложномъ явленіи таково,что явленіе остается неизмѣннымъ,функція же измѣняется.Благодаря измѣненію функціи, акта, произошло то, что я отмѣтилъ тонъ Е;затѣмъ С и т.д., а явленіе въ тоже время осталось неизмѣннымъ.

Возьмемъ другой примѣръ,на которомъ можно показать,что явленіе, данный матеріалъ остается неизмѣннымъ,когда функція мѣняется. Пусть будутъ у насъ ощущенія А и а.Это явленіе, матеріалъ, къ которому можно присоединить функцію-функцію сравненія, сужденія, устанавливанія отношенія.Я говорю: А больше чѣмъ а . Въ содержаніи ничего не измѣняется; явленіе остается неизмѣннымъ, а въ функціи произошло измѣненіе. Я могу сказать : А больше а, А пріятнѣе а, А раньше совершилось чѣмъ а. Функція, актъ, слѣдовательно,измѣняется.Установленіе извѣстнаго отношенія есть дѣло того, что мы называемъ функціей, актомъ.

Пусть имѣются на лицо элементы а, в, с, д, е, f .. п р. g . простыя ощущенія, я могу объединить ихъ въ извѣстное цѣлое, въ извѣстную фигуру, въ опредѣленный четыреугольникъ въ данномъ случаѣ Это объединеніе есть функція, оно

не дано въ ощущеніе;есть продуктктъ функціи, а не содержится въ конкретно данномъ.

Еще лучше это можно замѣтить въ звукахъ:даны звуки а в с д е f g h u и т.д. Эти звуки даны въ извѣстной послѣдовательности, я смогу ихъ раздѣлить на части: а в с /д е f g h u ;смогу объединить ихъ въ одно цѣлое, такъ что получается :-гекзаметръ:отдѣльные звуковые элементы слѣдуютъ другъ за другомъ,раздѣляются на части,имѣютъ опредѣленное удареніе и составляютъ одно цѣлое.Это важно для иллюстраціи того,что :- такое функція,Въ явленіи были звуки и больше ничего,все остальное привнесено:дѣленіе на части и объединеніе въ одно цѣлое.Это расчлененіе,объединеніе есть функція, актъ, не есть содержаніе, дающееся извнѣ; это сознательное привнесеніе.Съ этимъ же матеріаломъ я могъ бы расporядиться иначе : раздѣлить иначе.Матеріалъ остается безъ измѣненія,когда устанавливаемое между элементами отношеніе может мѣняться въ зависимости отъ своеобразія функціи,которой я пользуюсь.

Понятіе функціи оказывается чрезвычайно важнымъ въ образованіи понятій,общихъ представленій;Это необычайно загадочный процессъ: даются отдѣльныя представленія,изъ этихъ отдѣльныхъ представленій создаются какимъ то образомъ общія представленія.Старый взглядъ былъ слѣдующій:даются представленія a_1, a_2, a_3 :въ суммѣ получается представленіе А, что нѣчто въ родѣ средняго разрѣза.Мнѣніе, будто для образованія общихъ представленій, понятій эти индивидуальныя

представленія,ощущенія играютъ главную роль,это мнѣніе несправедливо.Мы можемъ имѣть какое-нибудь представленіе а, которое можетъ считаться неизмѣннымъ,когда значеніе его, смысл мѣняется,Я не буду долго останавливаться на томъ,потому что говорилъ уже достаточно,повторяю только,что мысли могутъ мѣняться,тогда когда слово,единичное представленіе остается неизмѣннымъ.Матеріалъ,явленіе остается неизмѣннымъ,а смысл,значеніе измѣняется,потому что общее представленіе, понятіе есть функція,актъ,который можетъ мѣняться независимо отъ смѣны содержанія.

Сужденіе тоже есть функція,и поэтому объяснить сужденіе съ помощью двухъ ощущеній мы были бы безсильны.Попытки психологовъ,какъ напримѣръ,Цигена,свести сужденія къ простой ассоціации нелѣпы.Ассоціація S - P и сужденіе S есть P - двѣ совершенно различныя вещи.При данныхъ S и P я могу сказать: S есть P, S не есть P, я могу принять и отвергнуть, S есть P мнѣ кажется очевиднымъ,но можемъ казаться и неочевиднымъ. Возьмемъ сужденіе S есть P ; оно кажется очевиднымъ. Теперь спрашивается, что эта очевидность есть какое-нибудь ощущеніе, какое -нибудь представленіе, какое нибудь конкретное содержаніе ? Конечно, вы дадите отрицательный отвѣтъ: очевидность не есть конкретное содержаніе,не есть ощущеніе, не есть представленіе, это есть тотъ остатокъ,который мы называемъ функціей.Итакъ, въ сужденіи есть элементы,которые къ ощущенію сведены быть не могутъ , и которые мы называемъ

актами,функціями.

Теперь я приведу послѣдній примѣръ относительно воли.Что такое воля?Постоянно дѣлаются попытки свести волю на ощущеніе.Мюнстербергъ,напримѣръ,говоритъ,что воля есть совокупность ощущеній;и больше ощущеній въ ней ничего нѣтъ.Но я думаю, что Мюнстербергъ не правъ,потому что свести волю на простыя ощущенія невозможно и потому волю надо считать относящейся къ элементамъ,которые называются функціями,это то,что дѣйствуетъ,но чему опредѣленнаго конкретнаго содержанія подобрать нельзя.Извѣстное чувственное содержаніе не мѣняется,а отношеніе къ нему мѣняется.Это находится въ зависимости отъ того, что воля есть функція.

Мы видѣли, что явленіе не мѣняется въ то время какъ функція мѣняется.Но возможно и обратное,-явленіе измѣняется, а функція не мѣняется.Напримѣръ:я,всѣ здѣсь присутствующіе заняты какимъ нибудь дѣломъ,мы относимся къ нему очень внимательно;внезапно въ комнатѣ наступаетъ темнота,но мы ее не замѣчаемъ.Здѣсь явленіе мѣняется, а функція не мѣняется, такъ какъ мы не замѣчаемъ темноты и продолжаемъ заниматься своимъ дѣломъ.Это доказываетъ,что явленіе можетъ мѣняться, когда функція не мѣняется.

Вотъ соображенія,которыя можно привести въ доказательство того,что для объясненія психическихъ явленій,для объясненія психическаго міра вообще,обойтись одними ощущеніями нельзя, надо признать и то, что я раньше называлъ актами, что Штумпфъ называетъ функціями, то,что имѣетъ дѣй-

ственное значеніе,но не имѣетъ конкретнаго содержанія.

Вотъ что надо было сказать относительно функціональной психологіи.Я ничего не могу прибавить къ этому,сказать считаю ли правильной или неправильной?Я неоднократно говорилъ объ этомъ и въ курсѣ психологіи и въ теоріи познанія;я хотѣлъ лишь выяснить,что сенсуалистическая психологія не права,признавая, что все сводится къ ощущеніямъ,не права потому что надо добавить еще нѣчто,что объединяется въ понятіи акта,функціи.Я не говорю о томъ, что при такомъ допущеніи психическія явленія представляются совсѣмъ въ другомъ видѣ.

Это открытіе играетъ огромную роль для психологическаго анализа,оно убѣдило,что не все далеко можетъ быть объяснено съ помощью ощущеній,ассоціацій.Я пользуюсь случаемъ указать,какъ при такой точкѣ зрѣнія ученіе о мозговой локализаціи должно измѣниться.Является необходимымъ пересмотрѣть все,то что до сихъ поръ было принято въ ученіи о мозговой локализаціи.Психологи,державшіеся взгляда, что все складывается изъ ощущеній,говорятъ,что процессъ рѣчи,напримѣръ,локализуется въ особыхъ мозговыхъ клѣткахъ,которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя ощущенія.Если это вѣрно, то куда дѣвать функціи ? Если они или ихъ нѣтъ? Психологическій анализъ показываетъ, что есть. Гдѣ же онѣ имѣютъ мѣсто въ мозгу?Въ ближайшее время,когда психологія проникнется оснаніемъ,что кромѣ ощущеній,явленій,есть еще акты или функціи,придется показать, что все до сихъ поръ найденное справедливо только для ощущеній и ассоціацій,но неправедливо для функцій,

Этимъ вопросомъ придется рѣшительно заняться и, вѣроятно, придется иначе понимать локализацію функцій, чѣмъ локализацію явленій.

Вы видите такимъ образомъ, съ какими важными послѣдствіями связано признаніе положенія, что далеко не все объясняется ощущеніями, а надо еще допустить то, что называется актомъ.

Въ связи съ классификаціей душевныхъ явленій, душевныхъ способностей, я разберу въ слѣдующій часъ вопросъ объ индивидуальной психологіи.

Мы разсмотрѣли вопросъ о душевныхъ способностяхъ. Если мы имѣемъ такъ называемыя познанія, чувства, рѣшенія, то благодаря тому, что у насъ есть извѣстныя способности: способность познавать, способность чувствовать, способность рѣшать. На ряду съ такими общими способностями можно поднять вопросъ о, такъ называемыхъ, врожденныхъ способностяхъ, т.е. о такихъ способностяхъ, которыя не могутъ быть объяснены какимъ либо воздѣйствіемъ извнѣ. О такихъ способностяхъ можно говорить по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, къ классамъ лицъ, людямъ вообще. Подъ врожденной способностью я разумѣю, напримѣръ, - такую особенность, что какое-нибудь лицо можетъ запомнить чрезвычайно много. Мы можемъ сказать, что эта способность имѣетъ характеръ врожденный, потому что объяснить ее съ помощью индивидуальнаго опыта не представляется возможнымъ. У нѣкоторыхъ людей, наоборотъ, память бываетъ настолько понижена,

настолько слаба, что они не могутъ долго помнить самыхъ простыхъ вещей. Существованіе способностей, которыя не пріобрѣтаются отдѣльными индивидуумами, а присущи имъ отъ рожденія, заставляетъ поднять вопросъ объ индивидуальныхъ психическихъ особенностяхъ, т.е. объ особенностяхъ, которыя присущи тѣмъ или другимъ индивидуумамъ, которыя отличаютъ ихъ отъ людей, взятыхъ въ среднемъ. Если способность памяти у однихъ людей выше, у другихъ ниже средней нормы, такого рода особенность представляетъ большой интересъ для психолога. Но здѣсь какъ будто противорѣчіе съ такой задачей, которую ставитъ себѣ психологія. Мы говорили, что задача психологіи заключается въ томъ, чтобы отыскать законы психической жизни, отыскать что нибудь общее, типическое; а теперь мы говоримъ, что интересно отыскать и индивидуальное, то что свойственно отдѣльнымъ индивидуумамъ.

Существованіе индивидуальныхъ способностей породило особое направленіе психологіи, которую можно назвать и н д и в и д у а л ь н о й психологіей, дифференціальной психологіей или х а р а к т е р о л о г і е й. Задача индивидуальной психологіи заключается въ томъ, чтобы отыскать индивидуальныя особенности, т.е. особенности присущія тѣмъ или другимъ индивидуумамъ. Это чрезвычайно важно и въ практическомъ отношеніи и въ теоретическомъ отношеніи. Въ старой психологіи царило убѣжденіе, что всѣ люди по своимъ способностямъ похожи другъ на друга. Экспериментальныя изслѣдованія привели къ мысли, что среди людей существуетъ необыкно-

венное разнообразіе благодаря индивидуальнымъ особенностям. Раскрыть эти особенности - задача индивидуальной психологіи. Старая психологія имѣла большой предразсудокъ, думая, что люди въ среднемъ приближаются другъ къ другу, а между тѣмъ они по своимъ психическимъ свойствамъ такъ же отличаются другъ отъ друга, какъ и по физическимъ особенностямъ - по росту, цвѣту кожи, волосъ, глазъ и т.д. Найти человѣка во всем похожаго физически на другого нѣтъ никакой возможности. Я бы сказалъ, что это справедливо и по отношенію къ психической жизни; отыскать человѣка во всемъ похожаго на другого - нѣтъ возможности, особенно если принять въ соображеніе изслѣдованія, сдѣланныя въ послѣднее время. Поэтому отысканіе индивидуальныхъ особенностей представляетъ научный интересъ. Эти индивидуальныя особенности имѣютъ извѣстный закономѣрный характеръ; нѣкоторыя особенности присущи не только отдѣльнымъ индивидуумамъ, но цѣлымъ группамъ индивидуумовъ, классамъ индивидуумовъ; и эти такъ называемыя индивидуальныя особенности перестаютъ въ такомъ случаѣ быть индивидуальными, становятся т и п и ч е с к и м и, пріобрѣтаютъ типическій характеръ. Вслѣдствіе этого задача индивидуальной психологіи должна заключаться въ томъ, чтобы отыскать индивидуальныя особенности, это отклоненіе отъ нормы, и указать въ какой мѣрѣ встрѣчаются эти особенности, которыя бываютъ присущи не только отдѣльнымъ индивидуумамъ, но цѣлымъ классамъ, извѣстнымъ профессіямъ, извѣстнымъ народамъ, расамъ. По-

этому задача индивидуальной психологіи можетъ быть опредѣлена такъ: она должна описать особенности, классифицировать ихъ и отыскать, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь типическаго. Я поясню это послѣднее примѣромъ.

Было время, когда понятіе памяти употреблялось безъ всякаго различія. Въ концѣ 70-хъ гг. французскій психологъ Шарко открылъ, что есть типичныя особенности памяти: одни индивидуумы отличаются тѣмъ, что по преимуществу воспроизводятъ образы зрительные, другіе - слуховые и т.д. Дальнѣйшія изслѣодванія показали, что эти особенности присущи не отдѣльнымъ только индивидуумамъ, а цѣлымъ классамъ и особенности сдѣлались такимъ образомъ типичными. Мы дѣлимъ теперь людей по ихъ памяти на типы зрительный, слуховой, двигательный, смѣшанный и т.д.

Мы можемъ отмѣтить различные виды вниманія: вниманіе концентрированное и распредѣленное. Есть люди, которые обративъ вниманіе на вещь, могутъ такъ интенсивно воспринимать, мыслить эту вещь, что не будутъ замѣчать ничего другого. Но съ другой стороны, есть люди, которые могутъ распредѣлять свое вниманіе на цѣлый рядъ предметовъ. Я могу относительно индивидуума А сказать, что у него концентрированное вниманіе, тоже относительно В, С и т.д. - всѣ они составляютъ одинъ типъ.

Мы можемъ разсмотрѣть какія-нибудь другія особенности. Напримѣръ, по отношенію къ волѣ мы дѣлимъ людей на

людей, съ сильной волей и съ слабой волей. Этотъ признакъ есть типическій. Есть люди, которые склонны отыскивать сходство въ предметахъ, другіе предрасположены къ тому, чтобы отыскивать различія между вещами. Есть люди, у которыхъ преобладаетъ ассоціація по смежности; излагая что-нибудь, они излагаютъ все, всѣ подробности, мелочи, что къ дѣлу может и не относиться. Такихъ людей очень много. Мы отличаемъ умъ продуктивный и рецептивный. Есть люди съ продуктивнымъ умомъ, особенно среди писателей, ученыхъ, которые настолько оригинальны, настолько отдаются личному творчеству, что не въ состояніи даже читать чужія книги, видятъ тамъ только свои собственныя мысли. У нихъ не хватаетъ терпѣнія читать чужое, они не въ состояніи войти въ сферу чужихъ мыслей. Бываютъ люди съ умомъ рецептивнымъ, которые способны только воспринимать чужое, отъ себя же внести что-нибудь они не въ состояніи. Въ каждомъ классѣ душевныхъ явленій можно найти такія индивидуальныя особенности - въ способности познаніи, воли, чувства и т.д. Такія индивидуальныя особенности могутъ быть безконечно разнообразны.

Если бы мы ограничились только описаніемъ различныхъ особенностей, науки не могло бы быть. Мы должны искать въ нихъ типическое. Но почему типическое представляется важнымъ? Почему всюду и все классифицируется ?

Здѣсь я сдѣлаю экскурсъ въ область логики, чтобы выяснить, почему важно типическое, что является полезнымъ въ классификаціи.

Если мы относимъ въ какой-нибудь классъ группу представленій, важно, чтобы въ этомъ классѣ мы установили связь между отдѣльными признаками, такую связь, чтобы одинъ признакъ влекъ за собой сейчасъ же другой признакъ. Возьмемъ классъ А, которому присущъ признакъ а, влекущій за собой другіе признаки. Если связь между ними такова, то по одному признаку мы будемъ умозаключать о другихъ признкахъ. Такъ въ химіи по извѣстному признаку мы судимъ, что данное вещество вредно, полезно, ядовито и т.д. Мы относимъ вещь въ извѣстный классъ, потому что есть признакъ В, а по нему мы судимъ, что долженъ быть и признак С. Если такъ обстоитъ дѣло въ естествознаніи, важно, чтобы то же самое было и въ классификаціи душевныхъ особенностей. Если бы мы придумали такую классификацію, чтобы взаимная связь особенностей была такова, что по одной особенности можно было судить о другой, эти типы были бы чрезвычайно полезны въ практическомъ отношеніи. Иллюстрирую это съ помощью примѣра.

Положимъ, я замѣтилъ у какого-нибудь индивидуума способность концентрированнаго вниманія и замѣтилъ, что у него въ то же время прекрасное запоминаніе. Я могу сказать, что вниманіе и запоминаніе-двѣ другъ съ другомъ связанныя способности. Если можно сказать, что у кого концентрированное вниманіе, у того хорошее запоминаніе, если можно сказать, что существуетъ такая связь, то это будетъ чрезвычайно важно въ практическомъ отношеніи. И слѣдовательно, такого рода

классификація явленій чрезвычайно важна.

Англійскій ученый Гальтонъ, изслѣдуя воспроизводящую память, воображеніе, нашелъ, что у нѣкоторыхъ ученыхъ эта способность слаба; это объясняется ими тѣмъ, что они много занимаются отвлеченнымъ мышленіемъ. Можно выставить положеніе, что отвлеченное мышленіе не совмѣстимо съ способностью воспроизведенія. Гдѣ, слѣдовательно, сильно развита способность отвлеченнаго мышленія, тамъ слабо развита способность воспроизведенія.

Вотъ въ чемъ заключается конечная задача индивидуальной психологіи. Если бы она была въ состояніи ее разрѣшить, она оказалась бы очень полезной наукой въ практическомъ отношеніи. Индивидуальная психологія претендуетъ на то, чтобы быть практически полезной наукой. Вотъ почему эта отрасль психологіи пользуется въ настоящее время, особенно у насъ большимъ вниманіемъ.

Надо признать, что индивидуальная психологія оказалась чрезвычайно важной для педагогическихъ цѣлей: она убѣдила, что нельзя всѣхъ школьниковъ нивеллировать, что слѣдуетъ принимать во вниманіе индивидуальныя особенности каждаго, такъ какъ путемъ изслѣдованій выяснилось большое разнообразіе въ различныхъ способностяхъ дѣтей.

Сторонники индивидуальной психологіи идутъ дальше. Они говорятъ: разъ будутъ установлены законы индивидуальной психологіи, установлены типы, то можно будетъ предугадывать дѣй-

ствія, поступки, которые способенъ совершить извѣстный человѣкъ. Разъ мы знали бы, что извѣстная способность связана съ извѣстнаго рода реакціей, это было бы чрезвычайно важно въ практической жизни. Въ этомъ смыслѣ индивидуальная психологія является практически необычайно важной наукой.

Но здѣсь возникаетъ большое сомнѣніе: дѣйствительно ли возможно построить такую психологію, при помощи которой можно было бы предсказывать человѣческія дѣйствія, можно было бы опредѣлить, что представляетъ изъ себя данное лицо, въ чем сущность данной личности? Мы должны отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ: такой практической цѣли, какъ психогнозисъ, предугадываніе, такой цѣли индивидуальная психологія не можетъ ставить: человѣческія дѣйствія тамъ сложны, что нѣтъ возможности установить какія нибудь правила для предугадыванія ихъ. Я отношусь отрицательно къ такой практической задачи индивидуальной психологіи. На мой взглядъ задача индивидуальной психологіи должна ограничиться однимъ: отмѣтить существованіе индивидуальной особенности и изучить ее на возможно большемъ числѣ лицъ, дальше итти нельзя. Я подмѣчаю случайно, что то или другое лицо въ томъ или другомъ случаѣ реагируютъ извѣстнымъ образомъ; затѣмъ я подмѣчаю, что у другого, третьяго, десятаго наблюдается такая же реакція, а у одинадцатаго, дѣло обстоитъ иначе; это и есть индивидуальная особенность даннаго лица; я ее изучаю на другихъ лицахъ и, если нахожу, отмѣчаю, что есть такая индивидуальная особенность. Дальше этого индивидуальная психоло-

гія итти не можетъ. Но среди психологовъ держится мнѣніе, что можно сдѣлать гораздо больше. Для разрѣшенія этой задачи примѣняется въ послѣднее время способъ изслѣдованія, который они называютъ характеристикой личности. Это практическое рѣшеніе задачи встрѣчаетъ большія затрудненія. Дѣло въ томъ, что отыскать такіе признаки, по которымъ можно было бы составить характеристику данной личности, трудно. Что мы можемъ сказать о чувствахъ, волѣ и умѣ человѣка?- что у него чувства страстныя, воля сильная, умъ развитой. Мы же знаемъ, что умственная дѣятельность, дѣятельность чувствъ, воли раскрывается въ необычайномъ разнообразіи, и признаки, съ помощью которых можно было отличить одно чувство отъ другого, одну волю отъ другой, до сихъ поръ не найдены, до сихъ поръ не найдены еще признаки, съ помощью которыхъ можно изучать индивидуальныя особенности. Одна изъ попытокъ въ этомъ отношеніи сдѣлана мюнхенскихмъ психологомъ Кренелиномъ. Онъ отыскалъ о с-н о в н ы я р а з л и ч і я, съ помощью которыхъ вы должны оцѣнивать, изслѣдовать ту или другую личность. Такія основныя различія и предложилъ Кренелинъ, онъ нашелъ 10 признаковъ. Прежде всего надо обратить вниманіе на временное отношеніе, которое существуетъ между психическими процессами, т.е. оцѣнить съ точки зрѣнія протеканія во времени психическихъ процессовъ. Есть личности, которыя скоро воспринимаютъ то или другое впечатлѣніе, у которыхъ ассоціаціи, волевыя движенія протекаютъ быстро, репродукціи быстрыя и т.д. Другія же лица таковы, что у нихъ волевые процессы, ас-

соціаціи протекаютъ медленно,также медленно они воспринимаютъ и впечатлѣнія. Можно отыскать норму, среднюю цифру скорости протеканія волевыхъ рѣшеній,репродукціи и т.д.Тогда оказалось бы,если вы опредѣлите скорость протеканія психическихъ процессовъ у даннаго лица,если она выше или ниже нормы,то это является характернымъ для даннаго лица.Такимъ образомъ скорость протеканія психическихъ процессовъ можно считать признакомъ,отличающимъ даннаго индивидуума отъ другихъ.

2-ое основное различіе онъ называетъ способностью къ упражненію.Одни лица могутъ изучать извѣстную вещь,извѣстное дѣйствіе быстро,другія :- медленно. На однихъ упражненіе оказываетъ дѣйствіе скоро, а другихъ :-медленно:то что одни могутъ сдѣлать съ помощью 3, другіе- только съ помощью 10 движеній.Это тоже хорошо характеризуетъ психофизическую способность даннаго индивидуума.

3-ье основное различіе называется прочностью упражненія;т.е, нѣкоторыя лица,пріобрѣтя,напримѣръ,какое-нибудь знаніе,скоро забываютъ его,у другихъ оно держится продолжительное время,

4- ая особенность :- дѣятельность специальной памяти, т,е, у однихъ въ теченіе долгаго времени сохраняются представленія,которыя были пріобрѣтены, у другихъ они ускользаютъ быстро.Количество представленій,остающихся въ памяти, есть показатель вліянія специальной памяти.

5. - воспріимчивость или приспособляемость :одни приспособляются скоро, для другихъ приспособленіе требуетъ продолжительнаго времени.

6.- утомляемость.

7.- способность возстановленія:одни хотя и утомляются, но могутъ скоро возстановить нервную энергію, другіе - медленно.

8.- глубина сна

9.- отклоняемость и т.д.

Я привелъ методы составленія характеристикъ по Крепелину,потому что считаю,что его примѣты одни изъ наилучшихъ по своему общему характеру.Другіе предлагаютъ свои классификаціи,которыя на мой взглядъ совсѣмъ не выдерживают критики.

По моему мнѣнію,повторяю,задача индивидуальной психологіи заключается въ томъ,чтобы подмѣчать индивидуальныя различія,отыскивать нѣчто типическое,но дальше итти ей не слѣдуетъ.

У насъ въ Россіи наибольшимъ вниманіемъ пользуется именно индивидуальная психологія.Объясняется это тѣмъ,что она хочетъ изъ области чисто теоретической перейти въ область практики,занимается вещами полезными въ практическомъ отношеніи.Это обнаруживается въ характеристикахъ личности, въ тѣхъ школьныхъ характеристикахъ, которыя ведутся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти характеристики ведутся по извѣстной схемѣ.На помощь имъ пришелъ пр.-доц.Лазур-

скій, составившій схему, съ помощью которой можно было бы вести эти характеристики.

Познакомлю вас съ его схемой.

Надо отмѣтить, каковъ ученикъ по отношенію къ чувству, воспроизведенію, памяти, мышленію, какова у него способность умозаключенія, каковъ объемъ вниманія, способность къ отвлеченію, правильно ли онъ обосновываетъ заключенія и т.д. Вы узнаете, что аффекты велики, внѣшнія проявленія аффектовъ велики, веселое настроеніе смѣняется грустнымъ и т.д. По этому примѣру Лазурскій составилъ характеристики нѣсколькихъ учениковъ, отмѣтилъ, каковы они, каковы ихъ способности, какъ ведутъ себя и т.д. Но для чего нужны эти характеристики? Лазурскій говоритъ, что это имѣетъ двоякое значеніе: принципіальное, чтобы вообще умѣть составлять характеристики, и практическое, такъ какъ на основаніи этихъ характеристикъ, того матеріала, который онѣ даютъ, можно сдѣлать выводъ для построенія науки, которая называется характерологіей, и такимъ образомъ типами характеровъ можно будетъ пользоваться для цѣлей практическихъ. Это послѣднее совершенно невѣрно. Изъ характеристикъ Лазурскаго нельзя сдѣлать выводовъ. Это рядъ біографій, какіе выводы можно сдѣлать изъ нихъ, я не представляю. Построеніе характеристики я считаю по существу неразрѣшимой вещью, какъ въ физикѣ - perpetuum mobile.

О Б Ъ   О Щ У Щ Е Н І Я Х Ъ.

Сегодня я предполагаю разсмотрѣть вопросъ о природѣ ощу-

шеній. Ощущенія принято считать простѣйшимъ классомъ психическихъ явленій, простѣйшія, разумѣется, въ условномъ смыслѣ, - именно, если мы разсматриваемъ ихъ абстрактно, выдѣляя изъ сложныхъ соединеній, - въ которыхъ они встрѣчаются. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ощущеніе есть простѣйшій психическій процессъ, и съ ощущеній можно начать изученіе психологіи.

Прежде всего необходимо дать опредѣленіе того, что называется ощущеніемъ. Роль опредѣленій въ наукѣ чрезвычайно важна : въ опредѣленіи, такъ сказать, сжимаются самыя существенныя стороны какого-нибудь явленія. Въ этомъ отношеніи мы наталкиваемся на рядъ трудностей. Какъ опредѣлить, что такое ощущеніе ? Возьмемъ нѣсколько опредѣленій. Первое, болѣе популярное нашло себѣ выраженіе у австрійскаго психолога Іодля. Онъ такъ приблизительно опредѣляетъ ощущеніе : вслѣдствіе раздраженія или возбужденія, идущаго отъ периферическихъ органовъ, у насъ въ центральномъ органѣ возникаетъ состояніе сознанія, въ которомъ мы внутренне переживаемъ нѣчто, количественно и качественно опредѣленное.: привнесеніе Іодлемъ нѣкоторыхъ физіологическихъ чертъ можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Онъ говоритъ - отъ периферіи идетъ раздраженіе въ центръ; его буквальное выраженіе :"въ центрѣ появляется состояніе сознанія, въ которомъ мы внутренно переживаемъ нѣчто, количественно и качественно опредѣленное". Разъ онъ ввелъ физіологическій элементъ, такой способъ выраженія сомнителенъ : въ центрѣ никакого состоя-

нія сознанія нѣтъ.

Іодлевское опредѣленіе въ этомъ смыслѣ мы можемъ отбросить и взять другое, болѣе безукоризненное опредѣленіе, принадлежащее Вундту.Онъ говоритъ приблизительно такъ : вообще во всякомъ процессѣ испытыванія чего нибудь имѣется налицо два фактора - содержаніе опыта и познающій субъектъ.Вслѣдствіе ихъ взаимодѣйствія мы получаемъ въ качествѣ содержанія опыта нѣчто объективное - элементарное ощущеніе, простѣйшее ощущеніе, какъ напр.,ощущеніе тона, ощущеніе звука, ощущеніе цвѣта и т.д. Тѣ элементы ,которые имѣютъ характеръ субъективный, мы будемъ назы вать чувствами въ отличіе отъ ощущеній. Данное опредѣленіе характеризуется тѣмъ, что въ немъ нѣтъ элементовъ физіологическихъ. Въ моментъ испытыванія имѣется налицо два фактора - испытывающій субъектъ и нѣкоторое объективное содержаніе, а въ результатѣ ихъ взаимодѣйствія получаются элементы, имѣющіе объективный характеръ, - ощущенія, къ которымъ присоединяются элементы субъективнаго характера - чувства. По мнѣнію Вундта,вслѣдствіе воздѣйствія чего - то внѣшняго получаются двойственныя состоянія сознанія : съ одной стороны, нѣчто объективное, имѣющее объективное содержаніе - ощущенія, а , съ другой, вмѣстѣ съ этимъ и нѣчто субъективное - чуства. Такое дѣленіе предлагалось неоднократно и мной. Его надо разсмотрѣть, потому что съ извѣстной стороны оно многими оспаривается.

То, что называется содержаніемъ ощущенія, имѣетъ объективный характеръ. Я испытываю зеленый цвѣтъ, который мнѣ

пріятенъ: зеленый цвѣтъ есть извѣстное содержаніе, имѣющее объективный характеръ, которое я приписываю вещи, внѣ меня находящейся; но вмѣстѣ съ ощущеніемъ связано и чувство удовольствія, которое я не могу отнести къ самой вещи, такъ какъ оно имѣетъ явно субъективный характеръ. То, что имѣетъ субъективный характеръ, -удовольствіе, страданіе - есть чувства въ отличіе отъ ощущеній.

Въ былое время въ психологіи и чувства, и ощущенія смѣшивались, Въ послѣднее время психологи считаютъ извѣстнымъ пріобрѣтеніемъ то, что такое раздѣленіе было произведено. У насъ есть извѣстный критерій для раздѣленія: если простѣйшее состояніе сознанія отличается объективнымъ характеромъ, то оно есть ощущеніе, если ему свойственна субъективность, то оно есть чувство.

Казалосьбы, все укладывается въ строго опредѣленныя рамки. Но не особенно давно берлинскій психологъ Штумпфъ нашелъ, что это раздѣленіе не выдерживаетъ критики. Штумпфъ находитъ, что физическія чувства, чувства, связанныя съ органическими ощущеніями и ощущеніями органовъ чувствъ, всѣ должны быть причислены къ ощущеніямъ. Вотъ что это значитъ : ощущеніе боли считается чувствомъ ; голодъ имѣетъ два элемента - ощущеніе и чувство; въ испытываніи жажды тоже 2 момента - ощущеніе жажды и непріятное чувство, связанное съ эимъ ощущеніемъ , Штумпфъ утверждатъ, что всѣ элементарныя чувства должны быть отнесены въ классъ ощущеній. Нѣтъ никакихъ основа-

ній, чтобы эти чувства выдѣлялись въ особый классъ.

Это заявленіе ,идущее со столь авторитетной стороны совершенно нарушаетъ принятую классификацію. Съ нимъ приходится считаться, т.е. или вводить предлагаемую поправку, или отстаивать общепринятую точку зрѣнія.

Какъ, однако, аргументируетъ Штумпфъ? Почему надо эти чувства относить въ одинъ классъ ощущеній?

Возьмемъ чувство боли,которое мы испытываемъ,когда кожа раздражена извѣстнымъ образомъ, напримѣръ, чувство отъ ожога пальца.Мы считаемъ, что это есть чувство въ собственномъ смыслѣ слова. Положимъ, у меня простое поврежденіе кожи - царапина, я испытываю чувство боли, чувство, имѣющее субъективный характеръ. По мнѣнію Штумпфа,это есть ощущеніе.Надо замѣтить, что въ послѣднее время было найдено, что въ для такихъ ощущеній,какъ ощущеніе тепла,ощущеніе холода, ощущеніе прикосновенія, въ кожѣ существуютъ отдѣльные органы,которые производятъ болевое чувство.Это дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что чувство тепла и ощущеніе холода ялвляются родственными.Но Штумпфъ приводитъ другія соображенія.Онъ говоритъ, что принятый принципъ дѣленія простѣйшихъ состояній на субъективныя и объективныя не выдерживаетъ критики, если разсмотрѣть отдѣльные примѣры : и чувство, и ощущенія надо относить въ одинъ классъ уже потому одному, что признаки "объективное и субъективное " одинаково не приложимы или одинаково приложимы, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ.

Это положеніе Штумпфа весьма спорно. Оно создаетъ большое затрудненіе для прежней классификаціи. Въ самомъ дѣлѣ: цвѣтъ - объективное качество или нѣтъ? Вотъ кусокъ сахару, онъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ. Я этотъ цвѣтъ ощущаю, какъ нѣчто объективно присущее сахару, вещи, внѣ насъ находящейся. Возьмите другое качество и посмотрите, съ чѣмъ вы будете имѣть дѣло. Сахаръ имѣетъ сладкій вкусъ. Что это такое, - ощущеніе или нѣтъ? Имѣетъ ли вообще ощущеніе сладости объективный или субъективный характеръ? Принадлежитъ ли сахару сладость такъ же, какъ и бѣлый цвѣтъ, или она имѣетъ субъективный характеръ? Испытываю ли я сладость въ томъ же смыслѣ субъективно, какъ страданіе, удовольствіе и т.д.? Ощущеніе сладости, по мнѣнію Штумпфа, имѣетъ субъективный характеръ. То же самое можно сказать по отношенію къ большинству запаховъ, и въ извѣстной степени это справедливо для тоновъ и шумовъ: они таковы, что вещамъ приписаны быть не могутъ и имѣютъ такой же субъективный характеръ, какъ удовольствіе, страданіе и т.п.

Можно привести и другіе примѣры. Возьмемъ такой случай: въ жаркій лѣтній день мы пьемъ прохладное вино; оно вызываетъ въ насъ пріятное чувство. Разсмотримъ эти двѣ характеристики. Я говорю - вино прохладно, что я этимъ хочу сказать? Я хочу сказать, что этой объективной вещи присуще извѣстное качество - прохладность. Оно имѣетъ субъективный характеръ. Но если я утверждаю, что вино пріятно, то не въ томъ ли самомъ смыслѣ вину приписывается пріятность, какъ

и прохладность? По моему мнѣнію,отвѣчаетъ Штумпфъ,-въ одномъ.

Чтобы можно было сказать, правъ Штумпфъ или же нѣтъ, - дѣйствительно ли можно считать, что пріятность имѣетъ субъективный характеръ, а прохладность объективный, или же имъ принадлежитъ одинаковый характеръ,-приходится обратиться къ самонаблюденію,какъ единственному с п о с о б у провѣрки.

Возьмемъ еще примѣръ. Бумага имѣетъ гладкую поверхность. Я испытываю пріятное чувство,когда провожу рукой по поверхности.Пріятность и гладкость: пріятность - чувство, гладкость - ощущеніе; гладкость,- нѣчто объективное,принадлежащее вещи, пріятность - нѣчто субъективное, принадлежащее нашему"Я".Я отрицаю правильность такого дѣленія, говоритъ Штумпфъ: вещи такъ же присуща пріятность, какъ и гладкость.

Еще примѣръ: я вижу лучъ зеленаго цвѣта и говорю-"нѣжно зеленый лучъ".Употребляю слово"нѣжный",я хочу сказать, что зеленый цвѣтъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, связанъ съ извѣстнымъ чувствомъ пріятности.

Наконецъ, я вижу что нибудь тошнотворное, какую нибудь непріятную вешь.Не кажется ли, что это свойство,которое называется гадкостью, присуще вещи въ томъ же смыслѣ, какъ и другія качества - твердость, шероховатость и т.п.?По моему мнѣнію, говоритъ Штумпфъ, и это свойство такъ же присуще вещи, какъ и другія.

Такимъ же образомъ Штумпфъ разсматриваетъ чувство холода, чувство тепла, чувства голода, чувства, связанныя съ дѣятельностью нашихъ внутреннихъ органовъ, и повсюду нахо-

дитъ одно и то же:именно, что чувства имѣютъ объективный характеръ, что они объективны въ томъ же смыслѣ, какъ и прочія, такъ называемыя,ощущенія. Штумпфъ полагаетъ, что нѣтъ никакого основанія вводить два класса психическихъ явленій, а просто надо всѣ эти чувства отнести въ классъ ощущеній , стереть различія между ними.

Когда появилась статья Штумпфа,она произвела значительное впечатлѣніе,потому что оказалось, что установившаяся классификація не выдерживаетъ критики. Споръ не улегся и до сихъ поръ. Какъ отнестить къ его предложенію стереть различіе между ощущеніемъ и чувствомъ? Мнѣ представляется, что Штумпфъ не правъ, предлагая стереть это различіе:оно безспорно существуетъ. Всѣ его примѣры таковы, что находятся на порогѣ между чувствами и ощущеніями, и потому кажется, что субъективный характеръ первыми утраченъ, что они имѣютъ объективный характеръ.Но я отрицаю, чтобы пріятность вещи и прохладность ея были объективны въ одинаковомъ смыслѣ.На самомъ дѣлѣ я приписываю вещи только прохладность, а пріятность не причиляю къ числу ея объективныхъ свойствъ. Что касается сладкаго вкуса и запаха, то объ ихъ объективномъ характерѣ не можетъ быть и рѣчи. Если мы приписываемъ чему-нибудь,напримѣръ, цвѣтъ, то у насъ есть объективная вещь, къ которой онъ можетъ быть отнесенъ, а вкусъ, запахъ приписать нечему. Это справедливо,впрочемъ, и по отношенію къ ощущеніямъ объективнаго характера:при извѣстныхъ условіяхъ они утрачиваютъ объективный характеръ

и оказываются на порогѣ между чувствами. Кюльпе говоритъ по этому поводу: положимъ появляется въ темной комнатѣ свѣтлая точка, - точка едва ощущаемая, едва воспринимаемая. Эта свѣтлая точка есть нѣчто объективное, но въ извѣстный моментъ вы не можете рѣшить, гдѣ она находится: въ вашемъ глазу или внѣ васъ, т.е, имѣетъ она объективный или субъективный характеръ. По отношенію къ нѣкоторымъ ощущеніямъ можно сказать, что они не пріобрѣтаютъ рѣшительнаго объективнаго характера, но отвергать различія между ощущеніемъ и чувствомъ нѣтъ основанія.

Въ отвѣтъ на созданнео Штумпфомъ затрудненіе выступилъ упомянутый вюрцбургскій психологъ Кюльпе съ экспериментальными изслѣдованіями, произведенными въ его лабораторіи. На вопросъ Штумпфа, поставленный теоретически, надо было дать экспериментальный отвѣтъ, придавъ ему систематическую форму. Надо было выяснить, какой критерій существуетъ для чувства, тотъ же самый, что для ощущеній, или же нѣтъ. Если критерій тотъ же, то Штумпфъ разсуждаетъ правильно.

Относительно ощущеній мы знаемъ одно: ощущенія могутъ быть возпроизводимы, представляемы. Если чувства по своей природѣ представляетъ то же самое, что ощущенія, они тоже должны быть воспроизводимы.

Поставивъ этотъ вопросъ, Кюльпе произвелъ эксперименты слѣдующимъ образомъ. Испытуемому субъекту предлага-

лись ощущенія красиваго цвѣта, пріятнаго запаха; затѣмъ, когда изъ памяти удалялись цвѣтъ и пріятное чувство, имъ порождаемое, запахъ и пріятное чувство, имъ вызываемое, субъектъ долженъ былъ попытаться воспроизвести, что онъ переживалъ, и описать переживаемое въ тѣхъ формахъ, которыя ему указывали. Вторая задача была такова: предлагалось представить пріятное и непріятное переживаніе, имѣвшее мѣсто въ попрошломъ или имѣющее быть въ будущемъ, и описать.
Третья задача: предлагалось воспроизвести сложное душевное движеніе, напримѣръ, гнѣвъ, радость, напряженное ожиданіе и т.п., чувства, пережитыя нѣсколько времени назадъ. Конечно, дѣло имѣли съ людьми, психологическими образованными, для которыхъ эти чувства успѣли превратиться въ ясно опредѣленныя категоріи. Изъ многочисленныхъ опросовъ выяснялось, что чувства удовольствія и страданія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаевъ, не были воспроизведены, т.е. въ извѣстномъ комплексѣ, гдѣ есть и ощущеніе и чувство, ощущеніе воспроизводилось, превращалось въ представленія, а чувство не воспроизводилось. Субъектъ можетъ говорить - я имѣю знаніе извѣстнаго чувства, но это не есть воспроизведеніе его. Такъ Кюльпе приходитъ къ выводу, что одно изъ главныхъ основныхъ свойствъ ощущенія - воспроизводить - не можетъ быть приложено къ чувству. Это указываетъ, что природа чувства отличается отъ природы ощущенія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другимъ классомъ явленій, отличнымъ отъ класса ощущеній. Вотъ почему мнѣ

кажется, что основательность предложенія Штумпфа - отнести чувства въ одинъ классъ съ ощущеніями, не можетъ быть доказана.

Можетъ быть, въ ближайшее время съ помощью экспериментальныхъ изслѣдованій удастся доказать болѣе убѣдительно существованіе родства между чувствами и ощущеніями, родства настолько близкаго, чтобы внести ихъ въ одинъ классъ, но пока различіе остается : одни имѣютъ характеръ объективный, другія - субъективный, или другими словами: ощущенія могутъ быть воспроизведены, представлены, а чувства въ такой же мѣрѣ какъ ощущенія воспроизводимы быть не могутъ. Слѣдовательно, наше прежнее дѣленіе состояній сознанія на ощущенія и чувства можно сохранить.

Теперь мы должны перейти къ новому вопросу, имѣющему важное значеніе для характеристики ощущенія. Я имѣю въ виду указать на общія свойства ощущенія. Можетъ показаться, что вопросъ звучитъ нѣсколько педантично: для чего надо касаться этого вопроса, для чего надо выяснять свойства ощущеній, т.е. то что въ элементарномъ курсѣ мы называли сторонами ощущенія?

Вы увидите сами что вопросъ имѣетъ чрезвычайную принципіальную важность. Какія свойства можно приписать ощущенію вообще? Возьмемъ элементарное ощущеніе и разсмотримъ его.

Если я возьму вещь ,-напримѣръ, металлическую палочку и прикоснусь къ поверхности кожи, я получу ощущеніе прикосно-

венія, ощущеніе давленія. Я долженъ отмѣтить прежде всего к а ч е с т в о ощущенія: это ощущеніе отличается отъ всякаго другого ощущенія. Если бы я прикоснулся согрѣтой металлической палочкой, я получилъ бы ощущеніе тепла, которое отличается отъ ощущенія давленія по качеству. Если я буду надавливать палочку сильнѣе, я получу ощущеніе болѣе живое, болѣе сильное, т.е. болѣе интенсивное. Итакъ, вторымъ свойствомъ ощущенія является и н т е н с и в н о с т ь или сила. Затѣмъ ощущеніе можетъ быть длительнымъ и недлительнымъ, и потому мы должны приписать ощущенію такое свойство какъ д л и т е л ь н о с т ь . Далѣе, мы должны приписать ощущенію еще нѣчто : если я прикоснуть къ поверхности кожи остріемъ, имѣющимъ меньшую или большую поверхность, то ощущенія будутъ различны въ своей п р о т я ж е н н о с т и, которая тоже должна считаться однимъ изъ свойствъ ощущенія. Такимъ образомъ мы различаемъ 4 свойства ощущенія : качество, интенсивность, длительность и протяженность. Всѣ эти свойства тѣснымъ образомъ связаны между собой, - настолько связаны, что уничтоженіе одного свойства немедленно повлечетъ за собой уничтоженіе всѣхъ остальныхъ.

Если бы длительность равнялась нулю, было бы у насъ ощущеніе или же нѣтъ? Конечно, ощущеніе уничтожилось бы. Если бы отсутствовало качество? - ощущенія не было бы. Если бы интенсивность ощущенія была доведена до нуля? - ощущенія не было бы. Вы видите такимъ образомъ, что для того,

чтобы описать какое нибудь ощущеніе, надо упомянуть о различныхъ свойствахъ его. Хотя каждая изъ сторонъ ощущенія можетъ измѣняться независимо отъ другой, мы считаемъ, что въ каждомъ ощущеніи одно изъ свойствъ является главнымъ, а именно качество. Это какъ будто ядро, около котораго группируются остальныя свойства. Надо замѣтить, что не во всѣхъ ощущеніяхъ есть всѣ свойства. Но при этомъ также чрезвычайно важно отмѣтить, что безъ качества ни одного ощущенія не можетъ быть. Ощущенія всѣхъ органовъ чувствъ имѣютъ непремѣнно качество. Столь же необходимымъ свойствомъ является длительность. Сомнѣніе является относительно протяженности. Протяженность присуща такимъ ощущеніямъ, какъ ощущенія зрительныя, осязательныя; что касается другихъ, то въ нихъ протяженности нѣтъ: въ запахахъ, во вкусахъ, въ тонахъ протяженности нѣтъ. Но есть серьезная теорія, утверждающая, что и въ нихъ есть протяженность. Обратимъ вниманіе на силу или интенсивность : во всѣхъ ощущеніяхъ она есть или не во всѣхъ? Вопросъ принципіально чрезвычайно важный. Если возьмемъ слуховое ощущеніе, то тотъ же самый звукъ можетъ пріобрѣсти различную интенсивность. Если возьмемъ осязательное ощущеніе, то и здѣсь интенсивность можетъ быть различна. Но вотъ по отношенію къ цвѣтовымъ ощущеніямъ является вопросъ, если она или ея нѣтъ ?

Многіе отвѣчаютъ, -какъ мнѣ кажется правильно, -что здѣсь интенсивность отсутствуетъ. Если мы возьмемъ какой-

нибудь цвѣтъ и будемъ разсматривать его при большемъ количествѣ свѣта и при меньшемъ, то по популярному пониманію кажется, что интенсивность должна быть больше, когда свѣта больше. Это несправедливо: при увеличеніи количества свѣта цвѣтъ измѣняется просто по качеству, а не по интенсивности. Возьмемъ спектральный красный цвѣтъ. Если уменьшается количество свѣта, при которомъ мы его воспринимаемъ, то нельзя сказать, что уменьшается интенсивность цвѣта, но приходится сказать, что измѣняется самое качество: получается буроватый цвѣтъ; если свѣтъ уменьшается, - цвѣтъ сдѣлается еще темнѣе и въ концѣ концовъ обратится въ черный.

Если увеличится количество свѣта,,цвѣтъ посвѣтлѣетъ, будетъ все болѣе приближаться къ бѣлому цвѣту. Итакъ, по отношенію къ цвѣту мы должны сказать, что интенсивности въ немъ нѣтъ. Слѣдовательно, есть ощущенія, въ которыхъ интенсивность отсутствуетъ.

Слѣдующій вопросъ, которымъ мы должны заняться, есть вопросъ о физіологическихъ основахъ процесса ощущенія.

Вопросъ, который я предполагаю разсмотрѣть теперь, можно было бы формулировать, какъ вопросъ о физіологическихъ основахъ ощущенія. Прежде вопросъ формулировался иначе въ связи съ существованіемъ сособой теоріи, въ связи съ закономъ специфической энергіи.

Мы знаемъ, что каждый органъ чувствъ при дѣйствіи внѣшняго возбужденія каждый разъ отвѣчаетъ особеннымъ образомъ, причемъ каждый по своему: ощущеніями совершенно отличными

другъ отъ друга,Это различіе вызываетъ сомнѣніе,вопросъ,отчего это происходитъ? Отчего зрительное ощущеніе отличается отъ слухового,отчего между звукомъ и цвѣтомъ нѣтъ ничего общаго? Самымъ естественнымъ является отвѣтъ: вслѣдствіе воздѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній; впечатлѣніе одинъ разъ одно, другой разъ - другое.Конечно, этотъ отвѣтъ не совсѣмъ правиленъ: мы знаемъ, что если на глазъ дѣйствуютъ разнородныя возбужденія, раздраженія - химическія, механическія, электрическія и т.п.,всѣ они вызываютъ ощущеніе свѣта, цвѣта, а не другія ощущенія. Этотъ фактъ заставилъ Іоганна Мюллера, предложившаго свою теорію въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка,думать, что нервамъ органовъ чувствъ присуща особая специфическая энергія. Этотъ терминъ является отголоскомъ старой теоріи, которая признавала различныя силы, различныя способности и т.п.Онъ имѣетъ въ виду выразить ту мысль, что каждый нервъ обладаетъ своей специфической силой, обусловливающей тотъ фактъ, что зрительный нервъ можетъ только видѣть, слуховой - только слышать, обонятельный - только обонять и т.д.Эту теорію Іоганна Мюллера расширилъ Гельмгольцъ.

По мнѣнію Гельмгольца не только каждый нервъ,напримѣръ,зрительный, обладаетъ одной специфической энергіей, но,что этихъ послѣднихъ несравненно больше. Если мы возьмемъ нашъ глазъ, то съ его помощью мы можемъ отличать множество цвѣтовъ.Происходитъ это отъ того, что въ нашемъ свѣтоощущающемъ нервѣ существуютъ свои элементы - красноощущающее волокно, зеленоощущающее волокно и т.д. Въ нашемъ ухѣ имѣется до 6000 воло-

конъ,отвѣчающихъ на извѣстные тоны.Каждому волокну соотвѣтствуетъ своя специфическая энергія.Такъ водворился терминъ "специфическая энергія"для объясненія различій,существующихъ между ощущеніями.Различія существуютъ потому, что каждому нерву присуща особая специфическая энергія.

Однако такимъ отвѣтомъ нельзя было довольствоваться.Надо было дифференцировать вопросъ,особенно если принять во вниманіе, что въ нервѣ мы различаемъ три части:нервъ въ собственномъ смыслѣ слова,нервныя окончанія или концевые аппараты и, наконецъ,связанную съ нервомъ нервную клѣтку. Спрашивается:если мы говоримъ о специфической энергіи того или другого нерва,что мы имѣемъ въ виду? Отъ чего зависитъ эта специфичность, т.е, то, что зрительная клѣтка только видитъ, но не слышитъ; слуховая только слышитъ, но не можетъ видѣть и т.д.?Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ и притомъ не только для физіологіи, и психологіи,но и для гносеологіи. Надо выяснить,отъ чего зависитъ такъ называемая специфическая функція каждаго нерва.

Первый отвѣтъ,который можно было бы дать,таковъ:все зависитъ отъ периферическаго аппарата.Именно, въ осязательномъ нервѣ мы имѣемъ одинъ концевой аппаратъ, въ зрительномъ -другой, въ слуховомъ - третій и т.д. Если бы не концевые аппараты, мы не ощущали бы иначе. Этотъ отвѣтъ вызываетъ возраженія. Весьма существеннымъ возраженіемъ противъ него являются вывода изъ наблюденій надъ лицами, недавно потерявшими слухъ или зрѣніе. Показанія изъ ихъ психической жизни очень интересны. Оказывается , что хотя периферическій аппаратъ и

перестал̆ функціонировать, однако соотвѣтствующія ощущенія и представленія не уничтожились. Относительно слѣпыхъ удостовѣрено, что въ теченіе нѣкотораго времени по утратѣ зрѣнія, когда периферическаго аппарата уже нѣтъ, они, тѣмъ не менѣе ощущаютъ цвѣтъ, представляютъ его, обладаютъ образами цвѣтовъ и т. д. Очевидно, периферическій аппаратъ не играетъ въ ощущеніи первенствующей роли, какъ думали нѣкоторые. Относительно слѣпыхъ ихъ мемуары даютъ очень любопытныя указанія. Одинъ слѣпой до потери зрѣнія очень любилъ природу; когда онъ ослѣпъ, отсутствіе возможности видѣть очень угнетало его, но зрительные образы оставались у него въ фантазіи. Сначала онъ могъ воспроизводить ихъ просто, когда хотѣлъ; затѣмъ уже только во снѣ. Но во всякомъ случаѣ у него сохранялись зрительныя ощущенія. Если такъ, то теорія, утверждающая, что ощущенія получаются только на основаніи периферическаго аппарата, не выдерживаетъ критики.

Возьмемъ другую теорію, которая утверждаетъ, что самые нервы обладаютъ специфическими особенностями. Противъ этой теоріи въ теченіе 19 в. было приведено чрезвычайно много данныхъ. Оказывается, что любой нервъ въ любой части нервнаго механизма совершенно одинаковъ: его химическія, механическія, моторныя свойства ничѣмъ не отличаются отъ свойствъ другихъ нервовъ. Возьмемъ слуховой, зрительный, двигательный нервъ: съ точки зрѣнія химической, механической и электромоторной они одинаковы; зрительный и двигательный нервы по своимъ свойствамъ оказываются тождественными. Это было доказано

экспериментально.

Положимъ, что отъ языка проходятъ два нерва: одинъ чувствующій (проводящій возбужденіе, по направленію къ языку); другой - движущій (приводящій языкъ въ движеніе). Физіологи нашли возможность расчленить эти два нерва, разрѣзать ихъ и затѣмъ соединить ихъ снова, но такъ, что къ части нерва чувствующаго присоединили часть нерва движущаго. Что произошло? Стала ли одна часть проводить возбужденіе въ одномъ направленіи, а другая въ другомъ? Оказалось, что нервъ, имѣвшій свойство чувствующаго, пріобрѣлъ свойство движущаго, и возбужденіе стало передаваться въ обратномъ направленіи. Оказалось, такимъ образомъ, что нервы обладали одинаковыми свойствами.

Надо было обратиться къ третьей гипотезѣ, именно, что центральныя клѣтки, скажемъ мозговыя клѣтки, являются причиной различія ощущеній. Такая гипотеза была предложена Гельмгольцемъ, исходившимъ изъ сравненія нерва съ телеграфной проволокой, которая можетъ передавать депеши, звонить, взорвать мину, и т. д. въ зависимости отъ того, съ чѣмъ мы ее соединимъ. Такимъ же образомъ и нервъ въ зависимости отъ того, съ какой клѣткой онъ соединенъ, будетъ или видѣть, или слышать, или обонять и т. д. Это мнѣніе поддерживается многими физіологами. Между прочимъ Мункъ утверждаетъ, что каждой клѣткѣ мозга присуща специфическая особенность. Если изъ мозга удалить ту часть, гдѣ содержится клѣтка, специфическое свойство которой видѣть, то животное перестанетъ видѣть. Вотъ соображенія, приводимыя въ доказательство того, что

мѣстомъ специфической энергіи является мозговая клѣтка.

Противъ этой теоріи, какъ она ни кажется убѣдительной, были приведены возраженія, 1) Слѣпые отъ рожденія не представляютъ ничего въ формѣ зрительныхъ ощущеній. Если теорія вѣрна, и если у слѣпого есть соотвѣтствующая мозговая клѣтка, она могла бы функціонировать и дать цвѣтовое ощущеніе. Клѣтки функціонируютъ, но цвѣтовыхъ ощущеній не даютъ, 2). Если будемъ разсматривать клѣтки различныхъ частей мозга:-клѣтки ощущеній цвѣтовыхъ, звуковыхъ и т.д.,-то окажется, что по своему строенію, своимъ химическимъ свойствамъ и т.д. онѣ совершенно тождественны. Если нѣтъ различій въ строеніи, откуда тогда различія въ функціяхъ? Наконецъ, третье возраженіе Вундта: часто бываетъ, что если удалить извѣстную часть мозга, функція которой зрѣніе, то нѣкоторое время и функціи этой нѣтъ, но затѣмъ вдругъ мозгъ начинаетъ функціонировать такъ же, какъ прежде. Чѣмъ надо это объяснить? Тѣмъ, что сосѣдняя клѣтка взяла на себя функцію той клѣтки, которой нѣтъ. Слѣдовательно функція одной клѣтки можетъ быть передана другой клѣткѣ, которая такимъ образомъ можетъ взять на себя обязанность замѣстительницы. Такимъ образомъ клѣтки не обладаютъ специфическими особенностями и могутъ замѣщать другъ друга. Вслѣдствіе этого теорія, предполагающая, будто бы каждая клѣтка обладаетъ самостоятельной функціей, не выдерживаетъ критики.

Итакъ, оказывается, что ничто въ нервѣ ни съ какой стороны не можетъ служить объясненіемъ для специфической энер-

гіи, какъ причины различія ощущеній. Противъ всѣхъ теорій можно привести вѣскія возраженія. Надо предположить, что специфическихъ функцій нервовъ не существуетъ, что отъ теоріи, такъ называемаго, закона специфической энергіи, предложенной Іоганномъ Мюллеромъ и державшейся въ наукѣ до послѣдняго времени, надо отказаться. Особенно часто стали выступать съ всзраженіями противъ теоріи послѣ того, какъ Дарвиномъ была предложена его теорія развитія. Казалось, что такое запечатлѣніе въ каждомъ органѣ особой способности, энергіи не согласно съ теоріей развитія.

Противъ теоріи специфической энергіи высказался Вундтъ. Его собственная теорія сводится къ слѣдующему: Онъ говоритъ: мы предполагаемъ, что специфической энергіи нѣтъ, что нервы пріобрѣтаютъ тѣ, или другія предрасположенія по мѣрѣ опыта. Нервы при рожденіи человѣка не обладаютъ специфическими свойствами, пріобрѣтаютъ ихъ въ теченіе индивидуальнаго опыта благодаря воздѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на периферическій аппаратъ и имѣютъ великое вліяніе на выработку функціональныхъ различій между нервами. Функціональныя различія вырабатываются постепенно. Такимъ образомъ, если у насъ есть данная нервная нить, то она такова, что если по ней пройдетъ какое-нибудъ возбужденіе одинъ разъ, другой, третій и т.д., то въ этой нервной нити выработается соотвѣтственно предрасположеніе, въ силу котораго для послѣдующихъ возбужденій такого рода явится болѣе легкій доступъ ; т.е. если звуковое воз-

бужденіе дѣйствуетъ на извѣстный органъ, то на 5-й разъ оно пройдетъ легче, чѣмъ первый разъ, такъ какъ нервъ пріобрѣлъ предрасположеніе къ проведенію именно звуковыхъ ощущеній, а не другихъ. То же самое можно примѣнить и къ зрительному нерву. Если по нерву будетъ проходить возбужденіе, то конечно, благодаря наличности концевого аппарата, который даетъ возможность легче пріобрѣсти извѣстное предрасположеніе. На поверхность кожи дѣйствуютъ волнообразныя колебанія эфира, но вслѣдствіе инертности кожнаго концевого аппарата колебанія эфира не могутъ произвести возбужденія на поверхности кожи, но производятъ возбужденіе зрительнаго нерва. Если въ теченіе продолжительнаго времени дѣйствуютъ однородныя возбужденія, то въ концѣ концовъ въ самомъ нервѣ вырабатывается предрасположеніе къ тому, чтобы каждый разъ получалъ то, а не другое возбужденіе. Значитъ, нельзя сказать, что нервы рождаются съ готовой опредѣленной специфической энергіей, а надо полагать, что нервы рождаются функціонально индифферентными, безразличными. Всѣ они одинаково устроены и могли бы взять на себя любую функцію, но въ зависимости отъ концевыхъ аппаратовъ въ нихъ вырабатывается извѣстное предрасположеніе, они измѣняются въ строеніи; въ нервномъ веществѣ происходятъ измѣненія, перераспредѣленія элементовъ; потому то зрительный нервъ отличается отъ слухового и т.д. Это есть результатъ индивидуальныхъ измѣненій въ продолженіе индивидуальной жизни. Такимъ образомъ концевой аппаратъ играетъ существенную роль, потому что черезъ его посредство внѣшнія

раздраженія производитъ то, что нервъ измѣняется и вслѣдствіе этого начинаетъ функціонировать отлично отъ другого. Такова теорія Вундта. Она какъ будто то же намекаетъ на теорію специфической энергіи, какъ ее понималъ I. Мюллеръ: и по мнѣнію Вундта, зрительный нервъ отличается отъ слухового, но только это различіе создается въ индивидуальной жизни благодаря дѣйствію внѣшнихъ раздраженій, вообще же всѣ нервы другъ на друга похожи.

Такова теорія, предложенная Вундтомъ, исходившимъ въ своемъ построеніи изъ физіологіи, -теорія, которая держалась долго вслѣдствіе безспорной простоты ея съ одной стороны, а съ другой, вслѣдствіе того, что была въ согласіи съ теоріей развитія. До Дарвина можно было думать, что всѣ органы представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное, всѣ части чего вполнѣ закончены, - но послѣ него надо было уже встать на другую точку зрѣнія. Это сдѣлалъ Вундтъ: онъ утверждаетъ, что нервы одинаковы сначала, развиваются лишь впослѣдствіи, и тогда устанавливается различіе между ними. Но эта теорія защищаема быть все-таки не можетъ. Противъ нея говоритъ такой, напримѣръ, фактъ: на роговой оболочкѣ глаза есть рядъ нервовъ безъ концевого аппарата, а не взирая на это, мы получаемъ рядъ ощущеній -ощущенія прикосновенія, ощущенія холода, ощущенія тепла. Этотъ фактъ есть для Вундтовской теоріи experimentum crucis. Объясненіе, которое я могъ бы предложить вашему вниманію и которое интересно потому, что вопросъ идетъ о физіологическомъ субстратѣ психической дѣятельности, есть тео-

рія, принадлежащая нѣмецкому физіологу Герингу.

Его теорія находится въ согласіи съ современными воззрѣніями физіологовъ.

Говорить о функціональномъ безразличіи клѣтокъ потому, что такого различія мы не въ состояніи констатировать, неправильно. Мы говоримъ: всѣ клѣтки по строенію одинаковы для нашего изслѣдованія, но говорить это не имѣемъ на самомъ дѣлѣ права, потому что жизнь, строеніе, свойства клѣтки только теперь начинаютъ нѣсколько проясняться, только теперь мы начинаемъ пріобрѣтать свѣдѣнія о внутренней структурѣ клѣтки. Разъ такъ, имѣемъ ли мы право на томъ основаніи, что внутренняя структура кажется намъ одинаковой, заключать, что клѣтки однородны по функціямъ? Конечно, нѣтъ. Мы не можемъ этого дѣлать особенно потому, что если мы возьмемъ зародышевыя клѣтки различныхъ организмовъ, то оказывается, что всѣ клѣтки по строенію одинаковы, а между тѣмъ всѣ знаютъ, что зародышевыя клѣтки различаются другъ отъ друга по функціямъ. Поэтому говорить о функціональной безразличности клѣтокъ мы не имѣемъ основанія. Скорѣе мы должны сдѣлать предположеніе, что на клѣтку, вмѣстѣ съ отростками составляющую, такъ называемый нейронъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣльный организмъ. Разъ вся нервная система складывается изъ нейроновъ, какъ изъ отдѣльныхъ организмовъ, то каждому нейрону можетъ принадлежать отдѣльная индивидуальность: этотъ организмъ есть своего рода живое существо, которому, разумѣется, присущи свои собственныя свойства, которыхъ мы пока съ помощью своихъ прибо-

ровъ не въ состоянiи открыть, но которыя,тѣмъ не менѣе, ему несомнѣнно принадлежатъ,Нейронъ, расположенный въ мозговой корѣ, имѣетъ одни свойства, нейронъ, расположенный въ субкортикальныхъ центрахъ - другiя; съ зрительнымъ нейрономъ связаны одни свойства, съ слуховымъ - иныя. Предполагая, что въ одномъ организмѣ своя собственная индивидуальная жизнь, въ другомъ - другая, мы можемъ предположить, что каждому присуща и своя отдѣльная функцiя.Правда, даже при помощи микроскопическихъ изслѣдованiй различныхъ химическихъ реакцiй раскрыть различiя нейроновъ, связанныя съ ихъ дѣятельностью, мы не въ состоянiи, но дѣлать на этомъ основанiи предположенiя, что ихъ функцiи одинаковы,повторяемъ, не правильно, такъ какъ нейроны представляютъ особые организмы съ присущими имъ своеобразными функцiями.Каждый нейронъ функцiонируетъ по своему, какъ отдѣльный организмъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что всякiй живой организмъ рождается съ нервной системой, предрасположенной, устроенной такъ, чтобы воспринимать звуковыя ощущенiя, цвѣтовыя и т.д. Она созидается не въ продолженiи одного только индивидуальнаго опыта, а вырабатывается въ теченiе опыта родового,подъ влiянiемъ различныхъ раздраженiй. Слѣды ихъ накопляются, и мельчайшiе организмы, находящiеся въ нашемъ организмѣ, обусловливаютъ различiе ощущенiй. Такимъ образомъ мы возвратились какъ будто къ старой теорiи специфической энергiи,но нѣсколько въ другомъ видѣ: специфическiя предрасположенiя создаются опытомъ цѣлаго ряда поколѣнiй.

ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ СКОРОСТЕЙ УМСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Лекція II-я

Сегодня я предполагаю говорить о такъ называемомъ измѣреніи скорости умственныхъ процессовъ. Я долженъ предупредить, что это является въ курсѣ вставкой эпизодическаго характера. Правильнѣе было бы говорить объ этомъ при изложеніи психологіи воли.

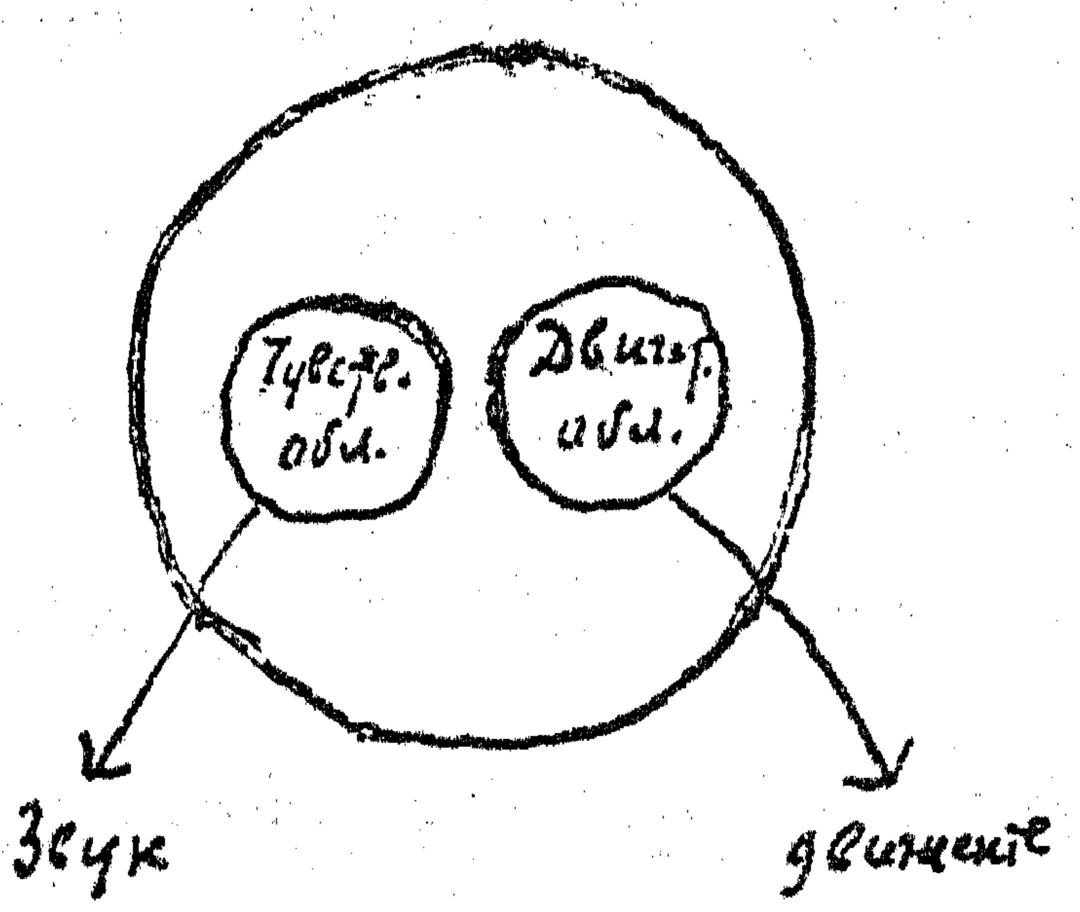
Самое названіе: "измѣреніе скорости умственныхъ процессовъ" носитъ нѣсколько устарѣлый характеръ и объясняется тѣмъ, что въ былое время сильно интересовались тѣмъ фактомъ, что психическіе процессы имѣютъ извѣстную скорость, и на этомъ основаніи многіе отожествляли психическіе процессы съ физическими: разъ психическіе процессы могутъ измѣряться такъ, какъ измѣряютъ, напримѣръ, скорость движенія, то процессы психическіе слѣдовательно суть процессы физическіе. Но это не представляетъ интереса для насъ. Вопросъ важенъ потому, что даетъ возможность прослѣдить послѣдовательную смѣну психическихъ процесссовъ. Не вопросъ о скорости, не абсолютныя цифры представляютъ интересъ для насъ; цифры интересны какъ показатель смѣны умственныхъ процессовъ.

Надо замѣтить, что непосредственнаго измѣренія умственныхъ процессовъ, т.е. такія измѣренія, какія имѣютъ мѣсто по отношенію къ физическимъ процессамъ, быть не можетъ; умствен-

ные процессы мы можемъ измѣрять лишь косвенно, посредственно, путемъ умозаключенія.

Чтобы измѣрить скорость умственныхъ процессовъ, надо чтобы субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, совершилъ движеніе. Я говорю субъекту: сейчасъ вы услышите какой нибудь звукъ; какъ только вы услышите и воспримете звукъ, тотчасъ произведите движеніе рукой. Это отвѣтное движеніе, которое мы будемъ называть реакціей, служитъ для указанія того, что извѣстный процессъ воспріятія звука имѣлъ мѣсто. При помощи него можно узнать съ какой скоростью и какой процессъ протекаетъ въ сознаніи. Прежде всего важно выяснить, какого рода психическіе и физіологическіе процессы имѣютъ мѣсто со временем начала возбужденія и появленіемъ отвѣтнаго движенія или реакціи.

Съ точки зрѣнія физіологіи можно отмѣтить такіе составные члены этого процесса. Пусть это будетъ мозгъ, въ немъ двигательный аппартъ и слуховой аппаратъ. Я услышалъ звукъ и произвелъ движеніе. Что мы имѣемъ ? Физическія колебанія эфира должны произвести возбужденіе слухового нерва; возбужденіе должно пойти отъ концевого аппарата по слуховому нерву, должно дойти до мозга, гдѣ въ соотвѣтствующей части должно произойти возбужденіе. Возбужденіе должно передаться въ двигательную область. Въ двигательной части мозга должно произойти возбужденіе, которое по двигательному нер-



ву пойдетъ до мышцъ, затѣмъ должно пройти извѣстное время, чтобы мышцы сократились. Такимъ образомъ движенiе реакцiи складывается изъ ряда моментовъ, имѣющихъ физiологическiй характеръ:возбужденiе нерва въ слуховомъ аппаратѣ, возбужденiе слухового нерва, возбужденiе ощущающей области, возбужденiе двигательной области, возбужденiе двигательнаго нерва, возбужденiе нерва въ движущемъ аппаратѣ. Это сторона чисто физiологическая.

Разсмотримъ теперь какiе можно съ точки зрѣнiя психологiи отмѣтить моменты въ томъ же процессѣ.Я говорю испытуемому субъекту:сейчасъ произойдетъ звукъ, вы его воспримете, произведете движенiе рукой.Въ данномъ случаѣ я задаюсь цѣлью выяснить, какiе психическiе процессы есть на лицо. Вѣроятно, испытуемый субъектъ скажетъ: въ первый моментъ, когда раздался звукъ, я получилъ неясное воспрiятiе,звукъ становится предметомъ сознанiя, хотя воспринимается и неясно. Новое впечатлѣнiе,слѣдовательно,входитъ въ область перцепцiи,т.е. неяснаго воспрiятiя,ибо сначала замѣчается лишь типическое,общее. Но затѣмъ вниманiе концентрируется и эта концентрацiя сознанiя на представленiи будетъ называться апперцепцiей. Наконецъ, послѣднимъ моментомъ будетъ волевой импульсъ. Эти три момента я могъ бы разсматривать независимо отъ дѣятельности физiологическаго аппарата. Сначала является общее неясное впечатлѣнiе, простое ощущенiе, затѣмъ вниманiе концентрируется на ощущенiи, затѣмъ я имѣю извѣстный волевой импульсъ. Вы видите, что психическiе моменты ре-

акціи будутъ складываться изъ перцепціи, апперцепціи, и волевого импульса.

Въ процессѣ измѣренія для насъ представляютъ интересъ два момента:первый моментъ - появленіе возбужденія,напримѣръ, звукового,зрительнаго, осязательнаго и т.д.,второй моментъ - реакціи. Если мы знаемъ эти два момента а и в, то промежутокъ времени между а и в, т.е. в минусъ а, будемъ изображать время реакціи. Чтобы была ясна техника измѣренія, надо ясно представлять, что мы измѣряемъ время между появленіемъ возбужденія и появленіемъ отвѣтнаго движенія или реакціи.

Для такихъ измѣреній въ современной психологіи, физіологіи и физикѣ существуетъ много приспособленій.Одно изъ такихъ приспособленій я уже показывалъ вамъ: приспособленіе, позволяющее на движущейся пластинкѣ указать время реакціи. Но этотъ графическій способъ не совсѣмъ удобенъ,потому что приходится каждый разъ высчитывать кривыя, что требуетъ много времени.Въ послѣднее время въ психологіи пользуются аппаратомъ,которымъ пользуются и въ физикѣ.Это - такъ называемый Гипповскій хроноскопъ x).Съ его помощью можно измѣрить промежутокъ времени между началомъ звукового возбужденія и концомъ отвѣтнаго движенія.

Приборъ имѣетъ сложный характеръ, но принципъ устройства въ высшей степени простой и и понять ,какъ можно измѣрять скорость,психическихъ процессовъ, очень легко.Хроноскопъ есть обыкновенные часы съ обыкновеннымъ часовымъ

x) См. рис. 13.

механизмомъ, съ двумя циферблатами; стрѣлки верхняго показываютъ тысячныя доли секунды, а нижняго - десятыя доли. Чѣмъ эти часы отличаются отъ обыкновенныхъ? Этотъ вопросъ даетъ возможность ясно представить принципъ аппарата. Вы знаете, что въ обыкновенныхъ часахъ, если вы ихъ завели и движущая часть аппарата пришла въ дѣятельное состояніе, стрѣлки будутъ двигаться тотчасъ же. Если въ карманныхъ часахъ пружина натянута, въ стѣнныхъ - опущены гири, стрѣлки немедленно приходятъ въ движеніе. Если мы хотимъ, чтобы стрѣлки двигались, мы должны заставить дѣйствовать движущій механизмъ; если хотимъ, чтобы они остановились, мы должны остановить движущій механизмъ. Здѣсь же, въ хроноскопѣ, мы можемъ произвольно, въ любой моментъ заставить стрѣлки двигаться или перестать двигаться, такъ какъ здѣсь движеніе стрѣлокъ независимо отъ дѣйствія движущаго механизма. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность, то приводить стрѣлки въ движеніе, то останавливать ихъ по произволу, что достигается путемъ замыканія или размыканія электрическаго тока. Если я замыкаю токъ, стрѣлки двигаются; если размыкаю, стрѣлки останавливаются.

(На этомъ я могъ бы остановиться. Вы понимаете основной принципъ хроноскопа: это есть часы, въ которыхъ можно по произволу заставлять стрѣлки двигаться или останавливаться. Кто интересуется я позволю себѣ обратить вниманіе на модель,x) показывающую, что такое есть въ хроноскопѣ. На модели хроноскопа, изображающей его разрѣзъ, можно сдѣлать понятнымъ, въ силу чего мы имѣемъ возможность включить стрѣлки въ дви-

x) См. рис 14.

жущій механизмъ или выключить ихъ изъ него.

Вы видите электромагнитъ съ якоремъ; движеніе этого последняго производитъ то, что стрѣлки при помощи движенія якоря или включаются въ часовой механизмъ, или выключаются. Это достигается слѣдующимъ образомъ: у одной стѣнки находится барабанъ, имѣющій зубцы, съ другой стороны - другой барабанъ. Они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что один укрѣпленъ къ стѣнкѣ такъ, что онъ не движется, а другой прикрѣпленъ къ движущей части механизма. Со стержнемъ, который соединенъ со стрѣлками, соединена еще особая пластинка, находящаяся между обоими барабанами. Стержень можетъ двигаться и впередъ и назадъ, на рисункѣ вправо, и влѣво. Если стержень подвинется влѣво, то помѣщающаяся на немъ пластинка захватитъ за зубцы неподвижнаго барабана, тогда хотя движущій механизмъ приходитъ въ движеніе, однако стрѣлки будутъ неподвижны. Если стержень со стрѣлками подвинется вправо, то пластинка попадаетъ между зубцами движущагося барабана и стрѣлки придутъ въ движеніе. Какимъ образомъ это дѣлается? Какъ заставлять стержень передвигаться направо или налѣво? Особая пружина заставляетъ стержень отталкиваться вправо, но его удерживаетъ другая пластинка, связанная съ якоремъ электромагнита. Вначалѣ, если токъ разомкнутъ, якорь выталкиваетъ стержень, который попадаетъ между зубцами неподвижнаго барабана, и стрѣлки остаются неподвижными; но когда токъ замыкается, въ катушкѣ получается притяженіе, якорь опускается внизъ,

тянетъ пластинку, стерженъ попадаетъ въ движущійся барабанъ, и стрѣлки приходятъ въ движеніе.

Вотъ это необычайно простое приспособленіе является основнымъ принципомъ, которымъ можно пользоваться при измѣреніи психическихъ процессовъ. Покажу вамъ сейчасъ,какъ съ такимъ аппаратомъ можно измѣрять время между началомъ дѣйствія возбужденія и концомъ отвѣтнаго движенія. Надо знать время,когда начинается звуковое возбужденіе и когда заканчивается движеніе. Мы можемъ сдѣлать это такимъ образомъ. Вводимъ прежде всего въ электрическую цѣпь два ключа,напоминающіе собою телеграфные ключи.Я прошу чтобы испытуемый субъектъ надавилъ пуговку ключа,но этимъ токъ еще не замыкается.Чтобы замкнуть токъ,я произвожу ударъ по другому ключу.Такъ какъ токъ замкнулся,стрѣлки приходятъ въ движеніе.Субъектъ,услыхавъ звукъ,опускаетъ пуговку ключа,токъ размыкается и стрѣлки останавливаются.Читаемъ на циферблатахъ время:это есть время реакціи.На нихъ отмѣчаются,какъ я уже говорилъ,тысячныя доли секунды.

Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство,имѣющее огромный психологическій интересъ.Когда я говорю испытуемому:"когда услышите звукъ,произведите движеніе",то всегда ли въ этомъ случаѣ движенія одинаковы или же нѣтъ? Когда начали заниматься психо-метрическими изслѣдованіями, то были убѣждены, что всѣ эти движенія совершенно одинаковы. Впервые эти измѣренія были произведены Донберсомъ, Яагеромъ,потомъ Вундтомъ;нѣсколько

раньше Вундта производились еще въ школѣ Гельмгольца,но въ извѣстной системѣ были произведены Вундтомъ. Производя опыты съ измѣреніемъ длины реакціи на звуковое раздраженіе,онъ замѣтилъ, что продолжительность реакціи очень непостоянна, что она колеблется отъ 110 до 290 тысячныхъ секунды. А затѣмъ при помощи самонаблюденія удалось выяснить, что реакція, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій, совершается не одинаково, и эти условія и оказываютъ вліяніе на продолжительность самой реакціи.

Благодаря этому открытію колебаніе величинъ реакціи объясняется очень просто.Пусть испытуемый долженъ произвести движеніе. Онъ можетъ произвести при двухъ различныхъ условіяхъ:или онъ можетъ концентрировать вниманіе на движеніи, которое онъ долженъ совершить,онъ концентрируетъ свое вниманіе на рукѣ,пальцѣ;но онъ можетъ и не думать о движеніи руки, а концентрировать вниманіе главнымъ образомъ на ощущеніи звука. Въ зависимости отъ того, на чемъ концентрируется вниманіе на рукѣ или на ощущеніи, время реакціи получается различное. Время реакціи,когда вниманіе концентрируется на рукѣ, будетъ колебаться отъ 110 σ до 180 σ,(σ - условное обозначеніе тысячныхъ долей секунды),когда же концентрируется на слуховомъ аппаратѣ , - отъ 210 σ до 290 σ . Тамъ видъ реакціи,когда вниманіе обращается на двигательный аппаратъ,называется мускульной или моторной реакціей.Въ том же случаѣ, если вниманіе сосредоточивается на ощущеніи, то этотъ типъ реакціи называется сенсорной реакціей. Это раз-

личіе имѣетъ большое значеніе въ психологическомъ отношеніи, потому что показываетъ, что особенности психическихъ процессовъ мы не можемъ отмѣтить сразу, а эксперименты позволяютъ ихъ отмѣтить.

Въ простой реакціи, какъ уже замѣчено, имѣется моментъ физіологическій и психологическій, которые настолько связаны между собою, что времени чисто- психическаго процесса мы не знаемъ. Если бы можно было опредѣлить,гдѣ начинается психическій процессъ, и гдѣ кончается процессъ физіологическій, тогда представлялась бы возможность получить время чисто - психическаго процесса.Но мы не въ состояніи выдѣлить процессъ физіологическій изъ психическаго, и въ простой реакціи время психическаго процесса измѣрено быть не можетъ. Для этого нужно нѣсколько видоизмѣнить опытъ съ реакціей.Мы должны произвести усложненіе въ психическомъ процессѣ и тогда мы получимъ это время.Надо замѣтить, что я могу заставить реагировать не только на звукъ, но и на извѣстный цвѣтъ, и вообще на любое впечатлѣніе. Испытуемаго просятъ,въ послѣднемъ случаѣ реагировать тотчасъ же,какъ передъ нимъ появится извѣстное цвѣтовое раздраженіе.Кромѣ этой разницы въ раздраженіи въ остальномъ опытъ ставится также, какъ и съ реакціей на звукъ. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить время реакціи на извѣстное цвѣтовое ощущеніе.Какъ произведеніе звука было связано съ замыканіемъ тока, а реакція - съ размыканіемъ,такъ и здѣсь:появленіе ощущенія связано съ замыканіемъ тока, и реакція съ размыканіемъ тока.

У насъ была простая реакція, Мы можемъ усложнить этотъ процессъ, если дадимъ болѣе сложную задачу. Я уже сказалъ, что для полученія времени чисто-психическаго процесса мы должны нѣсколько видоизмѣнить опытъ съ реакціей. Испытующему говорятъ: сейчасъ вы получите возбужденіе или краснаго или желтаго цвѣта; вы должны реагировать въ томъ случаѣ, если получите ощущеніе краснаго цвѣта. Такимъ образомъ онъ имѣетъ въ сознаніи и красный, и желтый цвѣтъ. Въ простой реакціи, какъ мы видѣли, онъ реагируетъ прямо, не различая; здѣсь же онъ долженъ реагировать только въ томъ случаѣ, если появится красный цвѣтъ. Слѣдовательно испытуемый при появленіи цвѣтового раздраженія долженъ сначала различить и тогда уже произвести реакцію. Это есть процессъ р а з л и ч е н і я, который сложнѣе процесса простой реакціи. Время для процесса различенія опредѣляется такимъ образомъ. Надо взять реакцію на различеніе и вычесть время, простую реакцію. Время реакціи различенія равно приблизительно 180 σ, время же простой реакціи - 140 σ. Производимъ вычитаніе изъ 180 σ - 140 σ получается 40 . Это и есть приблизительное время, необходимое для чисто психическаго процесса различенія.

Можно еще болѣе усложнить процессъ, внести усложненный волевой процессъ. Субъекту говорятъ: сейчасъ будетъ дѣйствовать или красный или желтый цвѣтъ; на красный вы должны реагировать правой рукой, на желтый - лѣвой. Процессъ, какъ вы видите усложняется: здѣсь происходитъ, во-первыхъ, процессъ различенія, во-вторыхъ выборъ органа для совершенія опредѣ-

леннаго движенія или реакціи. Этотъ процессъ называется временемъ в ы б о р а . Зная время такой реакціи, мы можемъ легко опредѣлить время, необходимое для того, что бы послать волевой импульсъ. Для этого берется время реакціи, и изъ него вычитается время простий реакціи и процесса различенія.

Я хотѣлъ указать еще на одинъ психическій процессъ, который можетъ быть измѣренъ и измѣреніе котораго имѣетъ важное значеніе для психологіи. Я имѣю въ виду измѣреніе времени ассоціаціи представленіи. Производится это такимъ образомъ: испытуемому дается слово, а онъ по ассоціаціи долженъ произнести другое слово. Экспериментаторъ, произнося какое нибудь слово, размыкаетъ токъ, экспериментируемый же отнимаетъ пальцы отъ ключа, размыкаетъ токъ и тѣмъ останавливаетъ стрѣлки хроноскопа. Мы можемъ слѣдовательно опредѣлить время, когда слово начало дѣйствовать и время, когда у испытуемаго явится какое нибудь слово по ассоціаціи. (Я показываю слова - мѣлъ, честь, зло, Кантъ и т.д. и спрашиваю, какая ассоціація является у васъ) Такимъ образомъ можетъ быть высчитано время, потребное для появленія той или другой ассоціаціи.

Благодаря этому можно ассоціаціи классифицировать по характеру, по времени, которое требуется для появленія воспроизведенія. Задача ассоціаціи можетъ быть различна: я даю слово и говорю, воспроизведите первое, что придетъ вамъ въ голову - это ассоціація свободная (Здѣсь вы совершенно пассивны, воспроизводить первое, что

пришло вамъ въ голову). Эта ассоціація можетъ быть по смежности, по сходству и т.д. но можетъ быть ассоціація и принудительная, когда, напримѣръ, надо подобрать слово, находящееся въ связи съ даннымъ - напримѣръ, найти родовое, координированное понятіе къ данному и т.д. Такимъ образомъ эти ассоціаціи сильно отличаются по своему характеру, отъ свободныхъ ассоціацій, и время ихъ бываетъ различно. Напримѣръ: ассоціація словесная требуетъ 737σ ; ассоціація логическаго характера - 730σ ; Если надо отыскать свойство предмета - 358 σ ; для подысканія же классового понятія - 727 σ и т.д. Абсолютныя цифры не имѣютъ значенія для насъ, намъ важно то, что при помощи такихъ измѣреній мы имѣемъ возможность классифицировать тѣ или другія ассоціаціи, т.е. можемъ проникать въ самую сущность психическихъ процессовъ.

На этомъ я счелъ бы возможнымъ закончить вопросъ объ измѣреніи умственныхъ процессовъ, остановлюсь еще на значеніи ихъ для психологіи.

Одно время самымъ интереснымъ въ измѣреніи психическихъ процессовъ ситали именно то, что психическіе процессы могутъ быть измѣряемы и слѣдовательно имѣютъ характеръ физическій. Теперь интересъ къ этой сторонѣ дѣла отпалъ и стало ясно для всѣхъ, что то обстоятельство, что психическіе процессы длятся во времени, могутъ быть измѣряемы, вовсе не доказываетъ ихъ физическаго характера. Раньше интересовались тѣмъ, что число вообще можетъ быть приложено къ процессамъ психическимъ, что понятіе точности изъ естество-

знанiи можетъ быть перенесено на изученiе психическихъ явленiй. Но въ психологiи абсолютныя цифры не имѣютъ значенiя : они такъ колеблются, что не имѣютъ примѣненiя въ томъ смыслѣ, какъ въ физикѣ, химiи, бiологiи.

Что же имѣетъ значенiе въ измѣренiяхъ умственныхъ процессовъ ? Благодаря имъ мы имѣемъ возможность расчленить психическiй процессъ. До этихъ изслѣдованiй такiя понятiя, какъ перцепцiя, апперцепцiя, волевой импульсъ, являлись въ очень неопредѣленной формѣ. Теперь благодаря анализу, благодаря цифрамъ, показывающимъ качество измѣряемыхъ психическихъ процессовъ, можно много точнѣе прежняго расчленять психическiе процессы, указать тотъ или другой момент. Въ этомъ громадное научное значенiе психиметрическихъ изслѣдованiй.

О ВНИМАНIИ.

Лекцiя 12-я.

Къ числу самыхъ основныхъ вопросовъ психологiи принадлежитъ вопросъ о природѣ вниманiя.

Если мы обратимся къ психологiи за опредѣленiемъ того, что называется вниманiемъ, то мы съ удивленiемъ увидимъ, что нельзя найти даже двухъ - трехъ психологовъ, которые одинаково понимали бы, что такое вниманiе. Объясняется это тѣмъ, что актъ вниманiя настолько сложное, если можно употребить такое вульгарное выраженiе, настолько многогранное явленiе, что каждый психологъ обращаетъ вниманiе на одну ка-

кую -нибудь сторону его. Вслѣдствіе этого получается такое многообразіе опредѣленій понятія вниманія. Что касается меня, я сохраняю то опредѣленіе, которое я давалъ въ элементарномъ курсѣ психологіи.

Опредѣленіе сводится къ слѣдующему. Я исхожу изъ факта у з о с т и сознанія. Это уже указываетъ, какой фактъ я хочу разсматривать: фактъ одновременнаго сосуществованія ряда психическихъ явленій. Это одинъ изъ самыхъ общихъ фактовъ: психическія явленія или слѣдуютъ другъ за другомъ, или сосуществуютъ. Я беру пос лѣдній случай - фактъ одновременнаго сосуществованія ряда психическихъ явленій. Примѣняясь къ популярной терминологіи, я могу отыскать признаки вниманія. Если я скажу: на наше сознаніе дѣйствуетъ одновременно рядъ впечатлѣній, возбужденій - я вижу рядъ предметовъ опредѣленной формы, въ то же время рядъ звуковъ дѣйствуетъ на мое сознаніе, прикосновеніе къ вещамъ даетъ ощущеніе твердости, шероховатости, тепла и т.д. - при данности большого числа впечатлѣній, раздраженій можемъ ли мы воспринимать большое число ощущеній или не можемъ? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ отрицательно: не можемъ, потому что дѣятельность сознанія ограничена, наше сознаніе отличается узостью: изъ ряда дѣйствующихъ на насъ впечатлѣній ясно, отчетливо сознавать мы можемъ одно, два, нѣсколько, но не всѣ. Вслѣдствіе того, что не всѣ впечатлѣнія могутъ быть ясно, отчетливо сознаваемы, возникаютъ процессы, которые называются нами вниманіемъ или невниманіемъ. Т о т ъ п р о -

цессъ,въ корором нѣкоторыя впечатлѣнія оказываются сознаваемыми ясно,отчетливо,живо въ то время, какъ другія остаются неясными, неотчетливыми, есть процессъ вниманія. Другое опредѣленіе процесса вниманія я считалъ бы невозможнымъ давать. Я слышу звукъ и направляю на него свое вниманіе, на все остальное я не обращаю вниманія, къ остальному я невнимателенъ. Вниманіе и невниманіе - коррелативныя понятія, понятія связанныя другъ съ другомъ. Отчетливость и ясность однихъ пвечатлѣній пріобрѣтается на счетъ неотчетливости и неясности другихъ. Усиленіе одного впечатлѣнія на счетъ другого и есть процессъ вниманія.

Если такъ описать процессъ вниманія,возникаетъ трудный вопрос :отчего изъ ряда дѣйствующихъ на насъ впечатлѣній нѣкоторыя воспринимаются нами ясно,отчетливо,живо, а другія неясно,неотчетливо и неживо? Каковы причины вниманія"?Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ отвѣтить на вопросъ о механизмѣ вниманія.Я не говорю о томъ,имѣемъ ли мы право ставить такой вопросъ или же не имѣемъ.Мы разсмотримъ,при какихъ условіяхъ то или другое ощущеніе, представленіе пріобрѣтаетъ наибольшую живость, отчетливость, ясность, не ставя вопроса о причинахъ этого.

На вопросъ объ условіяхъ не трудно отвѣтить:легко сказать, при какихъ условіяхъ то или другое ощущеніе пріобрѣтаетъ наибольшую живость сравнительно съ другими ощущеніями.

Мы такъ бы могли формулировать отвѣтъ: такимъ условіемъ является прежде всего интенсивность раздраженія. Легко понять въ чемъ заключается это условіе. Если бы въ моментъ нашей бесѣды раздался сильный трескъ, мы перестали бы вести бесѣду, и наше вниманіе направилось бы на этотъ звукъ большой интенсивности; если въ комнатѣ внезапно потемнѣло, наше вниманіе направилось бы на это ощущеніе; если явилось бы сильное болевое ощущеніе, вниманіе направилось бы на него. Сила или интенсивность раздраженія - одно изъ наиболѣе замѣтныхъ условій вниманія.

Второе условіе можетъ быть ясно примѣнено и въ обиходной жизни. Тѣ ощущенія или представленія, которыя имѣютъ опредѣленный чувственный тонъ, связаны съ чувствомъ удовольствія или страданія, привлекаютъ наше вниманіе; мы мыслимъ именно эти, а не другія ощущенія, представленія. Если мы слышимъ мелодію, доставляющую намъ удовольствіе, наше вниманіе удерживается именно на этомъ представленіи; если у насъ возникло болевое чувство, мы направляемъ вниманіе на него. Если намъ представляется что-нибудь интересное, сопровождающееся чувствомъ удовольствія, мы тотчасъ направляемъ на это наше вниманіе. Итакъ, вторымъ условіемъ, обусловливающимъ процессъ вниманія, является связь тѣхъ или другихъ ощущеній или представленій съ извѣстнымъ чувственнымъ тономъ.

Третье условіе является менѣе яснымъ и въ обиходной жизни

не можетъ быть такъ ясно отмѣчено. Мы можемъ формулировать его такимъ образомъ : т ѣ п р е д с т а в л е н і я или о щ у щ е н і я, для к о т о р ы х ъ у насъ з а р а н ѣ е с у щ е с т в у ю т ъ п р е д с т а в л е н і я на нихъ п о х о ж і я, м о г у т ъ б ы т ь м ы с л и м ы нами н а и б о л ѣ е о т ч е т л и в о и я с н о, на нихъ н а п р а в л я е т с я наше в н и м а н і е. Положимъ, у насъ есть комплексъ а,в,с,д,этотъ комплексъ раздраженій дѣйствуетъ на наше сознаніе;если у насъ существуетъ представленіе в, сходное съ в комплекса авсд, то наше вниманіе можетъ направиться на в, и мы будемъ мыслить его ясно и отчетливо. Такихъ примѣровъ можно привести чрезвычайно много. Я приведу два - три -примѣра для иллюстраціи. Если взять какой-нибудь тонъ, напримѣръ, do mi sol -они дадутъ такой комплексъ, въ которомъ далеко не всякій, а лишь музыкантъ съ хорошимъ слухом, может выдѣлить ясно каждый элементъ въ отдѣльности;для людей съ неразвитымъ слухомъ они представляютъ одно цѣлое. Но можно сдѣлать такъ, что даже неразвитое ухо будетъ въ состояніи выдѣлить одинъ изъ этихъ тоновъ. Если вызвать отдѣльно ощущеніе тона, т.е., родственнаго ,похожаго, тождественнаго съ тономъ mi въ данномъ комплексѣ, то благодаря наличности представленія тона mi изъ комплекса do mi sol можно выдѣлить соотвѣтствующій тонъ. Примѣромъ могутъ служить еще такъ называемыя загадочныя картинки, представляющія забаву для дѣтей:на основаніи наличности извѣстнаго представленія

- - - -

надо выдѣлить извѣстныя линіи, извѣстный образъ. Такимъ образомъ третьимъ условіемъ вниманія является наличность представленія похожаго, родственнаго, находящагося въ отношеніи ассоціаціи по сходству съ тѣмъ, которое вы желаете выдѣлить. Эти три условія имѣютъ важное значеніе для выясненія механизма вниманія.

Мы обычно отличаемъ два вида вниманія - вниманіе п р о и з в о л ь н о е и вниманіе н е п р о и з в о л ь н о е. Но это вовсе не значитъ, что при такомъ различеніи мы имѣемъ дѣло съ явленіями разнородными. Это невѣрно и съ точки зрѣнія генетической психологіи и съ точки зрѣнія психологіи описательной. Если мы разсмотримъ явленія вниманія произвольнаго и непроизвольнаго, мы усмотримъ между ними поразительное родство. Что такое непроизвольное вниманіе ? Это вниманіе случайное, которое имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ,если какое-нибудь впечатлѣніе само привлекаетъ на себя наше вниманіе, напримѣръ: внезапный сильный шумъ, сильное свѣтовое впечатлѣніе. Если же, наоборотъ, мы сами активно ищемъ извѣстное впечатлѣніе, то въ такомъ случаѣ вниманіе будетъ уже произвольнымъ.

Въ процессѣ вниманія особенно важнымъ, существеннымъ является то обстоятельство, что, когда мы ищемъ извѣстное впечатлѣніе, происходитъ рядъ приспособленій нашихъ органовъ. Если я хочу разсмотрѣть какую-нибудь вещь, зрительныя оси конвергируютъ, происходитъ аккомодація, рядъ другихъ физіологическихъ процессовъ. Если мы слышимъ недостаточно силь-

ный звукъ, чтобы ухо заняло болѣе удобное положеніе, приспособляемъ органъ слуха для лучшаго слышанія, притаеваемъ дыханіе. Эти приспособленія необходимые аксессуары процесса вниманія. Если мы вдыхаемъ какой нибудь ароматъ и желаемъ быть болѣе внимательными къ процессу ощущенія, то закрываемъ глаза, чтобы вниманіе было болѣе концентрировано на данномъ ощущеніи. Такимъ образомъ цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ движеній совершается нами въ актѣ произвольнаго вниманія. Непроизвольное вниманіе имѣетъ кратковременный характеръ: внезапный шумъ, свѣтъ воспринимаются нами сразу и имѣютъ мало длительный характеръ.

Что же есть общаго и различнаго между вниманіемъ произвольнымъ и непроизвольнымъ? Между ними существуетъ безспорное родство; оно заключается въ томъ, что оба вида суть акты вниманія, въ томъ и другомъ рядѣ впечатлѣній, дѣйствующихъ на насъ, ясно, отчетливо мыслятся только нѣкоторыя. Но между ними есть различія и это очень существенно отмѣтить: какъ въ волевомъ актѣ мы имѣем влеченіе и сложное дѣйствіе воли, такъ и здѣсь - между произвольнымъ и непроизвольнымъ вниманіемъ существуетъ такое же различіе. Въ произвольномъ вниманіи мы активно воспринимаемъ, антицируемъ, предвидимъ, именно заранѣе представленіе того, что хотимъ воспринять: Это совершенно ясно: я въ толпѣ ищу знакомаго; у меня есть образъ знакомаго, при помощи этого образа я разбираюсь въ получаемыхъ впечатлѣніяхъ. Если мнѣ данъ рядъ тоновъ и я ищу извѣстный тонъ, у меня есть опредѣленный образ,

съ которымъ я иду въ поиски, воспринимаю. Въ непроизвольномъ вниманіи этого нѣтъ: тамъ ощущенія, представленія, впечатлѣнія сами втискиваются въ сознаніе. Замѣтьте слѣдующее различіе: непроизвольное вниманіе имѣетъ кратковременное существованіе, произвольное - долговременное. Непроизвольное вниманіе имѣетъ непроизвольный характеръ лишь на первой стадіи, затѣмъ имѣетъ уже характеръ произвольный. Поясню это примѣромъ: если бы сейчасъ раздался трескъ, то въ тотъ моментъ, когда я воспринялъ бы его, вниманіе было бы непроизвольнымъ; если бы я сталъ дѣлать предположенія, сталъ искать причины, отчего онъ произошелъ, вниманіе сдѣлалось бы произвольнымъ, потому что къ объясненію треска я подходилъ бы съ извѣстными представленіями. Вотъ въ чемъ заключается различіе между вниманіемъ произвольнымъ и непроизвольнымъ. Теперь вамъ должно быть ясно, отчего у дѣтей вниманіе по преимуществу непроизвольное, а у взрослыхъ - произвольное. Это происходитъ оттого что произвольное вниманіе обусловливается извѣстнымъ запасомъ представленій, чего у дѣтей нѣтъ. Этимъ объясняется и то, что у взрослыхъ вниманіе имѣетъ болѣе длительный характеръ.

Итакъ, произвольное и непроизвольное вниманіе различны не по качеству, а по степени. Вниманіе произвольное есть въ сущности осложненное непроизвольное вниманіе: къ вниманію непроизвольному присоединяется одинъ моментъ - антиципированія того представленія, которое нами ожидается; это являет-

ся осложненіемъ процесса непроизвольнаго вниманія.

Теперь разберемъ вопросъ, вызвавшій массу споровъ въ литературѣ, вопросъ который можно рѣшать и съ помощью самонаблюденія и съ помощью экспериментовъ. Мы говоримъ: въ процессѣ вниманія то или другое ощущеніе кажется болѣе живымъ, отчетливымъ, болѣе сильнымъ. Отсюда у насъ возникаетъ проблема: возрастаетъ ли при помощи вниманія интенсивность ощущенія, усиливается или же не усиливается интенсивность? Положимъ, у меня есть ощущеніе, имѣющее интенсивность n, я воспринимаю это ощущеніе, постигаю его безъ вниманія, а затѣмъ воспринимаю его при помощи вниманія. Будетъ ли интенсивность одинаковой въ томъ и другомъ случаѣ, или въ томъ случаѣ, если вниманіе не будетъ направлено на ощущеніе, интенсивность его будетъ меньше? Поясню это при помощи примѣра. Предположимъ, что въ тотъ моментъ, когда мы разговариваемъ, раздается выстрѣлъ не особенно сильный, въ пылу разговора мы слышимъ какой-то звукъ интенсивности n; желая произвести эксперимѣнтъ, я произвожу тотъ же самый звукъ, вы его услыхали, объективно интенсивность остается та же самая, но спрашивается, субъективно въ первомъ и во второмъ случаѣ интенсивность та же или различная? На этотъ вопросъ имѣется два отвѣта. Одни утверждаютъ, что при помощи вниманія нѣтъ возможности усилить интенсивность. Этотъ взглядъ защищаетъ основатель психо-физики, Фехнеръ. Онъ утверждаетъ, что ощущеніе при помощи направленнаго на него вниманія своей интенсивности ни въ коемъ случаѣ не усиливаетъ. Все равно звукъ пуш

ки, воспринимаемой безъ вниманія и съ отчетливымъ вниманіемъ, имѣетъ одну и ту же интенсивность. Интенсивность при вниманіи не возрастаетъ.

Намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, правъ былъ Фехнеръ, или правы тѣ, которые утверждаютъ, что при вниманіи интенсивность можетъ возрастать.

Мы говоримъ, что при помощи вниманія представленіе дѣлается болѣе яснымъ, болѣе отчетливымъ, разъ такъ, отчего не сказать болѣе интенсивнымъ? Это Фехнеръ энергично оспаривалъ и въ этомъ согласны съ нимъ многіе современные психологи. Интенсивность остается неизмѣнной, ощущеніе можетъ сдѣлаться болѣе яснымъ, живымъ, но интенсивность его возрасти не можетъ. Какъ рѣшается вопросъ? Есть ли связь между вниманіемъ и интенсивностью ощущенія? Есть данныя, позволяющія отвѣтить обратное тому, что утверждалъ Фехнеръ: при помощи вниманія ощущеніе можетъ быть усилено въ смыслѣ интенсивности. Наблюденій можно привести много, напримѣръ, наблюденія надъ кожными ощущеніями. Нѣкоторые люди обладаютъ способностью направлять свое вниманіе на часть кожи и такъ усиленно думать объ ощущеніи прикосновенія и т.д., что у нихъ отчетливо возникаетъ ощущеніе зуда, тепла и т.п., а это позволяетъ думать, что при помощи вниманія извѣстное ощущеніе, явившееся въ зачаточной формѣ, можетъ возрасти.

Другое наблюденіе приводитъ извѣстный психологъ Эббингаузъ: мы разговариваемъ, часы бьютъ 12; когда я вспоминаю объ этомъ минуту спустя, мнѣ кажется, что я слышалъ звуки, иду-

ліе издалека. Чѣмъ объясняется то, что звуки кажутся идущими издалека? Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что звуки были восприняты съ меньшей интенсивностью. Безспорно, что ощущеніе звука, воспринятое безъ вниманія, понижается въ интенсивности. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что, если обратить вниманіе на ощущеніе, это усилитъ его интенсивность.

Есть еще одно наблюденіе очень старое, являющееся показателемъ того, что при помощи усиленія вниманія можно ощущеніе довести до максимальной интенсивности. Возьмемъ ощущеніе цвѣта. Если смотрѣть долго на красный кружокъ, затѣмъ быстро перевести глаза на бѣлое поле, получается послѣдовательное изображеніе зеленаго цвѣта. У меня нѣтъ краснаго кружка, но я усиленно думаю о немъ, если затѣмъ я посмотрю на бѣлое поле, могу получить послѣдовательное изображеніе зеленаго цвѣта. У нѣкоторыхъ получается такое ощущеніе: значитъ воображаемое ощущеніе подъ вліяніемъ вниманія можетъ пріобрѣсти силу дѣйствительнаго.

Эти примѣры дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что есть связь между вниманіемъ и усиленіемъ ощущенія. Дѣлались попытки доказать это экспериментально, но они не дали точныхъ результатовъ. Эксперименты эти могутъ быть поставлены такимъ образомъ: мы воспринимаемъ какое-нибудь ощущеніе сначала со вниманіемъ, затѣмъ безъ вниманія, а затѣмъ сравниваемъ ихъ. Но методологически эти эксперименты были поставлены такъ, что не представляется возможнымъ рѣшить вопросъ болѣе или менѣе убѣдительно.

Приведенные примѣры хотя и не рѣшають вопроса, но зато ставятъ проблему - можетъ вниманіе усилить интенсивность ощущенія или нѣтъ? Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что можетъ.

Слѣдующее свойство вниманія, которое мы должны разсмотрѣть, это ускоряющее вліяніе вниманія на воспріятіе.

Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе для теоріи вниманія. Благодаря процессу вниманія тотъ или другой психическій процессъ протекаетъ скорѣе, чѣмъ если бы не имѣлось на лицо вниманія. Мы могли бы видѣть это и въ обиходной жизни, эксперименты доказываютъ это очень хорошо съ помощью реакцій. Если субъектъ реагируетъ на что-нибудь, то процессъ реакціи можетъ протекать быстрѣе или медленнѣе. Мы можемъ видоизмѣнить процессъ реакціи: мы можемъ ввести то, что называется напряженнымъ вниманіемъ, или исключить напряженное вниманіе, тогда мы увидимъ разницу въ процессахъ. Если субъекту дается сигнал, что будетъ дѣйствовать звуковое впечатлѣніе, онъ реагируетъ иначе чѣмъ въ томъ случаѣ, когда такого сигнала нѣтъ, тогда нѣтъ и приспособленія вниманія. Получается совершенно различныя цифры, если дается сигналъ и если его нѣтъ: безъ сигнала, напримѣр 0,253 σ, съ сигналомъ - 0,076 σ. Вотъ какъ велика можетъ быть разница въ реакціи, когда есть и когда нѣтъ сигнала. Объясняется это тѣмъ, что, когда есть сигналъ, вниманіе приспособляется къ извѣстному звуковому впечатлѣнію, оно оказывается напряженнымъ; когда же сигнала нѣтъ, вниманіе разсѣивается, напряженія нѣтъ, и процессъ протекаетъ медленнѣе. Это указываетъ на ускоряющую роль вниманія въ

процессѣ мышленія.

Мы указывали въ прошлый разъ два вида реакціи: реакцію сенсорную и реакцію мускульную, или лучше моторную, т.е. по предложенію экспериментатора субъектъ направляетъ свое вниманіе или на руку или на извѣстное впечатлѣніе. Вы помните, что въ томъ случаѣ, когда реакція имѣетъ характеръ сенсорный, время реакціи въ два раза длиннѣе, чѣмъ когда реакція имѣетъ характеръ моторный. Какъ это объяснить"? Объяснить очень просто, если сказать, что здѣсь играетъ роль вниманіе. Когда я направляю вниманіе на звуковое впечатлѣніе, вниманіе, обращенное на руку, ослабѣваетъ. Когда же наоборотъ вниманіе направляется главнымъ образомъ на звукъ, на руку оно посылается въ меньшемъ размѣрѣ, и движеніе замедляется. Если вниманіе цѣликомъ направлено на руку, а на ощущеніе-въ меньшей степени, это даетъ возможность процессу пройти скорѣе. Этимъ ускоряющимъ значеніемъ вниманія можно объяснить различіе между реакціей сенсорной и моторной.

При вниманіи мы мыслимъ нѣкоторыя впечатлѣнія ясно, отчетливо въ ущербъ другимъ. Если у насъ есть впечатлѣнія a, в, c, d, e, f и т.д., то изъ этого ряда мы мыслимъ ясно, отчетливо два - три, остальныя затемняются для насъ. Возникаетъ вопросъ; с к о л ь к о в п е ч а т л ѣ н і й м о ж н о о д н о в р е м е н н о м ы с л и т ь о д и н а к о в о я с н о? Между какимъ количествомъ впечатлѣній распредѣляется наше вниманіе? Разрѣшимъ вопросъ или нѣтъ, дѣло другое, но поставить его мы имѣемъ право. Этотъ вопросъ называется вопросомъ

объ объемѣ вниманія, и мнѣ кажется, что онъ можетъ быть разрѣшенъ экспериментально. До экспериментальной психологіи этотъ вопросъ рѣшался изъ соображеній теоретическаго характера и рѣшался очень разнообразно. Одни говорили, что вниманіе можетъ охватывать съ максимальной ясностью одно впечатлѣніе, другіе говорили, что два, три, четыре, пять и т. д. Со времени Вундта вопросъ подвергся экспериментальному изслѣдованію. Рѣшили экспериментальнымъ путемъ опредѣлить, между какимъ количествомъ впечатлѣній можетъ распредѣляться вниманіе, т.е. какое количество впечатлѣній одновременно можно мыслить съ одинаковой ясностью. Впечатлѣній можетъ быть очень много, но ясно я мыслю можетъ быть только два, три и т.д. впечатлѣнія. Если я возьму четыре впечатлѣнія и покажу, что одно я мыслю совершенно ясно, другое - менѣе ясно, третье еще менѣе, то задача не будетъ рѣшена. Задача заключачается въ томъ, чтобы взять такое количество впечатлѣній, которое можно было бы мыслить съ одинаковой ясностью. Тогда будетъ рѣшенъ вопросъ объ объемѣ вниманія, о распредѣленіи вниманія. Эта задача въ высшей степени сложная. Рѣшается она экспериментально съ помощью прибора для зрительныхъ впечатлѣній, называющагося тахистоскопомъ x). Задача заключается въ томъ, чтобы въ одинъ моментъ воспринять съ одинаковой ясностью наибольшее количество впечатлѣній. По мнѣнію Вундта и его сторонниковъ, если мы изъ массы впечатлѣній получимъ рядъ впечатлѣній въ краткій промежутокъ времени, которыя

x) Рис. 15.

будутъ мсмыслиться съ одинаковой ясностью,это будетъ показателемъ того количества впечатлѣній,между которыми вниманіе можетъ быть распредѣлено.Относительно зрительныхъ впечатлѣній вопросъ рѣшается довольно удовлетворительно. Вы должны фиксировать точку. Я произвожу ударъ, экранъ падаетъ и обнаруживаетъ рядъ буквъ. Вы должны воспринять извѣстное количество буквъ.Оказывается, что одновременно можно воспринять съ одинаковой ясностью 4 -5 буквъ.Другой экспериментъ можетъ быть произведенъ съ звуковыми впечатлѣніями.

Надо взять звуковыя впечатлѣнія,быстро смѣняющія другъ друга.Какое количество можно воспринять такъ,чтобы начальный и конечный членъ мыслились съ одинаковой ясностью? Оказывается,по мнѣнію Вундта, отъ 16 до 40.

Теперь многіе выражаютъ сомнѣнія въ теоретической правильности этихъ экспериментовъ. Виртъ, ученикъ Вундта говоритъ, что эти эксперименты являются показателями не того, что вниманіе можетъ обнять вообще, а того, что вниманіе можетъ обнять въ извѣстной области органовъ чувствъ: что справедливо для зрительныхъ впечатлѣній, то не справедливо для другихъ, такъ что нельзя говорить объ объемѣ вниманія вообще. Вотъ отчего эти эксперименты не имѣютъ рѣшающаго значенія. Слѣдуетъ замѣтить, что Эббингаузъ, вообще считаетъ, что вопросъ объ объемѣ сознанія не можетъ быть рѣшенъ, потому что у насъ нѣтъ признаковъ, по которымъ мы могли бы сказать, что воспринимаемъ впечатлѣнія съ одинаковой ясностью : вниманіе можетъ переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому,

а намъ можетъ казаться, что мы воспринимаемъ эти впечатлѣнія въ одно время. На этомъ основаніи онъ думаетъ, что съ помощью вниманія можно воспринимать не болѣе 2 - 3 впечатлѣній. Вообще надо сказать, что вопросъ объ объемѣ вниманія - вопросъ очень спорный.

Слѣдующій вопросъ, котораго мы должны коснуться, есть вопросъ о к о н ц е н т р а ц і и в н и м а н і я . Вопросъ изслѣдованъ экспериментально и представляетъ большой теоретическій интересъ. Если намъ дается рядъ впечатлѣній и мы направляемъ вниманіе на одно, на два, на нѣсколько впечатлѣній, то спрашивается, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть удерживаемо на одномъ впечатлѣніи, на рядѣ впечатлѣній? въ какой мѣрѣ каждое впечатлѣніе будетъ являться причиной отклоняющаго характера, причиной, которая привлекаетъ вниманіе къ себѣ, отвлекая его отъ другихъ? Въ обиходной жизни мы знаемъ, что если я читаю, а въ то же время около меня шумятъ, я говорю, что я не могу читать внимательно, потому что мнѣ мѣшаетъ шумъ. Если вниманіе концентрировалось на чемъ-нибудь, оно можетъ быть отклоняемо другимъ впечатлѣніемъ. Какого рода можетъ быть это отклоненіе, насколько дѣйствительно, какого характера? Были произведены экспериментальныя изслѣдованія, которыя показали различные типы отклоняющихъ причинъ, дѣйствующихъ различно.

Я воспринимаю что-нибудь со вниманіемъ, на ряду съ этимъ экспериментаторъ хочетъ ввести какое-нибудь отклоняющее условіе и избираетъ для этой цѣли непрерывно звучащій

камертонъ. Интересно, въ какой мѣрѣ онъ вноситъ отклоненіе? Оказывется, что непрерывно длящееся впечатлѣніе на отклоненіе вниманія не имѣетъ вліянія, иногда даже оказывается благопріятнымъ условіемъ для вниманія.

Второй классъ отклоняющихъ причинъ былъ такого рода: брали прерывающееся впечатлѣніе - удары метронома; оно сильно отклоняло вниманіе первое время, но затѣмъ испытуемый субъектъ привыкалъ къ нему и оно переставало имѣть отклоняющее вліяніе.

Третій классъ составляютъ тѣ впечатлѣнія, которыя окрашены извѣстнымъ чувственнымъ тономъ. Они имѣютъ сильное отклоняющее вліяніе. Если есть какое-нибудь впечатлѣніе, окрашенное пріятнымъ чувствомъ или же непріятнымъ, оно сильно отклоняетъ вниманіе, потому что само обладаетъ сильнымъ коэффиціентомъ вниманія. Если раздается мелодія, это чрезвычайно благопріятствуетъ отклоненію вниманія. Болевое ощущеніе, мысль о непріятномъ могутъ сильно отклонить вниманіе.

Далѣе замѣчено, что отклоненіе вниманія происходитъ въ томъ случаѣ, если приходится производить дѣйствія, относящіяся въ одинъ классъ; напримѣръ: производить сложеніе и говорить стихи, такъ какъ образы двигательные, моторные, зрительные переплетаются и здѣсь и тамъ. Принадлежность ихъ къ одному классу производила то, что произнести стихотвореніе даже хорошо знакомое и дѣлать сложеніе не удавалось. Рѣдко случается встрѣчать людей съ такой способностью.

Надо сдѣлать одно замѣчаніе по поводу сказаннаго: все,

что я привелъ, есть лишь общій очеркъ того, что дѣлалось до сихъ поръ; эти эксперименты до сихъ поръ не приняли еще систематической формы. Но чрезвычайно важно практически и педагогически выяснить отношеніе между представленіями, препятствующими и содѣйствующими вниманію, выяснить характеръ представленій, нарушающихъ вниманіе и способствующихъ вниманію. Числовыя данныя были бы очень желательны, но пока въ этихъ экспериментахъ съ отклоненіемъ вниманія мы ихъ еще не имѣемъ. Эти эксперименты возникли самое большее лѣтъ 10-15 назадъ и не успѣли сдѣлать всего, что можно бы было сдѣлать.

Наконецъ, послѣдній пунктъ относительно свойствъ вниманія, который мы должны выяснить, - в о п р о с ъ о к о л е б а н і и в н и м а н і я. Колебаніе вниманія въ психологіи приводятъ обыкновенно какъ вещь болѣе любопытную, чѣмъ теоретически важную, упуская изъ виду то, что всякій процессъ вниманія всегда обнаруживаетъ колебанія. Нельзя сказать: я вижу точку, я смотрю на нее непрерывно, ибо непрерывно, воспринимать что-нибудь мы не въ состояніи. Возьмемъ какую-нибудь монету, изберемъ на ней точку, будемъ смотрѣть на эту точку и понаблюдаемъ за собой. При тщательномъ самонаблюденіи мы отмѣтимъ, что наше вниманіе не можетъ удержаться на одномъ пунктѣ, оно постоянно переходитъ отъ одного къ другому. Чтобы мы ни разсматривали, ни слушали, если мы говоримъ, что смотримъ внимательно, внимательно слушаемъ, это только намъ кажется: на самомъ дѣлѣ вниманіе переходитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому. Всегда про-

цессъ вниманія прерывается. Особенно замѣтно прерывистый характеръ вниманія на впечатлѣніяхъ, находящихся у порога, т.е. настолько незначительныхъ, что мы можемъ сомнѣваться въ томъ,имѣются ли они на лицо. Если взять часы и въ ночной тишинѣ прислушаться къ ихъ тиканью, вы замѣтите, что они то тикаютъ, то перестаютъ тикать. Вы отмѣтите это явленіе съ полной ясностью.Это явленіе называется явленіемъ колеблющагося вниманія.Я демонстритую это на двойномъ изображеніи. Такихъ примѣровъ можно привести очень много.

Если вы возьмете усѣченную пирамиду x) ,обращенную остріемъ къ намъ, вы видите, что нѣтъ возможности видѣть одинъ рисунокъ:вамъ будетъ казаться сначала, что пирамида обращена остріемъ къ вамъ, а затѣмъ будетъ казаться, что она обращена остріемъ отъ васъ.Такого рода явленій колебанія вниманія чрезвычайно много; я еще вернусь къ нимъ, когда буду говорить о воспріятіи пространства.

Интересно выяснить причины колебанія вниманія. Есть двѣ рѣзко другъ отъ друга отличающіяся теоріи,которыя важны для поясненія самого механизма вниманія.

Нѣкоторые полагаютъ,что,если я смотрю на какую-нибудь точку и она колеблется, то это происходитъ отъ того, что въ сѣтчаткѣ происходитъ периферическое утомленіе, и я долженъ въ силу этого обратить свое ниманіе на другое. Другіе говорятъ, что сѣтчатка здѣсь ни причемъ, утомленіе периферическихъ органовъ не имѣетъ значенія, что здѣсь происходитъ утомленіе центральнаго органа, мозга, и это утомле-

x) Рис. 16.

ніе заставляетъ отклоняться вниманіе. Аннерципирующій орган перестаетъ на время функціонировать.

Вотъ все многообразіе фактовъ,съ которыми я считалъ необходимымъ познакомить васъ,чтобы предложить вамъ теорію вниманія. Въ чемъ заключается механизмъ вниманія ? Мы видѣли, что называется вниманіемъ, чѣмъ оно обусловливается, видѣли, какія измѣненія въ сознаніи можетъ произвести вниманіе.Отвѣтить на вопросъ, чѣмъ объясняется вниманіе, чѣмъ объясняется то, что при данности цѣлаго ряда впечатлѣній только нѣкоторыя мыслятся ясно и отчетливо, чѣмъ объясняется это выдѣленіе однихъ впечатлѣній въ ущербъ другимъ, - отвѣтить на эти вопросы значитъ объяснить вниманіе, указать причины явленія. Это одна изъ коренныхъ задачъ современной психологіи.

Въ современной психологіи на вопросъ о причинахъ вниманія дѣлаютъ попытки дать объясненіе физіологическое. Слѣдующая лекція и будетъ поэтому посвящена вопросу о физіологическихъ причинахъ вниманія.

Лекція 13-я

Мы разсматривали прошлый разъ вопросъ о вниманіи,правильнѣе сказать,вопросъ о природѣ вниманія съ точки зрѣнія описательной: мы описали,каковы условія вниманія и каковы результаты его дѣйствія.Вниманіе мы опредѣлили слѣдующимъ образомъ:вниманіе есть такой процессъ,въ которомъ изъ ряда впечатлѣній,дѣйствующихъ на насъ одновременно, въ нашемъ сознаніи нѣкоторыя изъ нихъ мыслятся ясно,отчетливо,живо.

Нельзя ли объяснить, отчего при данности ряда впечатлѣній нѣкоторыя изъ нихъ мыслятся ясно, а другія- неясно? Очевидно, есть какая-то связь между впечатлѣніями: одни впечатлѣнія стѣсняютъ другія. Этотъ терминъ "стѣсненіе" идетъ отъ Гербарта, сдѣлавшаго первую попытку объяснить процессъ вниманія съ точки зрѣнія движенія представленій. По его мнѣнію, ощущенія, представленія имѣютъ извѣстную силу, при чемъ одни обладаютъ большей силой; другія- меньшей; они конкуррируютъ между собой, и тѣ, которыя обладаютъ большей силой, поднимаются надъ порогомъ сознанія, доминируютъ надъ другими, стѣсняютъ другія, находящіяся под порогомъ сознанія. Но если представленія, находящіяся подъ порогомъ сознанія, окажутся болѣе сильными, то они вытѣсняютъ первыхъ, и эти въ свою очередь должны стать ниже порога сознанія. Эта теорія Гербарта была принята въ гербартіанской школѣ. Съ точки зрѣнія психологической она не представляетъ объясненія вниманія, а даетъ только описанія самого процесса. Но Гербартъ и его школа связывали силу представленій съ различными метафизическими теоріями; имъ казалось, что здѣсь есть настоящее объясненіе. Но для того, кто не стоитъ на его метафизической точкѣ зрѣнія, это объясненіе не обязательно. Все же одно понятіе является здѣсь весьма существеннымъ для насъ, это именно терминъ "стѣсненіе". Вслѣдствіе узости сознанія нѣкоторыя представленія стѣсняются и только нѣкоторыя появляются надъ порогомъ сознанія. То обстоятельство, что нѣкоторыя представленія мыслятся нами отчетливо, ясно, нуждается въ объясненіи. Всѣ

психологи, хотѣвшіе дать объясненіе, объясняли фактъ физіологически. Имъ казалось, что на вопросъ, отчего происходитъ вниманіе, можно дать отвѣтъ только физіологическій. Цѣлый рядъ авторовъ, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ, давали отвѣтъ физіологическій.

Первое физіологическое объясненіе принадлежитъ французскому психологу Рибо, собственно говоря, заимствовавшему свою теорію у англійскаго психолога Maudsley; но благодаря Рибо, эта теорія сдѣлалась популярной. Онъ разсуждаетъ такъ: если мы будемъ описывать процессъ вниманія, мы замѣтимъ, что весьма существеннымъ для него являются всевозможныя движенія, движенія приспособленія, о которыхъ я говорилъ уже въ прошлый разъ: мы приводимъ въ движеніе мышцы лица, головы, всего туловища, чтобы воспринимать впечатлѣніе отчетливѣе. Имѣютъ эти движенія значеніе для процесса вниманія или нѣтъ, являются случайными, сопутствующими обстоятельствами? Можетъ быть процессъ вниманія существуетъ самъ по себѣ, а движенія - лишь обстоятельства сопровождающія его? Можно думать и такъ, но можно думать иначе, что они являются существенными для вниманія, и что безъ нихъ, безъ того, что связано съ этими процессами движенія, вниманія быть не можетъ. Поставивъ вопросъ, Рибо заявляетъ : нѣтъ сомнѣнія, что движенія приспособленія являются существенными для процесса вниманія. Если отбросить движенія приспособленія, то вниманія не будетъ. Безспорно, движенія приспособленія для вниманія играютъ весьма существенную роль. Какъ можно это

доказать? Возьмемъ такой процессъ, въ которомъ нѣтъ вниманія: образъ оказывается неяснымъ, неотчетливымъ, слабымъ. Произведемъ рядъ движеній, связанныхъ съ вниманіемъ, образъ сдѣлается тотчасъ же отчетливымъ, живымъ. Слѣдовательно, процессы вниманія и движенія связаны. Появленіе движеній существенно для усиленія образа. Эти мышечныя движенія - источникъ усиленія впечатлѣній. Какъ происходитъ это, Рибо не объясняетъ. Мы найдемъ объясненіе у слѣдующаго автора. Несомнѣнно, что для теоріи Рибо всѣ эти движенія имѣютъ громадную важность. Если есть непосредственное зрительное представленіе, то стоитъ только уничтожить мышечное приспособленіе, т.е. движенія приспособленія, и вниманіе будетъ отсутствовать. Слѣдовательно, движенія, по преимуществу мускульныя, по мнѣнію Рибо, играютъ въ процессѣ вниманія чрезвычайно важную роль. Если въ мозгу въ состояніи невнимательности есть извѣстное возбужденіе, соотвѣтствующій ему слабый образъ, то если на ряду съ этимъ отъ мышцъ глаза, уха, шеи и т.д. будутъ происходить возбужденія и возникать двигательныя ощущенія, они будутъ усиливать этотъ слабый образъ. Вотъ теорія Рибо, переданная мной почти буквально. Значитъ, слабые образы усиливаются благодаря ощущеніямъ, идущимъ отъ мышцъ. Если бы Рибо былъ правъ, что слабыя возбужденія, соотвѣтствующія слабымъ образамъ, усиливаются благодаря прибавленію мышечныхъ ощущеній, мы получили бы отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, отчего образы становятся отчетливѣе. По мнѣнію Рибо, оттого, что къ соотвѣтствующему возбужденію прибавляются двигательныя ощуще-

нія.

Эта теорія, предложенная Рибо лѣтъ 20 -25 назадъ, встрѣтила большое сочувствіе, и многіе психологи до сихъ поръ пользуются этимъ объясненіемъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи теоріи, мы видимъ въ ней грубую ошибку. Это не есть объясненіе. Нельзя понять, почему, если у меня есть образъ А и потомъ является другой образъ В, почему отъ этого образъ А долженъ усилиться? На этотъ вопросъ въ теоріи Рибо и у другихъ психологовъ, держащихся его мнѣнія, мы не находимъ отвѣта.

Другая теорія, родственная первой, но болѣе разработанная, принадлежитъ Одесскому профессору Н.Н. Ланге, объясненіе котораго напоминаетъ объясненіе Рибо. Онъ предполагаетъ, что ощущенія, связанныя съ извѣстными движеніями, служатъ для объясненія усиленія образовъ. Положимъ, что я имѣю какое-нибудь воспріятіе. Отчего образъ, воспринимаемый безъ вниманія, является слабымъ, а воспринимаемый со вниманіемъ дѣлается яснымъ? Ланге объясняетъ это такимъ образомъ. Предположимъ, что въ коркѣ мозга появляется возбужденіе, соотвѣтствующее извѣстному представленію, которое, воспринимаемо безъ вниманія, будетъ слабымъ, неотчетливымъ, неяснымъ, неживымъ. Если бы къ этому представленію не присоединились еще другія представленія, связанныя съ движеніями, образъ такъ и остался бы слабымъ, неотчетливымъ. Но если является другое ощущеніе В, связанное съ извѣстнымъ движеніемъ, то представленіе, образъ А дѣлается яснымъ, живымъ. Если я вспоминаю

образъ окна, у меня долженъ явиться также и образъ движенія, которыя необходимы, чтобы предметъ могъ быть воспринятъ. Къ этому образу воспріятія присоединяется воспоминаніе образа движенія: я вспоминаю, что надо сдѣлать, чтобы воспринять окно и т.д. У меня является въ воспоминаніи извѣстный образъ, подъ его вліяніемъ отъ корки головного мозга идетъ возбужденіе къ какому-нибудь движущему органу - къ мышцамъ глаза и т.п., - и производитъ раздраженіе въ зачаточной формѣ. Отсюда идетъ новое возбужденіе къ коркѣ мозга, возникаетъ новое ощущеніе движенія, которое способствуетъ тому, что первое ощущеніе зрительное появляется въ новой формѣ. Фактовъ, которые приводитъ Ланге, много; они какъ будто убѣдительны и доказываютъ, что безъ движеній вниманія быть не можетъ. Но хотя факты и очень убѣдительны, теорія Ланге также неубѣдительна, какъ теорія Рибо, потому что если въ мозгу въ одномъ центрѣ есть представленіе А, а въ другомъ центрѣ появится другое представленіе В, то спрашивается, почему на томъ основаніи, что въ коркѣ головного мозга появилось другое ощущеніе, первое должно усилиться? Этого изъ теоріи Рибо-Ланге понять нельзя, и я считаю теорію Ланге неправильной. Изъ общихъ представленій о нервной дѣятельности нельзя понять, почему, если есть два возбужденія, одно должно усилить другое. На этот вопросъ въ теоріяхъ Рибо и Ланге отвѣта нѣтъ.

Новыя теоріи идутъ по болѣе правильному пути. Онѣ нѣсколько сложнѣе первыхъ двухъ, но отвѣтъ получается болѣе правильный. Эти теоріи принадлежатъ двумъ психологамъ - Эб-

бингаузу и Г.Э.Мюллеру

Мюллеръ даетъ объясненіе чисто физіологическое, т.е, ищетъ физіологическій коррелатъ для объясненія усиленія образовъ. Если мы представимъ, что есть два пути, по которымъ распространяется возбужденіе, то пусть по этимъ двумъ путямъ идетъ въ извѣстномъ направленіи нервный токъ. Если пустить еще одинъ токъ по тому и другому пути въ томъ же направленіи, что сдѣлается съ возбужденіемъ? Количество возбужденія возрастетъ, будетъ больше. Предположимъ обратное, что эти два пути соединяются съ другими, по которымъ тоже идетъ возбужденіе, но въ обратномъ направленіи. Что должно сдѣлаться съ возбужденіемъ? Ясно, что возбужденіе должно угнетаться, нейтрализоваться, уменьшиться и уничтожиться. Совершенно такъ, какъ шаръ, который движется въ извѣстномъ направленіи и встрѣчается съ другимъ шаромъ, движущимся съ обратномъ направленіи, долженъ остановиться, такъ и здѣсь возбужденныя части угнетаютъ и нейтрализуютъ другъ друга. Изъ этого понятно, что возбужденія или усиливаютъ, или угнетаютъ другъ друга, т.е. одно возбужденіе можетъ присоединиться къ другому и тогда будетъ сильнѣе, или встрѣтиться съ другимъ и тогда будетъ подавлено. Итакъ, теорія говоритъ: одно возбужденіе или поддерживаетъ, или уничтожаетъ другое. Этой теоріей поддержки (Unterstuzungstheorie), представленій, соотвѣтствующихъ возбужденіямъ въ первой степени, Мюллеръ думалъ объяснить вообще процессъ вниманія. Намъ собственно нечего входить въ разсмотрѣніе теоріи въ подробностяхъ. Мы можемъ поставить во-

просъ: при какихъ условіяхъ вниманіе будетъ ослабляться или усиливаться? Отвѣтъ будетъ очень простой: въ томъ случаѣ, если возбужденіе будетъ усиливаться, получится состояніе вниманія; въ томъ случаѣ, когда возбужденіе будетъ угнетаться, получится состояніе невниманія, состояніе, когда живость впечатлѣнія ослабится. Если принять это въ соображеніе, сдѣлается ясно, что происходитъ въ мозгу, когда я воспринимаю что нибудь со вниманіемъ. Вы помните тотъ примѣръ простой реакціи, который я приводилъ. Я говорю субъекту, что ему придется слышать слуховое впечатлѣніе. Субъектъ ждетъ. Что это значитъ? это значитъ, что у него есть представленіе того впечатлѣнія, которое будетъ на него дѣйствовать. Если изобразить это ожиданіе физіологически, что это будетъ значить? Это будетъ значить, что въ извѣстной части мозга, если это зрительное впечатлѣніе, является возбужденное состояніе, соотвѣтствующее ожидаемому представленію. Если это ожидаемое представленіе возникнетъ въ центрѣ, ему соотвѣтствующемъ, что произойдетъ? Положимъ, у меня есть представленіе А въ зачаточной формѣ; я жду его; соотвѣтствующій нервный центръ приходитъ въ возбужденіе. Это ожидаемое впечатлѣніе въ дѣйствительности оказываетъ воздѣйствіе на мозгъ; къ возбужденію, которое уже есть, присоединяется это новое возбужденіе, возбужденіе усиливается, дѣлается живѣе, и въ связи съ этимъ соотвѣтствующее психическое состояніе усилится, будетъ живѣе. Представьте себѣ: если какое нибудь впечатлѣніе оказываетъ воздѣйствіе на тотъ центръ, въ которомъ уже есть представленіе, какой пріемъ встрѣтитъ

такое возбужденіе? Мѣсто уже занято другимъ возбужденіемъ. Новое возбужденіе, не встрѣчая соотвѣтствующаго возбужденія, можетъ произвести только извѣстное нарушеніе. Оттого, если два некоординированныхъ впечатлѣнія дѣйствуютъ одновременно, то этому физіологически соотвѣтствуетъ такой процессъ, что одно возбужденіе парализуетъ другое, уменьшаетъ интенсивность другого. Вотъ отчего наше сознаніе, направленное на нѣсколько впечатлѣній, не можетъ ихъ воспринять, если они не встрѣчаютъ готовой почвы въ видѣ соотвѣтственнаго направленія вниманія. Такова теорія Мюллера.

Еще болѣе убѣдительной, по моему мнѣнію, является теорія Эббингауза. Она немного сложнѣе теоріи Мюллера, но принимаетъ въ соображеніе еще нѣкоторыя данныя и объясняетъ еще нѣкоторые случаи. Эббингаузъ тоже принимаетъ во вниманіе, что могутъ быть возбужденія различныя: одно болѣе сильное, другое болѣе слабое. Онъ предполагаетъ, что для того, чтобы извѣстное ощущеніе сознавалось ясно и отчетливо, надо, чтобы возбужденіе въ мозгу было разграничено отчетливо; если извѣстное впечатлѣніе воспринимается неясно, неотчетливо, то это происходитъ оттого, что и въ мозгу соотвѣтствующее возбужденіе неразграничено. Здѣсь мы видимъ какъ бы другой принципъ. Если въ мозгу возбужденіе бываетъ точно, строго локализовано, и соотвѣтственно, и если и нервное возбужденіе совершенно локализовано, то только тогда и соотвѣтствующее возбужденію представленіе или ощущеніе получается ясно и отчетливо. Если возбужденіе пріобрѣло характеръ не такой от-

четливый, если возбужденіе будетъ разлито, то при такихъ условіяхъ получается ощущеніе, представленіе неясное, неотчетливое. Вотъ какъ Эббингаузъ представлялъ возможнымъ указать причину отчетливости и неотчетливости представленій. При какихъ условіяхъ можетъ быть отграниченное возбужденіе и неотграниченное возбужденіе ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Эббингаузъ обращаетъ вниманіе на строеніе нервной системы. Если бы мы имѣли одну нервную клѣтку, связанную съ другой, эту въ свою очередь связанной съ третьей и т.д., что произошло бы, если бы отъ периферіи стало дѣйствовать возбужденіе на первую клѣтку? Какова была бы судьба возбужденія? Возбужденіе передалось бы отъ первой клѣтки въ другую, тотъ этой въ третью и т.д.. Тогда возбужденіе имѣло бы строго отграниченный характеръ. Но у насъ нервы связаны не такъ :каждый нервъ связанъ съ другими нервами не только въ одномъ продольномъ, но и въ поперечномъ направленіи. Что отсюда происходитъ? Что дѣлается съ возбужденіемъ, дѣйствующимъ извнѣ? Оно разливается и по бокамъ, т.е. такъ же, какъ и жидкость, будетъ итти по линіи наименьшаго сопротивленія. Такимъ образомъ при наличности такой связи клѣтокъ должно получиться то, что возбужденіе будетъ разлито, приметъ характеръ неопредѣленный, диффузный. Надо чтобы были такія условія, при которыхъ возбужденіе вмѣсто разлитого характера приняло бы строго отграниченный характеръ. Какъ это можетъ быть, при какихъ условіяхъ? Эббингаузъ дѣлаетъ такое предположеніе: если возбужденіе пройдетъ въ извѣстномъ направленіи разъ, возбужденіе разольется; но

но если по тѣмъ же самымъ путямъ будетъ опять дѣйствовать возбужденіе, оно будетъ разливаться меньше; въ третій разъ - еще меньше, въ четвертый- еще меньше, до тѣхъ поръ пока для такого возбужденія, повторявшагося много разъ, откроется путь строго локализованный, отграниченный. Такое строго отграниченное возбужденіе не будетъ разливаться, будетъ занимать строго опредѣленное мѣсто, для него образуется главный путь, а всѣ остальные будутъ побочными. Если принять въ соображеніе существованіе возбужденій разлитыхъ и неразлитыхъ, образованіе главнаго и побочныхъ путей, мысль Эббингауза дѣлается понятной. Тѣ впечатлѣнія, которыя имѣли въ прошломъ опытѣ впечатлѣнія сходныя, воспринимаются со вниманіемъ. Чтобы изъ комплекса авс воспринять в, надо, чтобы у насъ было раньше впечатлѣніе в, мы тогда обращаемъ вниманіе на в, внимательно воспринимаемъ именно впечатлѣніе в. Переведемъ это на языкъ физіологическій: когда извѣстное впечатлѣніе подѣйствовало на сознаніе, въ мозгу произошло извѣстное возбужденіе, принявшее извѣстный путь; слѣдующее впечатлѣніе, похожее на первое, займетъ въ видѣ возбужденія тотъ же путь и приметъ характеръ разграниченный, это соотвѣтствуетъ отчетливому воспріятію. Если одновременно дѣйствуетъ нѣсколько возбужденій, и они занимаютъ побочные пути, переплетаются, они производятъ возбужденіе разлитое, неотчетливое, это соотвѣтствуетъ представленію, образу неясному, неотчетливому. Въ процессѣ вниманія имѣется въ мозгу такое возбужденіе, которое имѣетъ строго отграниченный характеръ, а въ процессѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ нарушеніемъ

вниманія, возбужденія въ мозгу другъ друга угнетаютъ и даютъ въ результатѣ разлитое возбужденіе. Вотъ теорія, предложенная Эббингауземъ. По его мнѣнію, чтобы ощущеніе усилилось, возбужденіе должно быть строго дифференцированнымъ, отграниченнымъ; иначе, разлитое возбужденіе будетъ соотвѣтствовать впечатлѣнію неясному, будетъ соотвѣтствовать процессу нарушеннаго вниманія, процессу отсутствія вниманія. Такова одна изъ самыхъ послѣднихъ теорій.

Кто интересуется вопросомъ физіологическаго объясненія психическихъ теорій, для того теорія Эббингауза является наилучшей. Она объясняетъ, отчего ассоціаціи по сходству имѣютъ такое важное значеніе: оттого, что извѣстное возбужденіе находитъ уже готовое мѣсто, которое оно занимаетъ и даетъ опредѣленное, отчетливое воспріятіе.

Перехожу теперь къ слѣдующему большому отдѣлу, къ вопросу о в о с п р і я т і и. Принято отличать воспріятіе отъ ощущенія. Такое различеніе существуетъ и въ популярной терминологіи. Если я познаю что нибудь - напримѣръ, на меня дѣйствуютъ бѣлый цвѣтъ стѣны, то я ощущаю бѣлый цвѣтъ; но, столъ, -напримѣръ, я уже воспринимаю, а не только ощущаю. Различіе можно произвести въ такомъ видѣ: ощущеніе не имѣетъ объективнаго характера, если я говорю только объ ощущеніи, то это есть только первая стадія умственнаго процесса, изъ которой должно выраcти воспріятіе. если данное ощущеніе относится къ мѣсту, связывается съ представленіемъ мѣста, локализуется, объективируется, это будетъ уже воспріятіе. Если я говорю объ

ощущеніи просто, я не имѣю въ виду, что оно принадлежитъ вещи, находящейся внѣ меня, въ опредѣленной части пространства; въ воспріятіи я имѣю дѣло съ ощущеніемъ локализованнымъ, объективированнымъ. Такъ проводятъ различіе между этими двумя понятіями.

Противъ такого различенія надо сдѣлать замѣчаніе: ощущеніе, какъ таковое, въ чистомъ видѣ не существуетъ; простое ощущеніе есть абстракція. Раньше всего есть воспріятіе, познавательный процессъ, имѣющій объективный характеръ, а мы лишь при помощи абстракціи выдѣляемъ изъ него часть, говоримъ, что это есть ощущеніе; т.е. физически въ сознаніи не можетъ быть момента, когда ощущеніе не локализуется, не объективируется, но въ цѣляхъ психологическаго анализа можно расчленить процессъ и сказать, что это есть первая стадія;, а это вторая. Поэтому въ различеніи ощущенія отъ воспріятія я пользуюсь другимъ критеріемъ, критеріемъ сложности. Я могу имѣть только ощущеніе цвѣта, но въ процессѣ воспріятія цвѣтъ принадлежитъ извѣстной вещи, напримѣръ, бѣлый цвѣтъ - сахару, при чемъ онъ связывается съ другими свойствами - формой, шероховатостью и т.д. Въ процессѣ воспріятія каждое ощущеніе вступаетъ въ соединеніе съ другими ощущеніями. Тутъ возникаетъ необычайно важная проблема. Мы говоримъ, что предметъ есть соединеніе ощущаемыхъ качествъ. Мы употребляемъ терминъ "соединеніе". Издавно было принято въ психологіи подъ соединеніемъ понимать процессъ ассоціаціи. У насъ есть ощущеніе а, оно по ассоціаціи соединяется съ ощущеніемъ в, с,

и т.д.О других соединеніяхъ прежніе психологи не говорили. Современные психологи нашли, что терминъ"соединеніе" надо дифференцировать,потому что ассоціапія оказывается терминомъ грубымъ, а понятіе соединенія слишкомъ неопредѣленным. Явилась потребность выяснить,какого рода соединенія вообще могутъ быть въ душевной жизни. На этотъ вопросъ я и хочу отвѣтить.

Каждый предметъ есть совокупность,соединеніе качествъ.Я сейчасъ покажу, до какой степени одно соединеніе можетъ быть отлично отъ другого.Мы можемъ соединить одно и другое качество такъ, что соединеніе ихъ въ одномъ случаѣ будетъ отличаться отъ соединенія въ другомъ случаѣ.Например, въ одной части пространства находится фіолетовый кружокъ,въ другой части - зеленый.Когда я направляю вниманіе на эти предметы,я воспринимаю ихъ въ извѣстномъ соединеніи,они существуютъ вмѣстѣ,но въ то же время раздѣльно,сами по себѣ: они соединены,но не смѣшаны.А что было бы,если бы они смѣшались? Тогда изъ смѣшенія фіолетоваго и зеленаго получилось бы ощущеніе синяго пвѣта.Мы отличаемъ простое соединеніе отъ того,которое оказывается смѣшеніемъ.

Я беру два одновременно дѣйствующихъ, разныхъ тона.Можно сказать à priori,какъ эти два звука будутъ соединены въ извѣстное созвучіе.Съ такой же раздѣльностью,какъ фіолетовый и зеленый цвѣтъ? Разумѣется,нѣтъ.Два тона,дѣйствуя одновременно,соединяются,но даютъ особый видъ соединенія:они сливаются получается" с л і я н і е".На это новое понятіе

я и хочу обратить ваше вниманіе.

Вотъ примѣръ, гдѣ соединяющіяся впечатлѣнія сохраняютъ самостоятельность: если на поверхность кожи будутъ дѣйствовать одновременно двѣ вещи, я получу два ощущенія, совершенно отдѣльныя, отличныя другъ отъ друга. Совсѣмъ не то получается, когда дѣйствуютъ звуки. они могутъ соединяться такъ, что сливаются, даютъ то, что называется сліяніемъ. Это такой видъ соединенія, которое представляетъ собою одно цѣлое; отдѣльныхъ элементовъ его мы не различаемъ совсѣмъ, или же различаемъ съ очень большимъ трудомъ. По русски нѣтъ подходящаго слова для обозначенія этого соединенія; по-нѣмецки употребляется терминъ Verschmelzung - спаиваніе, т.е. такое соединеніе, въ которомъ не представляется возможнымъ отличить одни моменты отъ другихъ. Этотъ процессъ сліянія психологически представляетъ большой интересъ.

Понятіе сліянія представляетъ огромный теоретическій интересъ. На это обратилъ вниманіе Штумпфъ. Онъ формулировалъ сліяніе такимъ образомъ: два ощущенія могутъ другъ съ другомъ сливаться, давать одно цѣлое, которое таково, что отдѣльныхъ частей въ немъ мы не различаемъ или же различаемъ лишь съ большимъ трудомъ, т.е. у насъ получается своеобразный психическій синтезъ. Штумпфъ нашелъ, что сліяніе имѣетъ разныя степени, т.е. процессъ вліянія можетъ быть тѣснѣе и слабѣе. Одинъ разъ получается сліяніе болѣе тѣсное, другой разъ менѣе тѣсное, такъ что можно указать въ немъ извѣстныя градаціи. Процессъ сліянія онъ изслѣдовалъ на звуковыхъ явленіяхъ, на такъ

называемыхъ интервалахъ. Интервалы, сливаясь, являются объектомъ для изученія слiянія. Если возьмемъ два тона, находящiеся въ отношенiи 9/8, получимъ то, что называется секундой, 5/4 - терцiю, 4/3 - кварту, 3/2 - квинту, 5/3 - сексту, $\frac{15}{8}$ - септиму. Эти интервалы таковы, что два тона сливаются , составляютъ одно цѣлое, въ которомъ частей различить или совсѣмъ нельзя, или же можно лишь съ большимъ трудомъ. По мнѣнiю Штумпфа, между этими сочетанiями есть такая разница: нѣкоторыя изъ сочетанiй сливаются сильнѣе, другiя - менѣе сильно. Это имѣетъ большое значенiе, потому что понятiемъ слiянiя воспользовался, напримѣръ, Вундтъ для созданiя понятiя психологическаго синтеза, т.е. такого синтеза, когда каждый отдѣльный элементъ въ своей особенности - пропадаетъ совершенно, и у насъ получается нѣчто въ родѣ химическаго соединенiя. Штумпфъ изслѣдовалъ, какiя изъ этихъ сочетанiй сливаются сильнѣе. Для этой цѣли онъ бралъ людей двухъ категорiй: музыкантовъ и немузыкантовъ, т.е. съ хорошимъ музыкальнымъ ухомъ и съ плохимъ. Экспериментъ производился такимъ образомъ : положимъ, вы не музыкантъ; я создаю интервалъ и спрашиваю васъ - два тона или одинъ? Вы угадываете, одинъ разъ говорите - два, другой разъ - одинъ. Продѣлываю, напримѣръ, 100 экспериментовъ и смотрю, каковы показатели въ пользу одиночности и двойственности впечатлѣнiй. Если слiянiе полное, кажется, что мы слышимъ одинъ звукъ. Оказалось, что октава даетъ такое соединенiе, что даже музыкантъ съ трудомъ различаетъ, два или одинъ звук онъ слышитъ. Для не музыкантовъ октава въ 75 % случаевъ да-

есть сужденіе, утверждающее единочность, т.е. сліяніе наиболѣе сильное. Послѣ октавы идетъ квинта, затѣмъ кварта, малая и большая секста, секунда и септима. Сопоставляя октаву и септиму, видимъ, что октава - наиболѣе полное сліяніе, септима - наименѣе полное. Отношеніе 15 къ 8 ($\frac{15}{8}$) настолько неблагопріятно для сліянія, что даже не музыкантъ можетъ отличить двойственность. Что всего любопытнѣе , - степень сліянія остается одной и той же, каково бы ни было абсолютное количество колебаній: на всѣхъ октавахъ она будетъ той же самой.

Вопросъ о степени сліянія является спорнымъ. Онъ подвергался изслѣдованію только со стороны Штумпфа, болѣе подробныхъ изслѣдованій нѣтъ, но фактъ сліянія во всякомъ случаѣ установленъ.

Такой процессъ слiянія существуетъ и въ другихъ областяхъ, гдѣ можно тоже найти сліяніе такого сорта, что два ощущенія, сливаясь, дадутъ единочнео ощущеніе. Напримѣръ, ощущеніе запаха: два запаха могутъ такъ слиться, что дадутъ то, что называется сліяніемъ. Во вкусовыхъ ощущеніяхъ есть то же самое: два вкуса, напримѣръ, сладкій и соленый, хотя они не вступаютъ въ полное соединеніе, вмѣстѣ даютъ одно вкусовое ощущеніе, въ которомъ различить наличность соленаго и сладкаго невозможно. Если взять металлическое остріе и коснуться имъ того мѣста тѣла, которое наилучше реагируетъ на тепло, получимъ ощущеніе теплоты; если будемъ надавливать, получимъ болевое ощущеніе. Важно, что ощущеніе тепла или холода от-

ступаетъ при этомъ на заднiй планъ, оно не пропало, оно имѣется на лицо, но оно такъ сливается съ болевымъ ощущенiемъ, что вмѣстѣ составляетъ одинъ комплексъ, только болевое ощущенiе, передъ которымъ ощущенiе тепла отступаетъ подобно тому, какъ въ звуковыхъ сочетанiяхъ болѣе низкiй тонъ выступаетъ на первый планъ, а высокiй отступаетъ.

Въ этой же области слiянiя я обращаю ваше вниманiе на то слiянiе, которое называется к о м п л и к а ц i е й. Этотъ терминъ ввелъ Гербартъ для тѣхъ случаевъ, когда въ соединенiе вступаютъ ощущенiя изъ различныхъ областей. У насъ до сихъ поръ были соединенiя, состоящiя изъ ощущенiй кожнаго плюсъ кожное, звукового плюсъ звуковое и т.п. Но можетъ быть соединенiе ощущенiя кожнаго плюсъ какое-нибудь другое - вкусовое, обонятельное, ощущенiе зрительное плюсъ слуховое и т.д. Они тоже могутъ соединяться, могутъ сливаться. Если возьмемъ ощущенiя, связанныя съ ощущенiями вкусовыми, мы замѣтимъ, что вкусовыя ощущенiя вступаютъ въ слiянiе съ осязательными и обонятельными. Есть вещества, имѣющiя влiянiе на поверхность кожи, вызывающiя ощущенiе холода и т.д. причемъ къ нимъ присоединяются и обонятельныя ощущенiя; слiянiе ихъ бываетъ настолько полнее, что обыкновенно ихъ считаютъ чисто вкусовыми; например, варенье - обыкновенно считаютъ, что оно имѣетъ только вкусъ, а между тѣмъ при оцѣнкѣ мы принимаемъ въ соображенiе не только вкусъ, но и запахъ. Приведу еще нѣсколько случаевъ слiянiя. Вотъ металлическая пластинка, взятая изъ коллекцiи для психологическихъ экспериментовъ, производимыхъ въ

австрійскихъ гимназіяхъ. Температуру пластинки дѣлаютъ нѣсколько ниже комнатной, подаютъ пластинку ученику, чтобы онъ прикоснулся къ ней возможно быстро, и спрашиваютъ, что онъ ощущаетъ: получается ощущеніе мокроты;Откуда получается это ощущеніе мокраго? Имѣется два элемента - гладкость и холодъ, которые и даютъ ощущеніе мокраго. Что представляетъ собою ощущеніе мокроты?Нѣчто сложное, состоящее изъ двух моментовъ - холода и гладкости, причемъ гладкость сама имѣетъ сложный характеръ. Возьмемъ дальше такой примѣръ: говорятъ, что предметъ гладкій, что это значитъ? Откуда это знаніе, что предметъ гладокъ?При помощи какихъ ощущеній оно получилось? При помощи осязательныхъ ощущеній мы знаемъ холодъ, тепло, прикосновеніе; при помощи мускульныхъ ощущеній-тяжесть, сопротивленіе и т.д..Относительно гладкости мы отъ нихъ ничего не узнаемъ. Ощущенія гладкости, шероховатости и т.п. представляютъ ощущенія сложнаго характера и являются иллюстраціей процесса сліянія. Здѣсь сливаются два ощущенія такъ, что представляютъ одно цѣлое, въ которомъ мы не различаемъ его составныхъ элементовъ. Мы получаемъ однообразныя ощущенія прикосновенія, въ которыхъ отсутствуетъ ощущеніе сопротивленія. Мы получаемъ рядъ однообразныхъ впечатлѣній, которыя не прерываются, не встрѣчаютъ препятствій. Ощущенія гладкости есть ощущеніе, сливающееся изъ ощущенія прикосновенія плюсъ ощущеніе отсутствія сопротивленія. Эти ощущенія такъ сливаются, что образуютъ одно цѣлое, одинъ комплексъ, въ которомъ мы не въ состояніи различить составныя части. Ощуще-

ніе шероховатости получается такимъ образомъ.:осязая поверхность, при прикосновеніи получаемъ ощущенія прерывающіяся, вслѣдствіе неровностей получаемъ ощущеніе сопротивленія.Ощущеніе сопротивленія есть ощущеніе мускульное, къ нему присоединяется ощущеніе осязательное и вмѣстѣ они даютъ ощущеніе шероховатости, которое имѣетъ слѣдовательно сложный характеръ. Есть еще одинъ случай, который я хочу привести въ качествѣ примѣра сліянія,Это одинъ необычайно простой фактъ, психологически впрочемъ трудно объяснимый. Если я беру карандашъ и держу его тамъ, чтобы онъ упирался однимъ концомъ, напримѣръ,въ столъ, а другимъ въ руку, я получаю ощущеніе прикосновенія къ поверхности кожи.Но - при этомъ любопытно, что я получаю не только ощущеніе отъ поверхности кожи, но и отъ поверхности стола. Подвергается возбужденію палецъ руки,а между тѣмъ получаются свѣдѣнія,съ одной стороны, о карандашѣ- что онъ острый, и вмѣстѣ съ тѣмъ - съ другой, о поверхности - что она твердая, мягкая и т.д. Отъ одного прикосновенія получается двойное сопротивленіе, двойное прикосновеніе. Эти двойныя свѣдѣнія чрезвычайно важны для слѣпыхъ, изучающихъ такимъ образомъ поверхности. Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ процессомъ сліянія.Здѣсь сливаются два ощущенія - ощущеніе прикосновенія и ощущеніе извѣстнаго мышечнаго сопротивленія.Замѣтьте, что это совершенное подобіе химическаго процесса: вы не можете различить его составныхъ элементовъ.

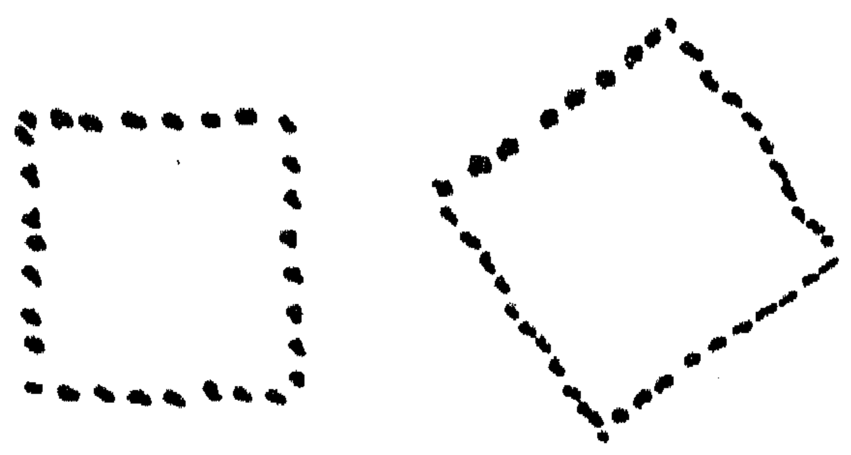
Послѣдній примѣръ сліянія представляютъ наши органиче-

сыя ощущенія. Вы знаете, что у насъ отъ всевозможныхъ частей организма проходитъ масса различныхъ ощущеній, которыя составляютъ одинъ общій хоръ такъ, что отдѣльныхъ голосовъ въ немъ различить нельзя; получается одна мелодія - хорошее или дру-гое настроеніе.

Вотъ рядъ примѣровъ для иллюстраціи того, что представляетъ какъ бы психическую химію, хотя я лично оспариваю этот послѣдній терминъ : о химіи, коечно, здѣсь рѣчи быть не можетъ.

Теперь обращу ваше вниманіе еще на одно понятіе,съ которымъ приходится сталкиваться при изученіи новѣйшей психологіи.Оно возникло недавно,но такъ популярно,что имѣется въ большинствѣ психологическихъ сочиненій,Это терминъ"формальныя качества",встрѣчаемый у Липпса, у австрійскихъ психологовъ Эренфельса, и Мейнонга,у Штумпфа и др." Gestaltqualität.Рѣчь здѣсь идетъ о томъ,что иногда ощущенія или представленія соединяются такъ,что въ этомъ соединеніи для насъ представляютъ интересъ не сами ощущенія, а форма ихъ соединенія.Возьмемъ какую нибудь мелодію;,пусть ее споетъ ребенокъ и взрослый человѣкъ:голоса будутъ различны - одинъ дискантъ, а другой басъ, тоны будутъ разные, а мелодія будетъ одна.У насъ могутъ быть элементы а + в + с + д , которые такъ соединяются,что самые элементы не представляются важными, а важна форма ихъ соединенія, Это и есть Gestaltqualität.Возьмемъ другой примѣръ - гекзаметръ : всѣ стихи, написанные этимъ размѣромъ, похожи,но похожи не тѣми словами, которыя въ нихъ входятъ,

а ритмомъ, который имъ всѣмъ присущъ. Мы говоримъ, что этотъ рядъ звуковъ похожъ на другой, потому что у нихъ одинъ ритм. Элементы не представляются важными, а важно форма соединенія.



Мы можемъ обратиться къ фигурамъ. Пока я воспринимаю каждую отдѣльную точку, простая сумма точекъ квадрата не даетъ; я могу различать ихъ, но квадрата у меня не будетъ. Чтобы получился квадратъ, надо, чтобы я соединилъ ихъ, придалъ бы имъ особую форму; при чемъ форма и сумма точекъ не одно и то же. И та и другая фигура есть квадратъ, хотя элементы различные: точки въ одной однѣ, въ другой - другія, а форма одна, т.е. форма не то же самое, что сумма.

Для насъ содержаніе неважно. Если, напримѣръ, кто-нибудь поетъ, а другой выбиваетъ тактъ, мы можемъ найти сходство, хотя содержаніе различно : мы и тутъ, и тамъ усматриваемъ извѣстную форму.

Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ процессъ соединенія по особому принципу. Тѣ качества вещей, которыя помогаютъ связывать ощущенія, то что называется "форменными качествами", интересны въ томъ отношеніи, что ими обусловливается особая форма соединенія.

-.-.-.-.

ОТЪ ЗАВѢДУЮЩАГА ИЗДАНІЕМЪ КУРСА.

Рисунки, на которые имѣются ссылки въ текстѣ первой части, будутъ приложены ко второй части курса.

Замѣченныя опечатки и пропуски будутъ помѣщены вмѣстѣ съ опечатками и пропусками второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Страницы.
1 л.	Объ отношеніи психологіи къ философіи.	3.
2.	О предметѣ психологіи	20.
3.	О методѣ психологіи	42.
4.	Экспериментальный методъ изслѣдованія	63.
5.	Генетическій методъ психологіи.	86.
6.	Сознательное и безсознательное	111.
7.	Выясненіе понятія субъекта	133.
8.	О классификаціи душевныхъ явленій	155.
9.	О классификаціи душевныхъ явленій. Индивидуальная психологія	178.
10.	Объ ощущеніяхъ	203.
11.	Объ измѣреніи скоростей умственныхъ процессовъ.	225
12.	О вниманіи	237
13.	— " —	256.